

ISSN: 2616-8162

Вестник Донецкого национального университета

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
*Основан
в 1997 году*

Серия Д
Филология
и психология

2/2020

Редакционная коллегия журнала «Вестник Донецкого национального университета.
Серия Д: Филология и психология»

Ответственный редактор – д-р филол. наук, проф. **В.И. Теркулов**

Заместитель ответственного редактора – д-р филол. наук, проф. **О.Л. Бессонова**

Ответственный секретарь – канд. психол. наук, доц. **С.А. Вильдгрубе**

Члены редколлегии: д-р наук по соц. ком., проф. **И.М. Артамонова**, д-р филол. наук, проф. **Ш.Р. Басыров**, канд. психол. наук, доц. **Т.А. Вилюжанина**, канд. психол. наук, доц. **А.В. Гордеева**, д-р психол. наук, проф. **С.Т. Джанерьян** (Южный федеральный университет, Российская Федерация), канд. психол. наук, доц. **Т.Б. Ильина**, канд. психол. наук, доц. **А.А. Кацеро** (Тульский государственный университет им. Л.Н. Толстого), д-р филол. наук, проф. **В.Д. Калиущенко**, д-р филол. наук, проф. **А.А. Кораблёв**, д-р филол. наук, проф. **О.А. Кравченко**, д-р филол. наук, проф. **С.Е. Кремзикова**, д-р психол. наук, проф. **В.А. Лабунская** (Южный федеральный университет, Российская Федерация), канд. филол. наук, доц. **М.Н. Панчехина**, д-р филол. наук, проф. **А.В. Петров** (Таврическая академия Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация), канд. психол. наук, доц. **С.В. Руденко**, д-р психол. наук, проф. **А.В. Сидоренков** (Южный федеральный университет, Российская Федерация), д-р филол. наук, проф. **Л.В. Соснина**, канд. психол. наук, доц. **Н.В. Устинова**, д-р филол. наук, проф. **В.В. Федоров**, д-р филол. наук, проф. **Е.В. Филатова**, д-р филол. наук, проф. **Л.Н. Ягупова**, канд. психол. наук, доц. **М.И. Яновский**, канд. психол. наук, доц. **И.А. Ярмыш**.

Editorial Board of journal “Bulletin of Donetsk National University
Series D: Philology and Psychology”

Editor-in-Chief – Doctor of Philology, Prof. **V.I. Terkulov**

Deputy Editor-in-chief – Doctor of Philology, Prof. **O.L. Byessonova**

Executive Secretary – Candidate of Psychology, Associate Prof. **S.A. Vildgrube**

Members of the Editorial Board: Doctor of Social Communications, Prof. **I.M. Artamonova**, Doctor of Philology, Prof. **Sh.R. Basyrov**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **T.A. Vilyuzhanina**, Doctor of Psychology, Prof. **S.T. Dzhaneryan** (Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation), Candidate of Psychology, Associate Prof. **A.V. Gordeeva**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **T.B. Ilyina**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **A.A. Katsero** (Tula State University named after L.N. Tolstoy), Doctor of Philology, Prof. **V.D. Kaliuščenko**, Doctor of Psychology, Prof. **A.V. Labunskaya** (Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation), Doctor of Philology, Prof. **A.A. Korablyov**, Doctor of Philology, Prof. **O.A. Kravchenko**, Doctor of Philology, Prof. **S.Ye. Kremzikova**, Candidate of Philology, Associate Prof. **M.N. Panchehina**, Doctor of Philology, Prof. **A.V. Petrov** (Taurida Academy of Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky, Simferopol, Russian Federation), Candidate of Psychology, Associate Prof. **S.V. Rudenko**, Doctor of Psychology, Prof. **A.V. Sidorenkov** (Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation), Doctor of Philology, Prof. **L.V. Sosnina**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **N.V. Ustinova**, Doctor of Philology, Prof. **V.V. Fyodorov**, Doctor of Philology, Prof. **E.V. Filatova**, Doctor of Philology, Prof. **L.N. Yagupova**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **M.I. Yanovsky**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **I.A. Yarmysh**.

Адрес редакции: ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
ул. Университетская, 24, 83001, г. Донецк

Тел: +38 062 302-92-33.

E-mail: terkulov@rambler.ru, s.vildgrube@mail.ru, korobova.lat@gmail.com.

URL: <http://donnu.ru/vestnikD>.

Научный журнал «Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология» включён в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, соискание учёной степени доктора наук (Приказ МОН ДНР № 576 от 04.05.2019 г.) по следующим группам научных специальностей: 10.00.00 – филологические науки; 19.00.00 – психологические науки. Научный журнал «Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология» включён в базу РИНЦ (договор 264-06/2018).

Вестник Донецкого национального университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 1997 ГОДУ

Серия Д: Филология и
психология

№ 2/2020

СОДЕРЖАНИЕ

Филология

Даренский В.Ю. Жанр fantasy у современных православных писателей	5
Дьякова Т.А. Наименования оружия в стихотворениях М. Матусовского как средство отражения языковой картины мира поэта	15
Димитриева О.А. Особенности интерпретации ситуации винопития в художественном мире Н.С. Лескова	24
Миннурин О.Р. Проблемные узлы учения В.В. Федорова о поэтическом бытии: аксиологический аспект	30
Панчехина М.Н. Лингвокультурные «карнавал» и «ярмарка» в литературе магического реализма	39
Сенчина Л.Т. Роман «Лавр» Е. Водолазкина. Опыт прочтения	45
Сорокин А.А. Февральская революция 1917 года в поэме «Товарищ» С.А. Есенина	49
Ярошенко Н.А. Лексико-семантические группы сложных номинаций лица с соматическим компонентом в диалектах русского языка	55
Авксентьева А.М. Интертекстуальность в заголовочных комплексах современных масс-медийных интернет-ресурсов	73
Герасименко Е.Е. Образ Куртца в повести Дж. Конрада «Сердце тьмы» и фильме Ф.Ф. Копполы «Апокалипсис сегодня»: интермедиальный аспект	79
Жуков Ю.Ю. Термин как языковой знак: основные его признаки и характеристики (на примере понятийно-терминологической сферы «Закон»)	88
Кузьмина А.В. Англо-шотландская народная баллада «Прекрасная Маргарет и милый Вильям» в переводе П.И. Вейнберга	95
Осокова А.С. Образные наименования лица по признаку «характер» в русском языке	102
Решетарова А.М. Структурные и композиционные особенности юмористических текстов в жанре стендап-комедии	108

<i>Синенко Е.С.</i> Экклезионимия дилогии Ивана Шмелёва «Лето Господне» и «Богомолье»	112
<i>Федченко О.Д.</i> Чернигов – дославянское имя древнерусского города	118
<i>Халабузарь А.О.</i> Дешифровальные стимулы аббревиатурной группы «Авиа»	122

Рецензии

<i>Поликаров А.М., Калиш Д.В.</i> Рецензия на учебное пособие Т.Н. Федуленковой «Фразеология: хрестоматия» (Архангельск, САФУ им. М.В. Ломоносова, 2017. 172 с.)	128
<i>Федуленкова Т.Н., Курганова М.С.</i> Рецензия на диссертационную работу А.М. Гороховой «Репрезентация британского национального характера в паремиологическом фонде английского языка» на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.04 – германские языки (Н. Новгород, 2017)	133

Слово молодому ученому

<i>Михайлова Е.Н.</i> Реализация актантной семантики в реляционных дешифровальных стимулах как средство трактовки сложносокращенного слова	139
--	-----

Психология

<i>Рядинская Е.Н., Бондарь Л.С., Богрова К.Б.</i> Различные варианты расчета t-критерия Стьюдента в психологии	146
<i>Зенченков И.П.</i> Подходы к рассмотрению духовности в психологии	155
Правила для авторов	160

Bulletin of Donetsk National University

SCIENTIFIC JOURNAL

FOUNDED IN 1997

***Series D: Philology and
Psychology***

No 2/2020

CONTENTS

Philology

<i>Darenskiy V. Y.</i> The genre of fantasy in works by modern orthodox writers	5
<i>Diakova T. A.</i> Designations of weapons in M. Matusovsky's poetry as means of reflecting the poet's linguistic worldview	15
<i>Dimitrieva O. A.</i> Interpretation of the situation of wine drinking in the literary world of N.S. Leskov	24
<i>Minnullin O. R.</i> Problem knots of teaching V.V. Fedorov about poetry being: axiological aspect	30
<i>Panchehina M. N.</i> Linguistic culturemes "carnival" and "fair" in the literature of magical realism	39
<i>Senchina L. T.</i> Novel «Laurel» by E. Vodolazkin. Reading Experience	45
<i>Sorokin A. A.</i> February revolution of 1917 in the poem "Comrade" by S. A. Yesenin	49
<i>Yaroshenko N. A.</i> Lexical-semantic groups of compound nominations of person with somatic component in Russian language dialects	55
<i>Avksenteva A. M.</i> Intertextuality in headline complexes of modern Internet media	73
<i>Gerasimenko E. E.</i> Image of Kurtz in novel «Heart of darkness» by J. Conrad and film «Apocalypse Now» by F.F. Coppola : intermedial aspect	79
<i>Zhukov Iu. Iu.</i> Term as a language sign: its basic signs and characteristics (on the example of the concept-terminological sphere "Law")	88
<i>Kuzmina A. V.</i> The English-Scottish folk ballad «Fair Margaret and Sweet William» translated by P.I. Veinberg	95
<i>Ossokova A. S.</i> Figurative nouns designating a person according to character in the Russian language	102
<i>Reshetarova A. M.</i> Structural and compositional features of humorous texts in the genre of stand-up comedy	109

<i>Sinenko E. S.</i> The Ecclesionymy of in Dilogy <i>Leto Gospodne</i> and <i>Bogomolye</i> by Ivan Shmelyov	113
<i>Fedchenko O. D.</i> Chernigov as a pre-slavic name of an ancient russian city	118
<i>Khalaabusar A. O.</i> Decoding patterns of the abbreviation group "avia"	122

Reviews

<i>Polikarpov A. M., Kalish D. V.</i> Review of the textbook by T.N. Fedulenkova "Phraseology: textbook" (Arkhangelsk, NAFU named after M.V. Lomonosov, 2017. 172 p.)	128
<i>Fedulenkova T. N., Kurganova M. S.</i> Review of A.M. Gorokhova's dissertation "Representation of the British national character in English proverbs" for a Candidate degree in Philology, Specialty 10.02.04 - Germanic languages (N. Novgorod, 2017)	133

Commencing scholars, have your say!

<i>Mikhailova E. N.</i> Implementation of actant semantics in relational decription stimuli as means of interpreting a compound-shortened word	139
--	-----

Psychology

<i>Ryadinskaya Ye. N., Bondar L. S., Bogrova K. B.</i> Various options of calculating Student's t-test in psychology	146
<i>Zenchenkova I. P.</i> Approaches to consideration of spirituality in psychology	155
Guidelines for authors	160

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 82.09

ЖАНР FANTASY У СОВРЕМЕННЫХ ПРАВОСЛАВНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

© 2020. *В.Ю. Даренский*

ГОУ ВПО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет»

В статье рассматривается жанр fantasy в современной российской православной литературе. Выделена типология жанра на примере нескольких знаковых авторов. В частности, Ю.Н. Вознесенская разрабатывала библейские и эсхатологические сюжеты, приближая их к восприятию современного человека; о. Александр Торик ближе к «духовному» роману в традициях Ф.М. Достоевского; С.С. Козлов близок к обычной психологической прозе. Но во всех случаях их фантастические сюжеты выполняли одну и ту же важнейшую роль – разрывали рамки обыденности и обнажали конечность человеческой жизни. В этом состоит ее целительная функция для современного человека, напоминая ему о бессмертной душе.

Ключевые слова: fantasy, православная литература, Ю.Н. Вознесенская, о. Александр Торик, С.С. Козлов.

Введение. Как известно, художественная литература началась именно с того, что в наше время называли бы «фантастикой» – с мифических преданий и сказок. Впрочем, для архаического человека они нисколько не были выдумкой – их героев он видел реально в измененных состояниях сознания: во снах и в экстазисе гипнотического и наркотического свойства во время священных ритуалов. Эти видения даже считались реальностью более высокого порядка, чем реальность обыденная, поскольку относились к миру вечному. «Илиада», «Одиссея», «Махабхарата» повествуют о событиях, которые происходят в двух мирах сразу, причем эти миры переплетены так, что между ними часто вообще исчезает граница. Позднее разделение этих миров стало требованием жанра, и тогда «фантастическое» выделилось в особую сферу. Однако и в этом случае статус «фантастического» вовсе не был синонимом выдумки. Современники Данте, естественно, не думали, что автор «Божественной комедии» действительно уже побывал в мире ином и рассказал о том, что там видел. Однако само существование иного мира ими нисколько не ставилось под сомнение, так же как и его трехчастная структура. Вообще, беседа с усопшими как поучительный загробный диалог была популярна в литературе в эпоху Античности, а затем возрождена в направлении классицизма – французом Николя Буало в драме «Герои из романов. Диалог в манере Лукиана». А в своем «Поэтическом искусстве» он обосновал запрет на изображение евангельских сюжетов, поскольку тут художественные вольности всегда граничат со святотатством, но дал волю использованию образов античной мифологии в качестве ценных поэтических символов. Это и было первое теоретическое обоснование ценности сознательно «фантастических» сюжетов.

Параллельно развивался жанр загробных путешествий. Если не принимать во внимание мистерии, идущие из литературы Средних веков, то в светской литературе Нового времени первый блестящий образец этого жанра дал Генри Филдинг (1707–1754) в повести «Путешествие в загробный мир и прочее» (1743). Описание момента смерти у этого автора ошеломляющее: «Никакой узник, выпущенный из долгого

заточения, не обонял аромат свободы острее меня, освобожденного из темницы, где я удерживался около сорока лет» [14, с. 31]. Вместе с тем у этого автора *путешествия в загробный мир являются ничем иным, как аналогом нравственной рефлексии, данной в форме внешних сюжетов*: «Я вторично заслужил преисподнюю, и действительно, Минос склонялся к тому, чтобы ввергнуть меня в геенну, но узнав, какую казнь учинил мне Родорик, и как еще семь лет я был в рабстве у вдовы, он счел это достаточным искуплением всех грехов, какие может вместить одна человеческая жизнь, и отослал меня обратно – в третий раз попытать счастья» [14, с. 61]. Данный принцип остается неизменным вплоть до «Теркина на том свете», в котором за социальной сатирой явственно выступает нравственный суд героя над самим собой, своей страной и поколением.

В 2000-е годы в русской литературе, в ее православном сегменте, появились два знаковых произведения, которые продолжают этот жанр, но при этом возвращают его к своим историческим истокам – к аутентичным загробным видениям, сохранившимся в истории христианской словесности. Это «Мои посмертные приключения» Юлии Вознесенской и «Димон» о. Александра Торика. Хотя любые субъективные представления о загробной жизни в Православии считаются вредными «мечтаниями» и прельщениями, вредящими трезвомыслию, тем не менее по факту они существуют. Исходя из этого, православный писатель вполне может работать с этим материалом в художественных целях, тем более что такой жанр уже разработан в мировой литературе. Такие древние тексты, как особенно известные и популярные в наше время среди верующих «Мытарства Феодоры»¹ и «Видение Страшного Суда» и др. – не являются догматическими текстами, а относятся к жанру церковного фольклора. Это «духовные романы» (проф. П. Казанский) – т. е. это символы духовных состояний человека, которые сформировались в его жизни и которые он уносит затем в бытие вечное. Как писал известный американский православный подвижник и писатель Серафим (Роуз): «Даже младенцу ясно, что нельзя буквально воспринимать описания мытарств». Сюжеты «загробных путешествий» основаны на символике духовных состояний человека. Поэтому авторитетный современный богослов, как проф. А.И. Осипов, отмечает: «...эти мытарства... при всей простоте их земного изображения в православной житийной литературе имеют глубокий духовный, небесный смысл... это суд совести и испытание духовного состояния души» [8].

Священник Даниил Сысоев в статье «Православие и фантастика: границы и перспективы» писал о преемственности «христианской fantasy» по отношению к народной христианской культуре: «в этих сказках и легендах выражены христианские идеи, настоящий опыт христианской жизни, и потому Церковь с этим никогда не боролась. Сказки входили, как составная часть, в традиционную христианскую культуру. Конечно, часть эта не основная» [12]. Е. Хаецкая в эссе «Возможна ли христианская fantasy?» задается вопросом: «...Как совместить Православие как личное мировоззрение и fantasy как способ писать? Невозможно ведь поститься-молиться,

¹ Православное учение о мытарствах впервые в развернутом виде было изложено свт. Кириллом Александрийским в его слове «О исходе души». «Мытарствами» называется переход бессмертной души от временной земной жизни к ее посмертному состоянию. Во время этого перехода душа в присутствии Ангелов и демонов, и перед оком всевидящего Судии Бога, испытывается во всех своих земных делах, словах и помышлениях. Души, оправданные на мытарствах, возносятся Ангелами в райские обители, а души грешников, задержанные на каком-то из мытарств, забираются демонами во ад на вечное мучение. В житии преп. Василия Нового (Х век) повествуется о хождениях по мытарствам преп. Феодоры (ее память отмечается Церковью 8 декабря) и перечисляются 20 мытарств. На основе этого списка мытарств совершается покаяние во время подготовки к исповеди.

одновременно с этим сочиняя про феечек, друидов и проч.!» Но христианская fantasy возможна, считает она, поскольку «чудесной составляющей сюжета может быть любая святоотеческая история, изложенная опоэтизированно, с приключениями, переживаниями, диалогами – в общем, художественно» [13]. Однако в этом есть сущностный парадокс: то, что «внешнему», не православному, читателю будет казаться фантастикой, для самого ее автора есть самая доподлинная реальность. Среди научных исследований данной темы стоит отметить в первую очередь статьи Т.И. Хоруженко, М. Крыловой и О.Н. Склярова [7; 11; 15; 16].

Целью данной статьи является анализ христианской fantasy, представленной в знаковых произведениях современных православных писателей, для определения специфики их поэтики и их отношения к религиозной и литературной традиции.

Основная часть. Стоит отметить, что некоторые писатели, позиционирующие себя как православные, также пишут в стиле fantasy, но при этом обращаясь не к традиции загробных путешествий, а к самым современным и уже очень избитым образам, например «машины времени». Однако трактовка этого столь привычного образа оказывается совершенно иной. Герой романа С.С. Козлова (Тюмень) «Время любить» изобретает машину времени, но она переносит его не в далекое прошлое или будущее, а только сдвигает время лишь чуть-чуть, но совершенно особым образом: «Они оказались в квартире Сергея Павловича прямо у стола, на котором тихо гудел генератор машины времени.

– Это то, что я думаю? – спросила Варя.

– Да. Мы с тобой в нашем будущем. Всего лишь на полчаса вперед. У нас есть целый город, в котором никто, кроме нас, не живет. Я назвал его Городом влюбленных и решил подарить тебе. Всякий раз, когда нам будет надоедать наш суетливый мир, мы сможем уезжать сюда на любое время! Хоть на год, потому что всегда есть возможность вернуться в минуту отправления.

– С ума сойти! Это же чудо!

– Сам не верю» [6, с. 123].

Столь неожиданная трактовка образа «машины времени» стала возможна только в рамках христианского мышления, для которого ни прошлое, ни будущее как таковые неинтересны, ведь суть жизни людей во все времена абсолютно одинакова – это борьба с грехом ради спасения бессмертной души, и внешние обстоятельства этой борьбы сами по себе безразличны. Об этом также и фантастическая повесть С.С. Козлова «Русский Фауст», которая имеет духовно-символический смысл подтекст: здесь, по сюжету, создан аппарат для отъема «биоэнергетической субстанции» у населения. Эта субстанция символически обозначает человеческую душу, которая «высасывается» техногенной цивилизацией. К жанру fantasy относится и его роман «Репетиция Апокалипсиса (Ниневия была помилована)» (издательство «Сибирская Благозвонница», 2014). В этом романе от главы к главе переплетаются шесть судеб: среди них – христиане, русские, мусульманин, китаец, бывший военный, кладбищенский «копать», доктор философских наук, освободившийся зэк, врач и многие другие. Все они оказываются на пороге Конца времен, но на фоне вполне узнаваемых картин современности, которые, однако, совпадают и с признаками приближения Конца, которые указал Спаситель. В романе упоминается множество пророчеств христианских святых мучеников (и даже суры Корана), говорящих о приближении Апокалипсиса. Каков смысл такого повествования? Оно дает возможность читателю перенестись воображением в конец времен перед наступлением Страшного Суда чтобы с полной ясностью осмыслить суть нашего времени и состояние

своей собственной души, еще не готовой к этому последнему Суду над миром. Историческим прецедентом такого сюжета являются знаменитые «Три разговора» Вл. Соловьева.

Юлия Николаевна Вознесенская (1940 г., Ленинград – 2015 г., Франция) окончила Институт театра, музыки и кино, была активным деятелем в кругах неформального искусства, публиковала стихи сначала в периодике, потом в самиздате. В 1973 году приняла крещение, в 1976-м была осуждена на пять лет ссылки за «антисоветскую пропаганду». Бежала из ссылки, что привело к двум годам лагерного заключения, в 1980 году эмигрировала из СССР, работала на радиостанции «Свобода». В 1990-е жила в Леснинской женской обители Пресвятой Богородицы во Франции, где по благословению игумены Афанасии написала роман-притчу «Мои посмертные приключения», после чего писала духовные романы вплоть до своей смерти. Она получила благословение на свое творчество от патриарха Кирилла. В последний период жизни она была глубоко воцерковленным человеком, при этом все деньги, заработанные от продажи ее книг, тратила на благотворительность, поддерживая материально стариков. Фильм «Вдвоем на льдине» (Россия, 2015), снятый по рассказу Юлии Вознесенской, получил Гран-при на фестивале в Орленке. О целях своего творчества сама Юлия Вознесенская говорила в интервью: «Это миссионерская литература на самом деле. Это попытка разговаривать с неверующими или ищущими – в литературе, их языком» [Цит. по: 9, с. 692]. Ее произведения становятся предметом изучения литературоведов [См.: 1; 7; 9; 11; 15; 16].

Ее романы «Путь Кассандры, или Приключения с макаронами» и «Паломничество Ланселота» повествуют о близком будущем после третьей мировой войны. Это романы-антиутопии о временах господства на земле Антихриста-Лжемессии. Главная героиня книги, девушка Кассандра, преодолевает множество трудностей и находит свой путь к Богу. В «Паломничестве Ланселота» повествуется о том, как европейские государства после экологической катастрофы объединились под властью президента единого мирового государства, называющего себя Спасителем и Мессией (на самом деле – лжемессией, Антихристом). Половина Европы и Америки ушла под воду, люди живут на кораблях. По Планете – теперь название всего мира, кроме России – ходят армии клонов, люди подвергаются принудительной эвтаназии, едят заменители пищи и живут в созданной реальности, где все «планетяне» могут быть теми, кем захотят. Образ лжемессии сопровождают три шестерки, перевернутый крест и когти на руках. Его гимн начинается словами: «Союз нерушимый народов свободных сплотил ты навеки, Мессия отец!» (ассоциации этого текста очевидны). При богослужениях мессу церковники мировой церкви пользуются черными свечами. Планетянин Ланс (норвежский рыбак Ларс Кристенсен) отправляется в паломничество на далекий остров Иерусалим, чтобы получить исцеление от Мессии. Исцеление страждущих происходит в главной резиденции – новой Вавилонской башне. При этом кое-где в Европе выжили православные христиане, а все остальные ветви христианства слились с Православием. Исключение в царстве Зверя представляет лишь Россия, выжившая во время катастрофы, восстановившая монархию и Православие. Россия здесь превращается в остров спасения, сохранившийся в обезумевшем мире. «Знаете ли вы, дорогие братья и сестры, кто с Божьей помощью спас Россию? Спасли ее православные дети», – говорится в романе «Паломничество Ланселота». Согласно авторскому видению истории, в конце XX века «пала безбожная власть, но сатана хитер, и огромный бес коммунизма рассыпался на легионы мелких бесов. Только-только на Руси начало укрепляться и распространяться Православие, как все адские

силы поднялись, собирались и пошли в атаку на русские души: бандитизм, наркомания, сатанизм, растление, пропаганда жизни ради удовольствий, неоязычество, бездуховность — все это обрушилось на страну, и многим тогда показалось, что Россия обречена идти по западному пути. Она бы и пошла и тоже оказалась под властью Антихриста, если бы не дети... наркоманы, бандиты, блудники, блудницы и прочие грешники были великими себялюбцами, и они не хотели иметь детей; а православные женщины тихо и скромно вели дело спасения Святой Руси, рожая и воспитывая столько детей, сколько им посыпал... дети выросли, и молодая Россия стряхнула с себя остатки смутных времен. Православные дети — богатство и сила Святой Руси!» [3, с. 367]. В свою очередь, в трилогии Ю. Вознесенской «Юлианна» стоит обособленно, и реалистическое повествование переплетается в ней со сверхъестественными явлениями: ангелы и демоны (бесы) сражаются за душу человека.

Исследователь из Екатеринбурга Татьяна Хоруженко в статье «Православное фэнтези как явление современной литературы» отмечает, что Юлия Вознесенская «основной акцент делает на духовном преображении» героев, и этим ее тексты отличаются и от утопии, и от фантастики в их привычном понимании. Кроме того, «нетрудно заметить, что описание благословенной долины, как в дальнейшем и Гефсиманского острова, напоминает фольклорную легенду о Беловодье»; как пишет Татьяна Хоруженко, «четкое противопоставление добра и зла, а также сюжет-квест действительно сближают “православное фэнтези” со своим мирским аналогом. Однако следует отметить, что сюжет-квест — это отличительная черта массовой фантастической литературы в целом. Именно такой тип сюжета придает занимательности повествованию. Сюжет-квест воплощается героем неверующим. Он приходит к православию благодаря молитвам героя верующего» [16, с. 385].

Но на архетипическую фольклорную основу накладываются признаки обычного литературного *fantasy*. Например, дети в романе могут летать: «Сонечку (девочку) летать научили чайки... вскоре взлетели и другие дети, сначала малыши, родившиеся вслед за Сонечкой и уже от рождения обладающие этой способностью, а после дети постарше, которые пришли в долину вместе со взрослыми... но летать научились только те дети, которым до прихода в долину не было семи лет» [3, с. 261]. Дилогия Юлии Вознесенской завершается вторым пришествием Спасителя: «Двери храма распахнулись, и из них вышел высокий священник в ослепительно белых одеждах. <...> За ним шли священнослужители в таких же радостных пасхальных одеяниях, монахи и монахини, мирские мужчины и женщины, старики и дети. Священник в белом, идущий впереди всех, медленно шел по дороге из храма и вел за собой остальных. Они не видели его лица, потому что он шел почти спиной к ним, уходя от них еще выше по горе» [3, с. 545]. Это второе пришествие Христа, которое происходит возле Иерусалима, ставшем резиденцией лжемессии. Есть в сюжете и новые мученики: «Сестра Евгения, ты будешь помогать отцу Иакову просвещать и крестить детей... а мученичество твое, кроме опасностей, которые вы встретите в пути, кроме трудов и лишений, которые тебя ждут в усадьбе на островке в дунайском море, будет еще и в том, что будешь непрерывно молиться за душу своего Ланселота. Это будет очень трудно, порой мучительно, но, поверь мне, Ланселот очень нужен Господу». Через мученичество герои обретают и утверждают веру, повторяя судьбы христианских мучеников первых веков нашей эры. Тем самым, с точки зрения типа сюжета, эти произведения можно рассматривать как «квест», содержанием которого являются не тривиальные подвиги в борьбе со злом внешнего мира (там уже полностью господствует Антихрист), а обращение в истинную веру через испытания.

Ланселот, ранее не веровавший во Христа и распятый лжемессией на кресте, становится новым мучеником. Естественно, что и само имя «Ланселот» выбрано не случайно – оно отсылает к легендарному рыцарю «круглого стола», искавшего Грааль – чашу с кровью Христовой. Здесь вера в Христа способна стереть «печать мессии» — инструмент контроля за «планетянами»: «Ты не Мессия, — сказал Ланселот. — Мессия — другой, и он уже приходил в этот мир. Ты — Антихрист, убийца людей и погубитель мира. Я отказываюсь от твоего исцеления и плюю на тебя! ... Антихрист завизжал и схватился обеими руками за лицо. и все увидели, как его лицо полыхнуло коротким синим пламенем, а руки превратились в покрытые рыжей шерстью лапы с длинными черными когтями» [3, с. 567]. Как видим, у Ю. Вознесенской сюжет прихода Антихриста парадоксальным образом разрешается в позитивном ключе – как возможность духовного прозрения людей перед лицом временного торжества абсолютного Зла. Поэтому М. Крылова вполне обоснованно определяет романы Ю. Вознесенской как «жанр христианского постапокалипсиса» [7].

Повесть Юлии Вознесенской «Сто дней до потопа» – это история об известном библейском персонаже, подруге детства Ноева сына Сима по имени Дина. Она – последний человек, которого Ной через своего сына надеется уговорить войти в спасительный ковчег. С точки зрения религиозной символики Ноев ковчег посреди развратившегося мира допотопных людей является образом Церкви Христовой в конце времён. В повести в художественных образах предпотопного мира дана квинтэссенция нашей современности: «Все дома в городе были обвешаны цветными картинками с забавными надписями, в основном предлагающими товары и услуги. Теперь я поняла, почему новые дома строили такими высокими – чтобы больше рекламы на них поместились. На улицах, прицепленные на фонари и просто на специально протянутых между домами тросах, висели бантики, воздушные шарики, смешные фигурки людей и животных – все совершенно гигантского размера и ярчайших цветов, и обязательно что-нибудь рекламирующие. Тот же образ жизни, к примеру: «Мы – впереди всей Земли!», «Город нефилимов – город счастья и свободы!», «Забудь Творца – твори себя сам!», «Живи на яркой стороне жизни!», «Бери от жизни все!». И прочий подростковый вздор в том же духе. Да, к этой детской культуре надо было еще привыкнуть...», – иронически отмечает героиня, давая оценку людям конца времен [4, с. 122].

Этот путь отторжения современного мира продолжается и в повести «Мои посмертные приключения», в которой рассказывается о путях главной героини в загробном мире. Здесь, как сказано в аннотации к книге, дано «собрание крупиц духовной мудрости и опыта многих людей», и поэтому «читателю открываются духовные истины, хранимые Православной Церковью. Что такое мытарства души, что ждет нас после смерти, какие искушения подстерегают нас... Только ад уж больно похож на нашу обыденную жизнь...» [2, с. 2]. По сути, *посмертное путешествие героини состоит не только и не столько в созерцании страданий людей за совершенные ими в земной жизни грехи, но в первую очередь – в восполнении и доделывании того, что нужно было сделать еще в земной жизни, но не успелось*: «Вскоре оказалось, что каждый мой день заполнен до отказа. Утром, когда солнце только вставало над морем, я вставала к нему лицом и молилась, обращаясь к Господу, к Божией Матери, к моему Ангелу-Хранителю и к единственному святому, которого знала по имени – к моему Деду, отцу Евгению. Я просила у Бога милости для Лопоухого, где бы он ни был. Потом я садилась на песок и размышляла. О чем? Обо всем, что случилось со мной за всю мою жизнь, начиная с того момента, как я себя помню. Что прожила я свою жизнь неумно и неправильно, это я давно поняла –

пришлось понять! Но теперь у меня появилось время, чтобы снова, да еще и не один раз, пройти свою жизнь шаг за шагом. Чем дольше я это делала, тем меньше она мне нравилась. Я так изуродовала ее грехами, что оставалось только удивляться Божией милости: разве я заслужила, чтобы у меня над головой было небо, чтобы слышать издали крики чаек и шум прибоя, видеть рядом невинные и живые существа – ящерок и паучков? Удивительное дело! Начиная от Фрейда, все психологи учили нас избегать самоосуждения, чтобы не заработать комплексов и психических надломов. Но чем больше и строже я судила себя и каялась в своих грехах, тем легче, тем спокойней мне становилось. Очень часто, осудив себя по всей строгости за какой-то проступок, я вдруг начинала чему-то радоваться! Может быть, чувство справедливости, присущее старой правозащитнице, двигало мной?» [2, с. 161].

Наконец, ее историческое фентези – повесть «Сын Вождя» – это воображаемая история о незаконнорожденном сыне В. Ленина, который полжизни провел в тюрьмах и психлечебницах, а вторую половину – под надзором спецслужб. В юности Господь дал ему шанс стать монахом и отмолить своего отца, но Георгий поверил новому вождю, Сталину, а не старцу, зовущему его в скит, и обрёк себя на заточение. В судьбе этого воображаемого человека автор очевидным образом дает символ судьбы русского народа в XX веке: после катастроф народ в основной своей массе не идет путем духовного преображения, а продолжает служить разным идолам и этим сам себя заточает в несвободу. Таким образом, здесь православное понимание истории здесь дано в символе отдельной судьбы.

Александр Борисович Торик (род. 1958, Москва) – протоиерей РПЦ, заштатный клирик Московской епархии. В 1996 году он издал брошюру «Воцерковление» о путях духовного преображения современного человека, которая оказалась очень удачной и выдержала уже много переизданий. Весной 2004 г. вышло в свет первое издание «Флавиана» – повести о нашем времени, в которой священник живет среди обычных, далеких от Церкви людей, и занимается их воцерковлением. Затем им были написаны книги «Флавиан. Жизнь продолжается», «Флавиан. Восхождение», «Селафила», «Русак». Эта серия книг стала весьма популярной и широко известна среди церковных людей. «Димон: сказка для детей от 14 до 114 лет» (2008) – эта повесть написана им специально для молодежи, даже с использованием современного подросткового сленга. Димон – это одиннадцатиклассник Димка, который был безответно влюблен в первую красавицу школы Маринку. Она попала в автомобильную катастрофу и оказалась в коме. Фантастический сюжет состоит в том, что Димон попадает в переходный «терминал», ведущий в загробное существование и отправляется спасать душу Маринки. Эту повесть критики классифицировали как «православным фэнтези», а верующие видят в ней популярное художественное изложение учения о мытарствах.

Вот, например, как во время встречи с умершей женщиной, в земной жизни очень любившей дорогие вещи, показан тупик греха стяжательства:

«– Нет, молодой человек, я давно уже не люблю никакие цвета и никакую одежду, и вообще ничего, что я любила раньше и из-за чего меня угораздило вляпаться навечно сюда!

– Как вляпаться?! Разве здесь плохо? Здесь же есть всё, чего только можно захотеть! – Димон недоумевал.

– Здесь есть только вещи, молодой человек, барахло и ничего больше! Поверьте мне, я нахожусь здесь очень давно! – голос женщины был наполнен безотрадной тоскою.

– Но вы же можете иметь здесь всё! Дома, машины, одежду – всё что пожелаете! Разве это не классно?

– Юноша! Во скольких домах вы можете находиться одновременно?

– В одном... Но разве не интересно менять жильё, пользоваться разными автомобилями, одеваться каждый раз во что-то новое?

– А дальше? Вы берёте себе дом и набиваете его барахлом, затем ещё дом или дворец, или усадьбу, набиваете барахлом и их, затем опять какое-то помещение и опять набивание его барахлом, и так вечно. Сначала это удивляет, потом увлекает, потом надоедает, потом от этого звереешь, потом отчаиваешься, потом продолжаешь это делать уже просто потому, чтобы хоть чем-то занять себя вместо того, чтобы сидеть и выть от тоски! Особенно от сознания, что ты раб этого барахла, и что это будет длиться без конца!» [8, с. 89].

Как видим, душеспасительная цель объяснения сути греха здесь дается не в назидательном поучении, а как рассказ «изнутри» – как неутешительный итог пустой человеческой жизни. Только так это становится понятным всем.

А вот диалог перед «возвращением на землю»:

«Ангел ласково посмотрел на ребят. – Теперь вам пора возвращаться в земную жизнь! Постарайтесь прожить её так, чтобы вам не пришлось опять проходить весь ужас Терминала! Учитесь любить Бога и людей, молитесь Господу, а в остальном Он Сам вам поможет! Опыт у вас уже есть!

– А вернувшись в ту жизнь, мы не забудем того, что с нами было здесь? – встревожилась Маринка. — Мы не забудем, что мы теперь значим друг для друга?

– Всё, что вам будет полезно, Господь сохранит в вашей памяти! Главное, сами не растеряйте того, что вы приобрели здесь, в ежедневной мирской суете! И не забывайте о «тофиках», они будут преследовать вас в течение всей земной жизни, не поддавайтесь на их искушения! Помните, что они готовят людям в вечности! Помните и об оружии: молитве и крестном знамении, против которых они бессильны, – Ангел посмотрел на них с нежностью, – прощайтесь, ребята! Встретитесь там!

Маринка с Димоном торопливо повернулись друг к другу.

– Ты будешь меня любить и там? – Маринка широко раскрытыми глазами посмотрела в Димкины глаза. – Обещаешь?

– Обещаю! – кивнул Димон. – А ты?

– И я обещаю любить тебя! Всегда, что бы с нами там не случилось! – Маринка приподнялась на цыпочки и поцеловала Димона. Он ответил ей тем же.

– Увидимся!

– Пока!

– Благослови вас Господь! – произнёс Ангел» [10, с. 224].

Архетипическая история Орфея, отправившегося в ад за Эвридикой и спасшего ее своей чудоносной игрой на лире, здесь получает свое новое, христианское воплощение. В языческом мифе Аполлон дал своему сыну Орфею лиру, а здесь Ангел Хранитель вразумляет его. В одном из комментариев читателей, размещенном на сайте продажи книг, есть история: «Книгу “Димон”, написанную протоиереем Александром Ториком, я приобрела после поездки в Оптину Пустынь и по возвращении оттуда я ее практически сразу всю прочитала, настолько доступным языком там все написано. По поводу произведения я бы сказала, что это не сказка, а скорее всего притча. Я уже многим людям давала эту книгу и у них она вызывала только потрясение. Сказать, что в ней описана история любви – это вообще ничего не сказать. Я до сих пор задумываюсь многие ли из тех, кто считает, что любят – смогли ли сделать то, что

сделал Димон? Если честно, то я до сих пор прихожу в шоковое состояние от того, что вспоминаю сюжет с Жертвой замены. В духовной литературе путь души, когда она проходит через мытарства к Богу описывался немного иначе. В своей же книге автор хотел нам показать лукавство и обман сил зла, и свободу выбора человека между добром и злом. Книги “Мои посмертные приключения” и “Димон” – “Божественная комедия” в современном таком и упрощенном пересказе» [Цит. по: 5]. Этот простодушный, но весьма глубокий по сути отзыв, показывает нам, чем ценна такая литература. Она прямо и непосредственно, без увязания в обстоятельствах времени и места, говорит о самом главном — о самых фундаментальных содержаниях человеческого бытия и жизни нашей души. Даже не будучи вполне церковным человеком, в ней можно найти это самое важное для всех содержание. Поэтому даже если конечная цель авторов – воцерковление читателя – и не достигается, то цель чтения достигается в любом случае. Преображение души, ее «настройка на вечность» происходит у любого вдумчивого читателя.

Проведенный краткий анализ позволяет очертить определенную типологию данного жанра. Если Юлия Вознесенская разрабатывала библейские и эсхатологические сюжеты, приближая их к восприятию современного человека; о. Александр Торик ближе к «духовному» роману в традициях Ф.М. Достоевского, а С.С. Козлов близок к обычной психологической прозе. Но во всех случаях их фантастические сюжеты выполняли одну и ту же важнейшую роль – сдували пыль обыденности и обнажали подлинную суть душ и вещей. Это та функция литературы, которая во все времена была самой важной, а в наше она еще стала и целительной для современного человека, забывшего о бессмертной душе в поисках эфемерного земного счастья. И даже если он не согласен с этим тезисом, прочитать названные книги ему будет тем более небесполезно. В целом развитие данного жанра в XXI веке является вполне естественным в контексте процесса возрождения православных традиций среди весьма широких слоев населения. Вместе с тем, наличие такого жанра демонстрирует значительную зависимость православных читателей от стереотипов современной массовой культуры (на что было указано в работе О.Н. Склярова [11]) и потерю высоких традиций русской литературы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беляева М.Ю. Тексты Ю.Н. Вознесенской в аспекте формирования православных ценностей / М.Ю. Беляева, З.А. Стукова // Культурная жизнь Юга России. – 2015. – № 1(56). – С. 66–69.
2. Вознесенская Ю. Мои посмертные приключения / Ю. Вознесенская. – М.: «Лепта Книга», 2015. – 236 с.
3. Вознесенская Ю. Путь Кассандры, или Приключения с макаронами / Ю. Вознесенская. – М.: Лепта-Пресс, 2004. – 712 с.
4. Вознесенская Ю. Сто дней до потопа / Ю. Вознесенская. – М.: «Лепта Книга», 2015. – 278 с.
5. Книга «Димон» – Протоиерей Александр Торик – отзывы. Режим доступа: https://otzovik.com/reviews/kniga_dimon-protoierey_aleksandr_torik/ (Дата обращения: 09.07.2020 г.).
6. Козлов С.С. Время любить: роман / С.С. Козлов. – Сибирская Благозвонница, 2011. – 236 с.
7. Крылова М. Жанр христианского постапокалипсиса. «Путь Кассандры, или Приключения с макаронами» Юлии Вознесенской / М. Крылова // Вопросы литературы. – 2016. – № 5. – С. 102–113.
8. Мытарства Феодоры. Режим доступа: <https://diak-kuraev.livejournal.com/15653.html> (Дата обращения: 09.07.2020 г.).
9. Павликова Е.А. Жажда истины и отваги: Послесловие // Вознесенская Ю. Путь Кассандры, или Приключения с макаронами. – М.: Лепта-Пресс, 2004. – С. 689–701.
10. Протоиерей Александр Торик Димон: сказка для детей от 14 до 104 лет: повесть / Протоиерей Александр Торик. – М.: Сибирская Благозвонница, 2008. – 237 с.

11. Скляров О.Н. О масскультурных элементах в прозе Ю.Н. Вознесенской (на материале книг «Путь Кассандры, или Приключения с макаронами» и «Паломничество Ланселота») / О.Н. Скляров // Вестник ПСТГУ. – III Филология. – 2007. – Вып. 2 (8). – С. 142–172.
12. Сысоев Д., свящ. Православие и фантастика: границы и перспективы. Режим доступа: elitsy.ru/communities/27957/407648/ (Дата обращения: 09.07.2020 г.).
13. Хаецкая Е. Возможна ли христианская fantasy? Режим доступа: http://www.telenir.net/literaturovedenie/vozmozhna_li_hristianskaja_fantasy/p1.php (Дата обращения: 09.07.2020 г.).
14. Филдинг Г. Избранные сочинения / Г. Филдинг. – М.: Худож. лит., 1988. – 686 с.
15. Хоруженко Т.И. Мотив второго пришествия в современной русской фэнтези / Т.И. Хоруженко // Проблемы исторической поэтики. – 2017. – Том 15. – № 2. – С. 141–158.
16. Хоруженко Т.И. Православное фэнтези как явление современной литературы / Т.И. Хоруженко // Дергачевские чтения-2011. – Русская литература: национальное развитие и региональные особенности: материалы X Всерос. науч. конф.: в 3 т. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2012. – С. 380–389.

Поступила в редакцию 14.07.2020 г.

THE GENRE OF FANTASY IN WORKS BY MODERN ORTHODOX WRITERS

V.Y. Darenkiy

The article deals with the fantasy genre in modern Russian Orthodox literature. The typology of the genre is considered on the example of works by several significant authors. In particular, the author addresses works by Yu. N. Voznesenskaya, who developed biblical and eschatological plots, bringing them closer to the perception of a modern man. The focus is also made on works by F. Alexander Torik, who is closer to the “spiritual” novel in the traditions of F. M. Dostoevsky. A special attention is paid to S. S. Kozlov, who is close to ordinary psychological prose. The conclusion is made that in all cases, their fantastic stories played the same crucial role, i.e. they ruined the boundaries of everyday life and exposed the finiteness of human life. This is its healing function for a modern man, reminding him of the immortal soul.

Key words: fantasy, Orthodox literature, Yu. N. Voznesenskaya, O. Alexander Torik, S. S. Kozlov.

Даренский Виталий Юрьевич.

Доктор философских наук.

ГОУ ВПО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет».

Профессор кафедры философии и социологии.

E-mail: darenkiy1972@rambler.ru

Darenkiy Vitaliy Jurievich.

Doctor of Philosophy.

Lugansk State Pedagogical University.

Professor of Department of Philosophy and Sociology.

E-mail: darenkiy1972@rambler.ru

**НАИМЕНОВАНИЯ ОРУЖИЯ
В СТИХОТВОРЕНИЯХ М. МАТУСОВСКОГО
КАК СРЕДСТВО ОТРАЖЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА ПОЭТА**

© 2020. Т.А. Дьякова

ГОУК ЛНР «Луганская государственная академия культуры и искусств имени
М. Матусовского»

В статье проанализированы наименования оружия в стихотворениях М. Матусовского как средство отражения языковой картины мира поэта. Сделан краткий обзор изучения языковой картины мира, рассмотрены понятия «поэтическая картина мира» и «языковая картина мира поэта». Выделены шесть групп номинатом оружия: 1) общие обозначения оружия, 2) названия огнестрельного оружия, 3) наименования рубящего и колющего оружия, 4) номинаты артиллерийского огнестрельного оружия, 5) названия снарядов, боеприпасов, 6) наименования деталей, частей оружия. Работа по изучению использования данной семантической группы позволяет проводить анализ культурных особенностей мировосприятия М. Матусовского, дает возможность наблюдать изменения лексического фонда русского языка, что делает целесообразным дальнейшее исследование поэтической лексики Михаила Матусовского.

Ключевые слова: наименование, название, номинатема, семантика, оружие, картина мира поэта, языковая картина мира.

Введение. Понятие «картина мира» приобрело в современном языкоznании чрезвычайную популярность, что связано преимущественно с этнолингвистической или лингвокультурологической его направленностью. Интерес исследователей к изучению картины мира настолько разновекторный, что можно с уверенностью говорить: существует столько картин мира, сколько существует наблюдателей, которые контактируют с миром, и точек зрения, с которых они анализируют мир.

Говоря о языковой картине мира, традиционно подразумевают совокупность представлений человека о реальном мире, закрепленную в семантической системе языка, в структуре словарей, разноплановых речевых ситуациях, текстах различных видов, типов, жанров, в индивидуальном общении. *Языковая картина мира* – «это выработанное многовековым опытом народа и осуществляемое средствами языковых номинаций изображение всего существующего как целостного и многочастного мира» [20, с. 15], представляющего человека, его материальную и духовную жизнедеятельность.

Современные лингвисты (Г. Брутян, Ю. Караулов, В. Телия и др.) успешно разрабатывают и проблему индивидуальных картин мира, которые находят отражение в художественных произведениях, или художественных картин мира. Как и картина мира любого человека, картина мира писателя возникает в его сознании как результат восприятия им бытия. Отличие картины мира писателя в том, что эксплицируется она в художественных текстах. Рассматривая поэтическое творчество как одну из форм когнитивной деятельности, Ж. Маслова говорит о целесообразности выделения поэтической картины мира [13; 14].

Под поэтической картиной мира принято понимать художественный мир, созданный творческим воображением автора, и воплощенный в образной форме [3, с. 20]. Полиаспектность изучения поэтической картины мира отражают исследования

В. Бохонко [4], Д. Дреевой и Т. Семеновой [7], В. Лаврухиной [10], Т. Латкиной [11], Ж. Масловой [18; 19] и других ученых. Параллельно с термином «языковая картина мира автора» (Т. Латкина, Л. Салимова) исследователи используют понятия «художественная картина мира» (Р. Мусат, Л. Петрова) «поэтическая картина мира» (Ю. Казарин, В. Маслова). Так, в частности, в последнее время материалом для исследований языковой картины мира стали поэтические произведения М. Лермонтова [16], М. Волошина [21], С. Есенина [6; 7], М. Цветаевой [5], В. Набокова [9], В. Высоцкого [19]. В данной работе будем говорить о языковой картине мира поэта, имея в виду художественный мир, созданный творческим воображением автора и репрезентованный лексическими средствами.

Основная часть. Одним из наиболее известных русских поэтов XX века был Михаил Матусовский, чье творчество характеризует высокая нравственность, патриотизм, тесная связь лирики с родиной, многоплановые образы лирических героев, развернутая система художественных средств.

Актуальность исследования обусловлена отсутствием работ, изучающих творчество М. Матусовского как отражение языковой картины мира поэта, анализа лексического фонда стихотворных текстов поэта и составляющих его тематических групп. Сборник стихотворений «Земля моих отцов – Донбасс. Стихи и песни о Луганщине и Донбассе» [15] включает более 90 произведений, посвященных времени революции 1917 года, Гражданской и Великой Отечественной войны, прообразами лирических героев стихотворений стали жители Донбасса. Одним из массивов лексических единиц, использованных поэтом, являются наименования оружия.

Цель работы – проанализировать наименования оружия в стихотворениях М. Матусовского как средство отражения языковой картины мира поэта. Объектом исследования являются наименования оружия, предметом – семантическая и культурная природа репрезентации языковой картины мира поэта.

В процессе исследования стихотворных текстов и изучения семантической и культурной природы отражения языковой картины мира использовались методы контекстологического, семантического анализа, системного подхода, статистический, анализа и синтеза, сравнения, обобщения, описания. В работе как семантические синонимы будем использовать понятия «наименование», «название», «номинатема».

Наименования оружия в последнее десятилетие исследовали как материал для определения принципов формирования концептов на субординатном уровне [1]; изучали использование военной лексики в гражданской сфере [2]. Лингвисты анализировали названия оружия в фольклорных памятниках, их переводах [12]; в русском жаргоне [18]; рассматривали особенности именования оружия в актуальном информационном дискурсе [22].

Для анализа наименований оружия в стихотворениях М. Матусовского используем опыт классификации оружия и сопутствующих ему предметов, предложенный авторами «Русского семантического словаря» [Шведова].

Среди названий оружия в произведениях М. Матусовского выделяем несколько групп. Первая – **общие обозначения оружия**. К этой группе относится собственно слово *оружие* ‘всякое средство или устройство, технически пригодное для нападения или защиты, а также совокупность таких средств’ [Ожегов, с. 460], использованное автором в сборнике «Земля моих отцов – Донбасс. Стихи и песни о Луганщине и Донбассе» в 17 случаях, большинство из которых – в стихотворении «Четыре песни о славном городе Луганске», посвященном событиям Гражданской войны. Словоупотребление номинатемы *оружие* соответствует словарной дефиниции: «*Все*

разом поднялись, гремя, оправляя *оружье*, / Решив молчаливо, что не о чем спорить сейчас...», «*Оружье* вздымалось на площади с лязгом, как волны», «Всё меньшее *оружья*, и двое берут напоследок / Случайно попавшие кавалерийские пики...», «С *оружьем* в руках молчаливо стояли солдаты» [15, с. 54, 56, 59, 66] – в приведенных примерах говорится об оружии как устройстве. А как о ‘всяком средстве, пригодном для нападения’ об *оружии* речь идет в стихотворении «Шахтерское слово»: «Опять безжалостный металл / Разит друзей без счета./ Опять простой булыжник стал / *Оружьем* патриота» [15, с. 180]. Поэт использует фонетический вариант *оружье*, рассматриваемый авторами «Большого академического словаря русского языка» как равноценный лексеме *оружие* [БАС, с. 124].

Вторую группу составляют **названия огнестрельного оружия**. Отражая в творчестве картину мира, поэт передает свое восприятие гражданской войны через множество наименований оружия, которое было неотъемлемым элементом действительности. Названия огнестрельного оружия, которые упомянуты в поэтическом сборнике, считаем целесообразным разделить на две подгруппы по происхождению названий. Первую подгруппу составляют **номинатемы исконно русские**:

винтовка ‘ручное огнестрельное оружие с винтовой нарезкой в канале ствола и магазином для патронов’ [Кузнецов, с. 132]: «И стоило сжать ему в этих ладонях *винтовку*, / Как даже *винтовка* казалась непрочной и хрупкой», «В тринацатом он променял свой наган на *винтовку* / И был рядовым в Сорок первом Сибирском стрелковом», «Подтянутый парень в семисезонном пальтишке / Поднимет *винтовку* и выстрелит, сколько успеет» [15, с. 57, 58, 65];

трехлинейка, разг. ‘винтовка калибром в три линии (7,6 мм)’ [Кузнецов, с. 1344]: «При свете костров горожанам давали оружье – Льюисы, максими, манлихеры и *трехлинейки*», «Они непременно помашут по воздуху шашкой, / зажмурясь, взглянут в нарезные стволы *трехлинейек*» [15, с. 56, 57]. Наименование *трехлинейка* считаем историзмом, т.к. в качестве армейского вооружения она не применяется, а используется как элемент всевозможных исторических реконструкций, кино- и телереквизит;

ружье ‘ручное огнестрельное или пневматическое оружие с длинным стволом’ [Кузнецов, с. 1132]: «Все ты знал – и лишенья, и славу, / Верность слова, и точность *ружья*», «Ремень тяжелого *ружья*, / Прибор стандартный для бритья, / Красноармейский теплый шлем – Вся родословная моя» [15, с. 165, 216]. *Ружье* в современных условиях можно определить скорее как ‘охотниче или спортивное снаряжение’;

пулемет ‘скорострельное автоматическое оружие для стрельбы пулями’ [Ожегов, с. 631]: «Когда, налетев по горячему следу, / Враги окружили притихший завод, / Он вытер и смазал станок напоследок / И лег за починенный им *пулемет*...», «Рассказала б Остров Могила / Громкую историю свою. / Как шахтер рукою трудовою / *Пулемет* налаживал во рву...» [15, с. 42, 100], из-за распространенности самого оружия *пулемет* – одно из самых известных названий огнестрельного оружия времени гражданской войны, а микротопоним *Остров Могила* (наименование части современного города Луганска) и сегодня для луганчан остается символом Гражданской войны.

Вторая подгруппа – **заемствованные наименования** огнестрельного оружия:

максим, разг. ‘первый станковый пулемет (по фамилии американского инженера Х. Максима)’ [Кузнецов, с. 514]: «При свете костров горожанам давали оружье – Льюисы, *максими*, манлихеры и *трехлинейки*...», «...И если придется, то, наскоро вытерев руки, / Садятся к *максиму* спокойно, как к швейной машинке, / Но кто бы не

ехал, никто не рыдал над вещами...», «И все ему видно сквозь этот бинокль, как в театре, – / И белого гада, и пушки его, и **максими**» [15, с. 56, 66, 85];

льюис ‘ручной пулемет (по фамилии инженера-полковника И.Н. Льюиса)’ [Ручной]: «При свете костров горожанам давали оружье – / **Льюисы, максими, манлихеры и трехлинейки...**» [15, с. 56];

манлихер ‘магазинная 8-миллиметровая винтовка (по фамилии австрийского изобретателя Ф. Манлихера)’ [Винтовки]: «При свете костров горожанам давали оружье – **Льюисы, максими, манлихеры и трехлинейки...**» [15, с. 56];

кольт ‘револьвер, пистолет или какой-л. другой вид стрелкового оружия особой системы (по имени американского оружейника С. Колыта)’ [Кузнецов, с. 442]: «При свете костров горожанам давали оружье – **Льюисы, максими, манлихеры и трехлинейки, / Наганы и кольты, и пулеметные ленты...**» [15, с. 56];

наган ‘система револьверов, револьвер такой системы (по имени бельгийского оружейника Л. Нагана)’ [Кузнецов, с. 574]: «Была у него из гремучего хрома кожанка, / **Наган** именной, дорогая трофеинная шашка...», «Он любит оружье. Шершавая ручка **нагана** / С шестнадцати лет с ним дневала и ночевала...», «И въехал тогда на ближайший курган Охрименко / С **наганом** в руке, с нулевым дальновидным биноклем» [15, с. 53, 57–58, 85]. В автобиографическом поэтическом «Семейном альбоме»: «Потом он сказал: „Погоди, мальчуган“, / Полез, как за сладким гостинцем, в карман / И вынул оттуда большой, вороненый, / **Начищенный семизарядный наган...**» [15, с. 276];

маузер ‘род автоматического пистолета и винтовки (по имени немецких инженеров, братьев Маузеров)’ [Кузнецов, с. 526]: «С ним рядом на землю, эфесом к руке, положили / Любимую шашку, а **маузер** взяли себе» [15, с. 68] – происхождение названных наименований связано с переходом собственных имен оружейников, изобретателей, военных, инженеров в нарицательные;

карабин ‘винтовка с укороченным стволовом’ [Кузнецов, с. 417]: «При свете костров горожанам давали оружье... Короткие кавалерийские **карабины...**», «Здесь был с **карабином** азовский матрос, / Здесь был партизан, что щетиной оброс» [15, с. 56, 274];

парабеллум ‘род автоматического пистолета’ [Кузнецов, с. 780]: «И холодно стало, и муторно стало Андрею, / И сплюнул сквозь зубы, и сжал на боку **парабеллум**» [15, с. 73]. Таким образом, названия оружия дают возможность поэту отразить те или иные факты истории своей страны, охарактеризовать события, происходившие в родном городе, демонстрируют «особый склад мировидения, особый характер прочтения действительности» [17, с. 15].

В третью группу входят **номинатемы рубящего, колющего оружия**. Лексическую единицу клинок словари современного русского языка толкуют как партоним по отношению к наименованиям отдельных видов холодного оружия, его ‘режущую’ [Кузнецов, с. 433] или ‘режущую и колющую’ [Ожегов, с. 277] часть. Однако в поэтических произведениях М. Матусовского словоупотребление наименования клинок связано с пониманием его как вида холодного оружия. Из 10 упоминаний клинка восемь приходятся на «Четыре песни о славном городе Луганске», например: «Каленый **клинок** на коленях лежал у старухи, / Три раза обернулся в рваную теплую шаль», «Но мать развернула платок и **клинок** обнажила, / На цыпочки стала, боясь, что Андрей не позовит. / Его торопливо три раза перекрестила: / –Носи эту саблю. Руби ей врагов на здоровье!», «...Смотрел на дорогу и долго стоял на подножке, / Спокойной рукою **клинок** материнский сжимая» [15, с. 72, 74, 75]. В стихотворениях «Мой город» и «Курганы» о клинке также говорится как об оружии, а

не его части: «Здесь в сквере спит прославленный комдив, / Всегда держа **клинов** у изголовья», «К нам слава отцов переходит, / Как старый **клинов** боевой» [15, с. 25, 118] – в последнем примере лексема **клинов** использована автором в составе сравнительного оборота.

Активно используется поэтом и наименование *штык* ‘холодное колющее оружие, прикрепляемое на конец ствола военного ружья, винтовки’ [Кузнецов, с. 1507]. Семь случаев использования номинатемы служат наглядной иллюстрацией словарной дефиниции, к примеру: «...Зажмуряясь, взглянут в нарезные стволы трехлинеек / И кончик **штыка** для чего-то потрогают пальцем», «Фронтовой окоп. Глухая стенка. / Бледное сияние **штыков**», «Шел забойщик в кожанке пробитой, / С ленточкой кровавой за **штыком**...» [15, с. 57, 98, 99].

Шашка – один из самых распространенных видов оружия во время Гражданской войны, для М. Матусовского, очевидно, это одна из лингвокультурных эпохи, определенный символ времени. «Большой толковый словарь русского языка» так определяет название *шашка* – ‘рубящее и колющее холодное оружие с длинным, слегка изогнутым клинком’ [Кузнецов, с. 1492]. В стихотворениях находим: «Поставив в колени прямые солдатские **шашки**, / ... Сидят командиры луганских рабочих отрядов», «Была у него из гремучего хрома кожанка, / Наган именной, дорогая трофеинная **шашка**...», «Они непременно помашут по воздуху **шашкой**, Зажмуряясь, взглянут в нарезные стволы трехлинеек...», «Тогда попросила старуха гостинец для сына, / И вынул кузнец дорогую блестящую **шашку**» [15, с. 46, 53, 57, 70]. Семантически близко к наименованию *шашка* – *сабля* ‘рубящее и колющее оружие с длинным изогнутым клинком’ [Кузнецов, с. 1139]: «Носи эту **саблю**. Руби ей врагов на здоровье», «И, поставив в ноги **сабли** и аришины проглотив, / Смотрят, черти, не моргая, в драгоценный объектив...» [15, с. 74, 218].

Для М. Матусовского понятно и приемлемо использование устаревшего названия *шашки* – *седедка*: «При свете костров горожанам давали оружье – / ...Драгунские **шашки**, **седедки** городовых» [20, с. 56]. Это является средством создания колорита эпохи, когда реалии дореволюционные еще близки, среди них и городовые ‘нижние чины полиции’, вооруженные *седедками*, устар. ‘шашки, шпаги’ [Елистратов, с. 422], разг. ‘сабля, шашка’ (дореволюц., шутл, пренебр.) [Ушаков]. Предположительно, пренебрежительное наименование оружия появилось из-за его тупой формы [Яковлев].

Копье ‘колющее или метательное оружие, состоящее из длинного древка с острым металлическим наконечником’ [Кузнецов, с. 456] и его разновидность *пика* ‘колющее оружие в виде длинного древка с острым металлическим наконечником’ [Кузнецов, с. 831] как наименования оружия являются историзмами для наших современников; *копье*, например, сегодня рассматривается как спортивный метательный снаряд. Но для творчества М. Матусовского это атрибут времени: «Все меньшие оружья, и двое берут напоследок / Случайно попавшие кавалерийские **пики**» [15, с. 59] или этап развития человека: «Он отковал **копье**, он выдумал топор, / Он сделал все – и дал ему название» [15, с. 138].

Четвертую группу составляют **наименования артиллерийского огнестрельного оружия**. Общей для обозначения артиллерийского оружия в поэтических произведениях М. Матусовского является номинатема *орудие* и ее фонетический вариант *орудье*: «Грузили **орудия**, крепко мостили подкладки / И двигали дружно, плечами лафет подпирая», «И мы окопались. Уже начинало смеркаться. / Замолкли **орудья**. Упали студеные росы...», «Как будто бы залпы **орудий** / И нынче гремят вдалеке» [15, с. 74, 86, 117]. Разновидностью орудия является *пушка* ‘артиллерийское

орудие (обычно с длинным стволовом)’ [Кузнецов, с. 1050]: «*Поставили пушки и красною масляной краской / На каждом из трех аккуратно поставили имя...*», «*Повсюду слышны непреклонные красные пушки*», «*И все ему [командарму] видно сквозь этот бинокль, как в театре – / И белого гада, и пушки его, и максими*» [15, с. 76, 85, 85] – наличие в стихотворных текстах наименований оружия отражает действительность, в условиях которой пребывают лирические герои поэта.

Пятая группа – **названия снарядов, боеприпасов**. Собственно, *снаряд* – это ‘боеприпас для артиллерийского выстрела, имеющий цилиндрический корпус и заостренную головную часть, а также летательный аппарат с боевым зарядом’ [Шведова, с. 168]: «*И над палаткой глухой и унылый / Редко просвящет снаряд*», «*Осколок снаряда в котел угодит – залатают...*» [15, с. 36, 60]. Разновидностью снаряда является *шрапнель* ‘разрывной артиллерийский снаряд, начиненный шаровидными пулями для поражения живой силы противника’ [Кузнецов, с. 1505]: «*И вынул письмо командарма Второй Партизанской, / В котором, он знал, командарм написал под шрапнелью...*» [15, с. 54]. В стихотворении «На рассвете», посвященном труженику Великой Отечественной войны, пятитонному грузовику, поэт упоминает *фугас* ‘заряд взрывчатого вещества, закладываемый в землю или под водой и взрывающийся от ударного, зажигательного и другого действия’ [Кузнецов, с. 1436]: «*Он тонул на переправах, буксовал в грязи / у брода, / Подрывался на фугасах, под огнем лежал / во рву*» [15, с. 157]. Лексическая единица *фугас* в «Толковом словаре русского языка» Д.Н. Ушакова [Ушаков] снабжена пометой «воен.», что отсутствует в «Большом толковом словаре русского языка» [Кузнецов].

С реалиями военных дней связаны и другие наименования боеприпасов. Среди них *граната* ‘разрывной снаряд’ [Кузнецов, с. 225]: «*При свете костров горожанам давали оружье – / ...Гранаты Новицкого, круглые яблоки Мильса...*» [15, с. 56] – гранатами Новицкого называли изобретение штабс-капитана Новицкого, сделанное в 1914 г. [Новицкий]. Метафора по сходству формы стала причиной называния яблоками гранат Мильса (по имени английского инженера-изобретателя из Бирмингема) [Мильс].

Номинатема *пуля* ‘небольшой снаряд для стрельбы из ручного огнестрельного оружия или пулемета’ [Кузнецов, с. 1046] насчитывает четыре словоупотребления: «*Под самое утро шайтанская пушка / Попала в чернильницу, карту залили чернила*», «*И пули стучат о закрытый и клепаный панцирь*», «*Ни дождя, ни пуль не замечашь, / И слова теплы, и речь легка...*», «*Пуля, которой Гайдар / будет настигнут на тропке, / Где-то в Берлине еще...*» [15, с. 77, 84, 98, 231]. С наименованием *пуля* связано название боеприпаса *патрон* ‘пуля (или дробь) с зарядом пороха и капсюль с воспламенителем, заключенные в гильзе’ [Кузнецов, с. 787]: «*Их было четырнадцать членов рабочей дружинь, / Два старых нагана и сколько угодно патронов...*», «*Всю ночь на железной дороге стояло смятенье: / Грузили в вагоны оружье, снаряды, патроны...*», «*...В партизан с мальчишками играл, / На поросших ковылем курганах / Гильзы от патронов собирал*» [15, с. 58, 59, 99]. Патроны, предназначенные для стрельбы из пулемета, составляют *пулеметную ленту* ‘двойную полосу парусины, заполненную патронами’ [Кузнецов, с. 492]: «*...Пулеметной лентой опоясан, / Из Одессы прибывший матрос*», «*И застывали на момент / Герои будущих легенд, / Благословленные крестом / Тяжелых пулеметных лент*» [15, с. 99, 215]. Словосочетание *пулеметная лента* образует метафору по сходству формы ношения боеприпасов (крест-накрест) и креста, благословение которым в дореволюционной жизни был таким же необходимым для солдат в бою, как и пулеметные ленты для революционных бойцов.

Шестую группу составляют партонимы названий оружия, **наименования деталей, частей оружия**. Общее название частей разного огнестрельного и артиллерийского оружия – *гильза* и *осколок*. *Гильза* ‘в огнестрельном оружии: цилиндр (обычно металлический) с дном, предназначенный для размещения порохового заряда и прочного соединения его с пулей, снарядом’ [Кузнецов, с. 203]: «...*В партизан с мальчишками играл, / На поросших ковылем курганах / Гильзы от патронов собирал*», «*Курганы, курганы, курганы – патронные гильзы в песке*» [15, с. 99, 117] – поэт использует номинатему *гильза* в отношении огнестрельного оружия. *Осколок* – ‘отколовшийся от чего-л. кусок’ [Кузнецов, с. 729]: «*Осколок снаряда в котел угодит – залатают...*» [15, с. 60].

Частью огнестрельного оружия является *магазинная коробка* ‘приспособление в оружии, где помещаются патроны, подающиеся в патронник ствола’ [Коробка]: «*Пуля, которой Гайдар / будет настигнут на тропке, / Где-то в Берлине еще / Спит в магазинной коробке*» [15, с. 231]. В артиллерию применяется *лафет* ‘станок артиллерийского орудия’ [Кузнецов, с. 488]: «*Грузили орудия, крепко мостили подкладки / И двигали дружно, плечами лафет подпирая*» [15, с. 74]. Использование наименований частей огнестрельного оружия дают возможность автору передать подробное описание воинского снаряжения, позволить читателю представить само вооружение и условия его использования.

Частью рубящего и колющего оружия является *эфес* ‘рукоятка холодного оружия’ [Кузнецов, с. 1527]: «...*положили в могилу они ординарца / В пробитой шинели и в смушковой старой папахе. / С ним рядом на землю, эфесом к руке, положили / Любимую шашку, а маузер взяли себе*» [15, с. 68]. Согласно принятым в России традициям военного похоронного обряда, вместе с погибшим воином захоронению подлежали головной убор, орденские ленты, холодное оружие, что и находит отражение в описании похорон погибшего ординарца командующего армией.

Заключение. Таким образом, названия оружия в стихотворениях, являясь средством отражения языковой картины мира поэта, позволяют говорить о ее особенностях. Прежде всего, наименования оружия дают представление об отдельных периодах истории народа и государства, события которых описаны в произведениях М. Матусовского. Номинатемы, использованные поэтом, составляют несколько семантических групп: 1) общие обозначения оружия, 2) названия огнестрельного оружия, 3) наименования рубящего и колющего оружия, 4) номинатемы артиллерийского огнестрельного оружия, 5) названия снарядов, боеприпасов, 6) наименования деталей, частей оружия. Проведенное сопоставление словарных дефиниций наименований оружия и употребление их поэтом в большинстве случаев подтверждает соответствие использования наименований в текстах принятым в литературном языке толкованиям. Работа по изучению специфики использования наименований рассмотренной семантической группы позволяет проводить анализ культурных особенностей мировосприятия М. Матусовского, чьи поэтические тексты, являясь высокохудожественными произведениями, выразительно иллюстрируют жизненный уклад XX века. Они дают возможность наблюдать изменения лексического фонда русского языка и использовать полученные результаты в идеографическом описании поэтической лексики Михаила Матусовского.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балакин С.В. Принцип формирования концептов на субординатном уровне (на примере концепта оружие) / С.В. Балакин // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». – 2014. – Т. 11. – № 1. – С. 79–81.

2. Богданова С.И. Использование военной лексики в гражданской сфере / С.И. Богданова, А.В. Могилина // Современные научноемкие технологии. – 2013. – № 7 (1). – С. 66–67.
3. Болотнова Н.С. Ассоциативное поле художественного текста как отражение поэтической картины мира автора / Н.С. Болотнова // Вестник Томск. гос. пед. ун-та. Серия: Гуманитарные науки (Филология). – 2004. – Вып. 1 (38). – С. 20–27.
4. Бохонко В.С. Отражение языковой картины мира в поэтическом дискурсе: на материале русской интимной лирики XIX века: дис. ... канд. филол. наук: спец. 10.02.01 «Русский язык» / В.С. Бохонко. – М., 2011. – 216 с.
5. Вильчинская А.Г. Метафорическая экспликация образа поэта в языковой картине мира М.И. Цветаевой / А.Г. Вильчинская // Науковий вісник кафедри Юнеско Київського національного лінгвістичного університету. Серія Філологія. Педагогіка. Психологія. – 2015. – Вип. 30. – С. 190–196.
6. Гордеева Ю.Ю. Взаимосвязь человека и природы в художественной картине мира Сергея Есенина / Ю.Ю. Гордеева // Современные научные исследования и инновации. – 2016. – № 1. – Режим доступа: <http://web.snauka.ru/issues/2016/01/62141> (дата обращения 02.02.2020).
7. Дреева Д.М. Поэтическая картина мира: к определению понятия / Д.М. Дреева, Т.В. Семенова // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2–3. – Режим доступа: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=23763> (дата обращения 03.02.2020).
8. Дронсейка Р.П. Концептуально-языковое пространство русской деревни в лирике Сергея Есенина / Р.П. Дронсейка // Язык. Словесность. Культура. – 2015. – № 6. – С. 10–35.
9. Кривошлыкова Л.В. Особенности языковой и культурной картины мира билингва В. Набокова / Л.В. Кривошлыкова // Вестник РУДН. Серия Лингвистика. – 2013. – № 1. – С. 91–95.
10. Лаврухина В. Поэтическая картина мира и психологический тип поэта / В. Лаврухина // Наукові записки Харків. нац. пед. ун-ту ім. Г.С. Сковороди. Сер.: Літературознавство. – 2013. – Вип. 2 (2). – С. 75–82.
11. Латкина Т.В. Языковая картина мира автора / Т.В. Латкина // Современные проблемы науки и образования. – № 5. – Режим доступа: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=4525> (дата обращения 03.02.2020).
12. Лимаренко Ю.В. Название оружия и доспехов в фольклорных памятниках и переводе: проблемы и варианты решений / Ю.В. Лимаренко // Сибирский филологический журнал. – 2018. – № 4. – С. 9–17.
13. Маслова Ж.Н. Поэтическая картина мира и ее презентация в языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: спец. 10.02.01 «Русский язык» / Ж.Н. Маслова – Тамбов, 2011. – 45 с.
14. Маслова Ж.Н. Поэтическая картина мира: методологическое обоснование / Ж.Н. Маслова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2011. – № 1 (026). – С. 120–128.
15. Матусовский М. Земля моих отцов – Донбасс. Стихи и песни о Луганщине и Донбассе / М. Матусовский. – М.: Репаблика, 2011. – 304 с.
16. Николашвили М.Н. Гидронимы в языковой картине мира М.Ю. Лермонтова / М.Н. Николашвили, Л.Т. Рупосова // Рациональное и эмоциональное в русском языке: сб-к трудов Международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения М.Ю. Лермонтова (14–15 ноября 2014 г.). – М.: МГОУ, 2014. – С. 264–271.
17. Петрова Л.А. Лингвокогнитивные основы художественной картины мира / Л.А. Петрова. – Симферополь: ОАО «СГТ», 2006. – 284 с.
18. Рубанова Е.С. Холодное оружие: номинатемы русских жаргонов / Е.С. Рубанова // Вісник Дніпропетровського університету. Серія: Мовознавство. – 2011. – Т. 19. – Вип. 17 (2). – С. 149–155.
19. Сычова Е.К. Особенности языковой картины мира лирического героя В. Высоцкого / Е.К. Сычова // Весник Магіліўскага дзяржаўнага універсітэта імя А.А. Куляшова. – 2001. – № 4. – С. 135–144. – Режим доступа: <http://vysotskiy-lit.ru/vysotskiy/kritika/sychova-osobennosti-yazykovoj-kartiny-mira.htm> (дата обращения 25.02.2020).
20. Шведова Н.Ю. Теоретические результаты, полученные в работе над «Русским семантическим словарем / Н.Ю. Шведова // Вопросы языкоznания. – 1999. – № 1. – С. 3–16.
21. Шевчук В. Цветовая картина мира в творчестве М. Волошина, поэта и художника / В. Шевчук // Культура народов Причерноморья. – 2005. – № 66. – С. 105–110.
22. Яковлева Е.А. Особенности именования образцов оружия и военной техники в актуальном информационном дискурсе / Е.А. Яковлева, Э.Н. Ирназаров // Российский гуманитарный журнал. – 2018. – Т. 7. – № 2. – С. 132–140.

СЛОВАРИ

БАС – Большой академический словарь русского языка: в 30 т. / Под ред. К.С. Горбачевича, гл. ред. А.С. Герд. – Т. 14. Опора-Отрыть. – Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед. – М.; СПб.: Наука, 2010. – 655 с.

- Елистратов** – Елистратов В.С. Словарь русского языка: материалы 1980–1990 г. Около 9000 тыс. слов. 3000 идиоматических выражений / В.С. Елистратов. – М. : Русские словари, 2000. 694 с.
- Кузнецов** – Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.
- Ожегов** – Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М. : ООО «А ТЕМП», 2006. – 944 с.
- Ушаков** – Толковый словарь русского языка : в 4 т. – Т. 4. С – Ящурный / гл. ред. Б.М. Волин, Д.Н. Ушаков ; под ред. Д.Н. Ушакова. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1940. – Режим доступа: – <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp> (дата обращения: 21.04.2019).
- Шведова** – Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. / РАН Ин-т рус. яз.; Под общей ред. Н.Ю. Шведовой. – Т. 2: Имена существительные с конкретным значением. – М., 2002. – XXXII, 762 с.

ИСТОЧНИКИ

- Винтовки** – Винтовки первой мировой. Винтовка Манлихера образца 1895 года // Военное обозрение. – Режим доступа: <https://topwar.ru/131699-rasskazy-ob-oruzhii-vintovki-pervoy-mirovoy-vintovka-manlihera-obrazca-1895-goda-avstro-vengriya.html> (дата обращения 25.02.2020).
- Коробка** – Магазинная коробка // Карта слов и выражений русского языка. – Режим доступа: <https://kartaslov.ru/значение-слова/магазинная%20коробка> (дата обращения 03.02.2020).
- Мильс** – Гранаты Мильса // Военное оружие и армии мира. – Режим доступа: <http://warfor.me/granaty-milsa/> (дата обращения 25.02.2020).
- Новицкий** – Гранаты Новицкого // Военное оружие и армии мира. – Режим доступа: <http://ww1.milua.org/Grnovizkij.htm> (дата обращения 25.02.2020).
- Ручной** – Ручной пулемет «Льюис» // Военное обозрение. – Режим доступа: <https://topwar.ru/13704-ruchnoy-pulemet-lyuis.html> (дата обращения 03.02.2020).
- Яковлев** – Яковлев П.Н. Первый ученик / П.Н. Яковлев. – Ростов н/Д. : Ростов. кн. изд-во, 1985. – Режим доступа: – <https://books.google.com.ua/books> (дата обращения: 12.04.2019).

Поступила в редакцию 20.04.2020 г.

DESIGNATIONS OF WEAPONS IN M. MATUSOVSKY'S POETRY AS MEANS OF REFLECTING THE POET'S LINGUISTIC WORLDVIEW

T. A. Diakova

The article addresses the designations of weapons in the poems by M. Matusovsky as a means of reflecting the poet's linguistic worldview. The work deals with the analysis of the cultural features of M. Matusovsky's worldview. Being highly artistic works, the poetic texts under study enable to trace changes in the lexical system of the Russian language. On the other hand, the suggested analysis gives grounds for further study of Mikhail Matusovsky's poetical vocabulary.

Key words: designation, semantics, weapon, poet's worldview, language worldview.

Дьякова Татьяна Алексеевна.

Кандидат филологических наук, доцент.

ГОУК ЛНР «Луганская государственная академия культуры и искусств имени М. Матусовского».

Доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин.

E-mail: diako122@rambler.ru

Diakova Tatiana Alekseevna.

Candidate of Philology, Docent.

Lugansk State Culture and Art Academy named after M. Matusovsky.

Associate Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines.

E-mail: diako122@rambler.ru

ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СИТУАЦИИ ВИНОПИТИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ Н.С. ЛЕСКОВА

© 2020. *О.А. Димитриева*

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева»

В статье рассматриваются некоторые особенности презентации вакхического образа человека, его составляющих, а также анализируются лексические единицы с семантикой ‘употреблять спиртное’ в произведениях Н.С. Лескова. В частности, отмечается, что Н.С. Лесков через своих персонажей часто относится к ситуации винопития иронически, вводятся многочисленные новообразования (*глас выпивающий в пустыне, рожа бургунская* и т.п.).

Ключевые слова: Н.С. Лесков, идиолект, вакхическая лексика, культура пития, лингвокультурология.

Вводные замечания. Понятия «фон и фигура» в нарратологии [8], «ключевые слова» как центры аттракции (по Ю.Н. Караполову) [9], «лексическая сетка текста» [10] и в целом «доминантный принцип в языковом общении» (по Н.Н. Болдыреву) [2] отражают тот или иной аспект индивидуально-авторской подачи информации и / или ее рецепции.

Ситуация винопития осмысливается автором художественного произведения по-разному, маркируется та или иная значимая, с точки зрения автора, сторона, презентируются разные стереотипные представления, обычаи, что в свою очередь обуславливает выбор языковых средств или создание новых.

Как считает Э. Видуэцкая, «у Лескова судьба человека есть прежде всего судьба России. Человеческая природа как таковая интересует его меньше, чем русский национальный характер, который он стремится раскрыть в сопоставлении с национальными характерами других народов» [3]. Образ русского человека амбивалентен: с одной стороны, полный творческих сил, с другой – делающий постоянные глупости и имеющий свои слабости. «Русский человек, – пишет Б.М. Эйхенбаум о творчестве Н.С. Лескова, – раскрывается в основе своей как человек огромных возможностей, хотя иногда и темный, и путаный, и бездельный» [15, с. 352]. В.В. Леденева в своем исследовании творчества Лескова подробное внимание уделяет значимым для русской ментальности концептам «БОГ», «ДОБРО», «РОССИЯ / РУСЬ» и др. [11]. «Социально чужое слово, социально чужое мировоззрение» Н.С. Лескова и, к примеру, «двуухголосое слово» Ф.М. Достоевского, по М.М. Бахтину [1], позволяют по-разному воплощать мир художественного произведения и, в частности, вакхическую культуру в нем, маркировать значимый, с точки зрения автора, аспект. Если у Ф.М. Достоевского употребление спиртного – это прежде всего характеристика личности, экспликация внутренних переживаний, то у Н.С. Лескова – это непременный и постоянный атрибут быта и предмет иронического осмысления.

Характеристики вакхического человека по Н.С. Лескову. Образ жизни и описание лесковского человека содержат прежде всего социальный образ, а также детализацию черт его характера и обрисовку поведения и привычек. Рассмотрим следующие примеры:

(1) *К Кесарю Степановичу был вхож и почему-то пользовался его расположением местный квартальный, которого, помнится, как будто звали*

Дионисий Иванович или Иван Дионисович. Он был полуходол-полуполяк, а по религии из «тунеядского исповедания». Это был человек пожилой и очень неопрятный, а подчас и зашибавшийся хмелем, но службист, законовед и разного мастерства художник (Печерские антики);

(2) Моего младшего брата нянчила высокая, сухая, но очень стройная старушка, которую звали Любовь Онисимовна. Она была из прежних актрис бывшего орловского театра графа Каменского <...>. Любовь Онисимовна тогда была еще не очень стара, но бела как лунь; черты лица ее были тонки и нежны, а высокий стан совершенно прям и удивительно строен, как у молодой девушки. Матушка и тетка, глядя на нее, не раз говорили, что она, несомненно, была в свое время красавица. Она была безгранично честна, кротка и сентиментальна; любила в жизни трагическое и ...иногда запивала (Тупейный художник);

(3) Во время любви Вишневского к этой девушке в церкви села Фарбованой был священник, которого называют Платоном. Он имел будто довольно общую русским людям слабость, что трезвый «на все добре мовчал», а выпивши – любил говорить и даже «правду-матку різать» (Старинные психопаты).

Социальный образ включает в себя, как правило, указание на национальную принадлежность (полуходол-полуполяк, общую русским людям слабость), вероисповедание и род занятий (местный квартальный; из прежних актрис; священник). Визуальный образ состоит из указания на возраст (пожилой; стройная старушка; не очень стара), черты лица (черты лица ее были тонки и нежны) и общее впечатление (очень неопрятный; была в свое время красавица). В личностный образ входят, с одной стороны, черты характера как визитная карточка персонажа (службист, законовед и разного мастерства художник; честна, кротка и сентиментальна), с другой – узуальные, поведенческие характеристики (засибавшийся хмелем; иногда запивала; трезвый «на все добре мовчал», а выпивши – любил говорить).

Одна из особенностей осмысления ситуации винопития по Н.С. Лескову – это ее интерпретация в ироническом ключе. Иронически осмысливаются объекты винопития (например, клюко – искаженное от глагола клюкать и наименования сорта шампанского клико), субъект действия (например, рожа бургонская – также сочетание наименования вина бургундское и бурбон) (подробнее см. [5], [7]). Процесс винопития и отношение персонажа к вину также довольно часто представляются комически. Приведем следующие примеры:

(1) На счастье наше, Николай Иваныч ввечеру явился в раскаянии и забытьи: идет и сам впереди себя руками водит и бармутит: «Дорогу, дорогу... идет глас выпивающий... уготовьте путь ему в пустыне... о господи!» (Полunoщники);

(2) Зачинал это в Орле пропащий парень с того, что появлялся в безобразном и, всего вероятнее, в безумном состоянии, в торговый день (в пятницу), на Ильинской площади и, остановясь у весов, кричал громким голосом: «Жару!» Его «схватывали хваты» и сейчас же «мчали» его в близстоящий «Подшиваловский трактир» и сразу же «поддавали ему жару», т.е. поили его водкою и приглашали для «куражения» его подходящего свойства женщин, или «короводниц», имевших вблизи свое становище у мостика на Перестанке (Юдоль);

(3) Курьер их [англичан] препроводил в номер, а оттуда в пищеприемную залу, где наши левша **порядочно ужে подрумянился** <...> (Левша).

В первом примере обыгрывается выражение глас вопиющего в пустыне из Ветхого завета «Глас вопиющего в пустыне: приготовьте путь Господу, прямыми сделайте в степи стези Богу нашему» (Книга пророка Исаи, гл. 40, ст. 3), которое

практически дословно повторяется героем, изменяется причастие *вопиющий* на *выпивающий*, что создает комический эффект.

Алкогольные напитки, а точнее их языковой интерпретации, свойственно выделение того или иного свойства: с одной стороны, это жидкость, что позволяет маркировать свойства, присущие жидкости, такие как способность гасить пламя, а значит, являться средством тушения или размягчения (например, *вся моя натура окаменела, и я ее должен постоянно размачивать, а потому подай мне водки!* (Очарованный странник)); с другой стороны, часто отмечаются «градусные» свойства алкоголя (*Николай приезжает и в самом выдающем градусе* (Полунощники)) (подробнее см. [6], [7]). Во втором примере актуализируются «температурные» свойства напитка, которые выявляются через перенос буквального значения выражения *поддавать жару* – «плеснуть воды на каменку в бане для поднятия температуры» [13] на текущую ситуацию и становится равной «поить водкой».

В третьем примере акцентируется внимание на внешне воспринимаемых перцептивных (в частности, визуальных) изменениях человека, который принимает алкоголь (смена цвета лица – *подрумяниться*), и сочетаемость глагола *подрумяниться* с наречиями образа действия *порядочно уже*, место действия (*пищеприемная зала*) позволяют «правильно» интерпретировать текущую ситуацию.

Итак, в образ вакхического человека, помимо описания внешности, входят его социальные и личностные характеристики, которые часто интерпретируются в иронической модальности.

Слова *усердие, усердный, усердно, усердствовать* в вакхическом мире Н.С. Лескова. «Смысл слова в художественном произведении, – пишет В.В. Виноградов, – никогда не ограничен его прямым номинативно-предметным значением. Буквальное значение слова здесь обрастает новыми, иными смыслами (так же, как и значением описываемого эмпирического факта вырастет до степени типического обобщения) <...> Отбор слов неразрывно связан со способом отражения и выражения действительности в слове» [4, с. 16].

В Словаре русского языка (МАС) даются следующие значения слов *усердие* и *усердный* соответственно: «1. Устар. Сердечное расположение, горячая преданность, приверженность к кому-, чему-л. [Герцог:] Барон, усердье ваше нам известно; Вы деду были другом; мой отец Вас уважал. Пушкин, Скупой рыцарь. 2. Большое старание, рвение. Работать с усердием. Играли безумно скверно, зато усердие было проявлено колоссальное; артистам хотелось заслужить чапаевскую похвалу. Фурманов, Чапаев. Орефий Лукич плотничью неопытность наверстывал усердием, работая без отдыха. Пермитин, Горные орлы» [12, с. 515].

Слово *усердный* толкуется через отсылку к значениям существительного *усердие*, через введение атрибутивов в сочетании с наречиями образа действия (*сердечно расположенный; горячо преданный* и т. п.): «1. Устар. Сердечно расположенный, горячо преданный, приверженный кому-, чему-л. [Дворня] окружила молодого барина с шумными изъявлениями радости. Насилу мог он прорваться сквозь их усердную толпу. Пушкин, Дубровский. Уже в молодые годы Астангов был усердным почитателем Достоевского и хорошим знатоком его творчества. Мацкин, Встречи с Астанговым <...> 2. Действующий с усердием (во 2 знач.), проявляющий в чем-л. усердие <...>» [12, с. 515–516].

Как видно из приведенных двух значений, первое из них напрямую связано с внутренней формой слова – *у-серд-ие* (т.е. то, что близко сердцу), второе – с качеством или особым отношением к какой-либо деятельности, т.н. рвение в работе, стремление выполнить ее хорошо, старание.

Рассмотрим употребление этих и других однокоренных слов в рассказах Н.С. Лескова в вакхической сфере. Так, в рассказе «Очарованный странник» (1873) главный герой Иван Северяныч Флягин характеризует свое и чужое пристрастие к вину через дериваты слова *усердие* (*усердный*, *усердно*, *усердствовать*):

— Гулять со двора выходил-с. Обучась *пить вино*, я его *всякий день пить избегал* и *в умеренности никогда не употреблял*, но если, бывало, что меня *растревожит*, ужасное тогда *к питью усердие получаю* и сейчас *сделаю выход на несколько дней и пропадаю*; «Надолго ли, ваша милость, вздумали зарядить?» Ну, я отвечаю, судя по тому, *какое усердие чувствую: на большой ли выход или на коротенький*;

А положение мое в эту пору было совсем необыкновенное: я вам докладывал, что у меня всегда было такое заведение, что если нападет на меня усердие к выходу, то я, бывало, появляюсь к князю, отдаю ему все деньги, кои всегда были у меня на руках в большой сумме, и говорю: «Я на столько-то или на столько-то дней пропаду»;

Решил я так, что этого нельзя, и твердо этого решения и держусь, и *усердия своего, чтобы сделать выход и хорошенъко пропасть*, не попущаю, но ослабления к этому желанию все-таки не чувствую, а, напротив того, большие и большие стремлюсь сделать выход. И, наконец, стал я исполняться одной мысли: как бы мне так устроить, чтобы и *свое усердие к выходу исполнить* и княжеские деньги соблюсти?;

Думаю: «Что делать? видно, с собою не совладаешь, устрою, думаю, понадежнее деньги, чтобы они были сохранны, и тогда *отбуду свое усердие, сделаю выход*»; — А ты, — говорит, — *разве пьешь? — Пью, — говорю, — и временем даже очень усердно пью*;

Он [магнетизер] сейчас водку на лоб хватил, и, как обещал, так честно и начал стеклянную рюмку зубами хрустать и перед всеми ее и съел, и все этому с восторгом дивились и хохотали. А мне его стало жалко, что благородный он человек, а вот *за свое усердие к вину даже утробою жертвует*. Думаю: надо ему дать хоть кишки от этого стекла прополоснуть, и велел ему на свой счет другую рюмку подать, но стекла есть не понуждал. Сказал: не надо, не ешь;

— Они [купцы по трактирам], — говорит, — необразованные люди, думают, что это легко такую обязанность несть, чтобы *вечно пить и рюмкою закусывать*? Это очень трудное, братец, призвание, и для многих даже совсем невозможное; но я свою натуру приучил, потому что вижу, что *свое надо отбыть, и несу*. — Зачем же, — рассуждаю, — этой привычке так уже очень *усердствовать? Ты ее брось*;

— За что же ты меня *ударил?* я тебе *добродетельствую и от усердного пьянства тебя освобождаю*, а ты меня *бьешь*?

Как видно из примеров, основное значение — это первое словарное значение — «сердечное расположение, преданность». В оппозициях *умеренность — усердие, долговременность — кратковременность* (сстояния) эксплицируется степень и продолжительность состояния опьянения.

«Выходы» Ивана Северяныча — это своего рода переход из своего мира в мир «иной», по Н.А. Устиновой, основными признаками которого являются «отрицание, опрокидывание, отмена обыденной действительности, порождающей «свой» мир» [14, с. 20], а алкоголь является средством перемещения из мира реальности, или выход. Глаголы, характеризующие склонность к питью (*усердие*), во-первых, маркируют ее как отдельную, не зависящую от человека сущность, которая имеет способность быть внезапной и навязчивой — *получать усердие / нападет усердие* (человек становится объектом воздействия);

во-вторых, после осознания своего состояния (*чувствовать усердие*) герой вынужден *исполнить усердие / отбыть усердие* (глагол *отбыть* употребляется в

значении ‘исполнить обязанность’) и *хорошенько пропасть* (глагол *пропасть* / *пропадать* в значении ‘исчезнуть, удалиться на время’);

в-третьих, в некоторых «сложных» случаях человек вынужден приносить жертву своему усердию (*за свое усердие к вину даже утробою жертвует; зачем привычке очень усердствовать*).

Выводы. Одним из фонов воспроизведения вакхического мира в произведениях Н.С. Лескова является комическая и ироническая модальность, благодаря которой создаются новые «вакхические» языковые средства (оккизиональные образования, являющиеся элементами народной речи), которые характеризуют и оценивают субъекта действия.

Пристрастие к алкоголю представляется автором как отдельная сущность, независимая от человека, что ярко представлено на примере лексемы *усердный* и ее производных.

При описании образа вакхического человека, наряду с его взаимоотношением с алкоголем, вводятся социальные и личностные характеристики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского / М.М. Бахтин. – М.: Советский писатель, 1963. – 364 с.
2. Болдырев Н.Н. Доминантный принцип концептуального взаимодействия в языковом общении / Н.Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. Вып. XXXVIII: Языки, культуры, модальности: Интеграция методов когнитивных исследований языка / гл. ред. О.К. Ирисханова. – Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2019. – С. 21–30.
3. Видуэцкая Э. Творчество Лескова в контексте русской литературы XIX века / Э. Видуэцкая // Вопросы литературы. – 1981. – № 2. – С. 148–188.
4. Виноградов В.В. Язык художественного произведения / В.В. Виноградов // Вопросы языкоznания. – 1954. – №5. – С. 3–26.
5. Димитриева О.А. Глаголы с семантикой ‘употреблять спиртное’ в произведениях Н.С. Лескова / О.А. Димитриева // Грамматические исследования поэтического текста: материалы Международной научной конференции (7–10 сентября 2017 года, г. Петрозаводск). – Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2017. – С. 150–153.
6. Димитриева О.А. О вакхических глаголах в русской языковой картине мира / О.А. Димитриева // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. – 2019. – №3 (103). – С. 28–33. DOI 10.26293/chgpu.2019.103.3.004.
7. Димитриева О.А. Особенности концептуализации ситуации винопития в произведениях Н.С. Лескова / О.А. Димитриева // Научный диалог. – 2020. – №2. – С. 70–84. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-2-70-84.
8. Ирисханова О.К. О распределении внимания в нарративных текстах: анализ рассказа Дж. Апдайка «Daughter, last glimpses of» / О.К. Ирисханова // Вестник МГЛУ. – 2013. – № 17 (677). – С. 18–36.
9. Караулов Ю.Н. Понятие идиоглоссы и словарь языка Достоевского / Ю.Н. Караулов // Слово Достоевского. – 2000. – М.: Азбуковник, 2001. – С. 424–444.
10. Котцова Е.Е. Глаза в портретных характеристиках героев романа Е.И. Замятин «МЫ» / Е.Е. Котцова // Язык как отражение духовной культуры народа: Материалы международной конференции. – Архангельск: ООО «Консультационное информационно-рекламное агентство», 2018. – С. 154–158.
11. Леденева В.В. Слово Лескова / В.В. Леденева. – М.: ИИУ МГОУ, 2015. – 260 с.
12. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований. 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. – Т. 4. С–Я. – С. 515–516.
13. Толковый словарь русского языка: В 4 т. – М.: Гос ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ, 1935. – Т. 1. А–Кюрины. Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp>.
14. Устинова Н.А. Пищевой код традиционной культуры Среднего Приобья: этнолингвистический аспект: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Устинова Наталья Александровна. – Томск, 2011. – 22 с.
15. Эйхенбаум Б.М. О прозе: Сборник статей / Б.М. Эйхенбаум. – М.: Художественная литература, 1969. – 503 с.

Поступила в редакцию 27.04.2020 г.

**INTERPRETATION OF THE SITUATION OF WINE DRINKING
IN THE LITERARY WORLD OF N.S. LESKOV**

O.A. Dimitrieva

The article discusses some features of the representation of the bacchanalian image of a person, the image constituents, and analyzes lexical units with the semantics of 'drinking alcohol' in the works by N.S. Leskov. In particular, it is noted that resorting to his characters' description, N.S. Leskov often expresses his ironic attitude to the situation of wine drinking by introducing numerous neoplasms.

Key words: N.S. Leskov, idiolect, Bacchic vocabulary, drinking culture, linguoculturology.

Димитриева Ольга Альбертовна.

Кандидат филологических наук.

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева».

Старший научный сотрудник НИИ этнопедагогики имени академика РАО Г.Н. Волкова.

E-mail: olgaal_79@mail.ru

Dimitrieva Olga Albertovna.

Candidate of Philology.

Chuvash State Pedagogical University named after I. Ya.Yakovlev.

Senior research scientist, Research Institute of Ethnopedagogy named after academician of RAE G.N. Volkov.

E-mail: olgaal_79@mail.ru

ПРОБЛЕМНЫЕ УЗЛЫ УЧЕНИЯ В. В. ФЕДОРОВА О ПОЭТИЧЕСКОМ БЫТИИ: АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

© 2020. *O. P. Миннуллин*
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В публикации сделан обзор филологического учения Владимира Викторовича Федорова о поэтическом бытии в аксиологическом срезе. Ценностная проблематика наряду с онтологической занимает главенствующее положение в концепции ученого, но в этом аспекте немало спорных и противоречивых моментов, обдумыванию которых и посвящена настоящая статья.

Ключевые слова: В. В. Федоров, поэтическое бытие, аксиология, ценность.

Большинство научных публикаций об этих трудах В. В. Федорова носят критический, острополемический характер, о чем свидетельствуют, например, материалы библиографического указателя к 70-летию со дня рождения ученого (2011) [2]. Укажем на отдельные направления этой критики.

Обращаясь к исследованиям литературных произведений, В. В. Федоров указывает на неудовлетворительность литературоведения как области знания в целом, хотя в его разборах классических произведений представлены тонкие и глубокие наблюдения над *поэтикой*. В общетеоретической же части его концепции материал художественной литературы привлекается зачастую «вынужденно» [7, с. 353]. Свое гуманитарное учение он называет новой филологией (контурами филологии будущего, которая еще не началась), вовлекая в него философский, металингвистический, богословский дискурсы, без соблюдения «культуры границ».

Комментаторами и оппонентами не раз уже отмечалось, что в трудах данного исследователя практически нет ссылок на научные данные и результаты коллег (филологов, философов, культурологов). В. В. Федоров ссылается, и то «точечно» только на труды М. М. Бахтина, Бр. Христиансена, Д. С. Лихачева, Б. А. Успенского (может быть, еще удастся назвать несколько имен) и Священное Писание. Мыслитель вводит огромный объем новых терминов, превосходящий по своему количественному объему, пожалуй, даже оригинальную терминологию М. М. Бахтина.

Однако при всей критике нельзя не признать за филологическим учением В. В. Федорова энергию неповторимого творческого жеста познающего человека. В этой концепции есть установка на доведение до предела ряда мыслительных линий, которые были намечены М. М. Бахтина, а также последовательное изложение собственных идей, которые не просто «вброшены» в существующий дискурс, а составляют цельную автономную, пусть не заполненную до конца, мыслительную сферу. И, наконец, главное – в работах философа содержится постановка ряда фундаментальных вопросов, которые не были так ясно и с такой настойчивостью повторения поставлены в гуманитарной области и, в частности, в литературоведении.

Ценностная проблематика наряду с онтологической занимает главенствующее положение в учении В. В. Федорова о поэтическом бытии, но вопросы ценности этого бытия продуманы не столь подробно, как общая теория Слова. В аксиологическом срезе концепции донецкого ученого немало противоречий и дискуссионных моментов, однако есть и свои бесспорные открытия, а также плодотворные для дальнейшего обдумывания идеи, к которым мы обратимся в настоящей работе.

Учение В. В. Федорова, его филологическая антропология, или «эсхатологическая филология» (В. Дмитриев [2, с. 100]), в том специфическом виде, в каком мы ее знаем, начинает оформляться через несколько лет после выхода его монографии «О природе поэтической реальности» (1984), достигая своего аутентичного вида в 1990-е – в начале 2000-х годов («Поэтический мир и творческое бытие» (1999), «Три лекции об авторе» (2003), сборники статей «Оправдание филологии» (2005), «Мир как Слово» (2008) и др.). Написанное в этот период, при всей инонаучности и провокативности наиболее рельефно представляет «феномен Федорова» в парадигме современного гуманитарного знания. **Это** Федоров, о котором говорят донецкие филологи, Федоров *ens a se*.

Язык и поэзия: вопрос о специфике художественного. Общая теория донецкого филолога – это теория языка в его онтологическом истолковании. В. В. Федоров в своем обосновании смысла и ценности творчества нередко обходит проблему специфики художественного слова, не актуализирует ее в своем онтологическом учении о Слове. При существенной философско-религиозной нагрузке размышления донецкого филолога в части общей теории поэзии – это преимущественно размышления философа языка, но не литературоведа, обращающегося к художественной литературе как искусству. Творческий акт у В. В. Федорова лишь разновидность, частный случай «события высказывания» [7, с. 353], и вместо неудовлетворительного понятия «литературного произведения» ученый предпочитает свой альтернативный термин *поэтическое высказывание* [7, с. 359].

Симптоматично, что на этот нюанс еще в 1985 году указывал С. Н. Зенкин в рецензии на книгу «О природе поэтической реальности»: «в монографии В. Федорова... незаметно происходит подмена фактического предмета литературоведения: в противоположность заголовку книги на практике речь в ней идет о природе не «поэтической», а общеязыковой реальности» [2, с. 33]. Оппонент справедливо указывает на невозможность вывести «специфику художественного» из акта высказывания как такового. По мнению С. Н. Зенкина качественное неразличение «слова в жизни» и «слова в поэзии» в ряде случаев выводит суждение В. В. Федорова из области поэтики (а также эстетики) в область «металингвистики», где не учитывается «сущность литературы как искусства» и слово изучается в его «внештетическом аспекте». Критик отмечает, что в бахтинском учении донецкого ученого привлекает именно и только языковой его аспект [2, с. 34], и для иллюстрации своих положений В. В. Федорову удобнее опираться на «прозаические» (обыденные, нехудожественные) тексты, вроде «Лошади бежали дружно» (пример из книги «О природе поэтической реальности»).

Защищая своего подопечного на страницах того же «Литературного обозрения», В. В. Кожинов парирует последнее замечание С. Н. Зенкина: «Лошади бежали дружно» – это не случайное прозаическое высказывание, а «Капитанская дочка» Пушкина [2, с. 39]. Однако справедливо сказать, что обращение к этому пушкинскому тексту у В. В. Федорова все-таки языковедческое, и ни о каком смысле «целого пушкинской повести», возможности «увидеть в этой фразе ее творца» [2, с. 40] речь не идет. Вопрос о «специфике» художественной литературы – В. В. Кожинов называет «лозунговой идеей 1960-х годов». Однако – возразим – игнорирование этой «специфики» предельно размывает предмет обсуждения. И, главное, самого В. В. Федорова этот вопрос о «специфике» в более поздних работах назойливо преследует.

В теоретических построениях 1990-2000-х годов донецкий филолог старается обходить в своей концепции одно из главных понятий классической эстетики – понятие художественного образа. При этом, несомненно, в теории В. В. Федорова есть целый ряд важнейших понятий, связанных с художественным образом, но получающих весьма оригинальную трактовку: «акт воображения», «воображающий», «воображаемое».

Наконец, анализ поэтики конкретных произведений (Пушкина, Гоголя, Крылова) строится у ученого преимущественно на анализе художественного мира, разборе особенностей субъектной организации этого мира, изучении взаимодействия *ценностных* планов автора и героя и никак не на анализе «явлений языка». Общая теория и практика анализа несколько расходятся, причем разборы произведений бесспорнее теории (изучение пушкинского «Моцарта и Сальери», басен Крылова, наблюдения над поэтикой «Медного всадника», «Скупого рыцаря», «Евгения Онегина» и др.). Наиболее удачными и точными наблюдениями следует назвать те, которые сделаны, когда ученый как бы забывает о своей концепции. Порой представляется, что теоретические выкладки только затемняют проницательность наблюдений, загромождают точный поэтический комментарий относительно различных аспектов конкретного произведения (исключение составляет аксиологическая сторона теории, обозначающая взаимосвязь онтологической эстетики и поэтики).

В теории же есть стремление описывать слияние языка и бытия, мысля последний как онтологическую величину саму по себе, и упорно минуя специфику искусства, ни к языку, ни к бытию не сводимую.

«Атрофия» категории художественного образа в его традиционном смысле есть некое «слепое пятно» описываемого построения, которое компенсируется сложными, порой умозрительными конструктами и постоянным смешиванием «действительности жизни» и «реальности, творимой в произведении». Это смешивание происходит, например, через введение рискованной аналогии «Бог – мир – человек» – «Автор – художественный мир – герой» без выяснения различия сферы искусства и бытия как такового.

Так или иначе, чувство исследовательского беспокойства ученого все же вынуждает В. В. Федорова решать вопрос о «специфике» художественного. Сюда следует отнести различие «превращенно-языкового» и «превращенно-словесного бытия»: воображающий обыватель существует в языковой форме, а творящий поэт – в словесной – здесь чувствуется поиск различия «слова в жизни» и «слова поэтического».

Мыслитель зачастую прибегает к некоторой метафоричности или трудно верифицируемым понятиям. Например, поэт (в широком смысле) определяется как «онтологический всплеск» [5, с. 33]. Это субъект с большей, чем у обыкновенного человека «онтологической мощностью», располагающий большими «онтологическими ресурсами» [7, с. 401], он обладает «онтологической интуицией» [7, с. 453] и более чувствителен к «онтологическому конфликту» [7, с. 457]. Но различие между поэтом и тем, кто им не является, в некотором смысле количественное (он мощнее, чувствительнее, у него больше ресурсов), а не существенно-качественное.

В стремлении отделить поэтическое высказывание от «прозаического» (обыденного) – опять же, возвращаясь к вопросу о «специфике» – филолог адресуется к сфере религии. Поэтическое слово сближается в концепции В. В. Федорова с представлением о *священном*, поэзия мыслится своеобразным вариантом, эквивалентом священного: «Если автор прозаического высказывания осуществляется законами языка, то Поэт осуществляется благодатным Словом» [7, с. 360]. Точнее, поэтическое бытие понимается им как «мирской» способ достижения словесного бытия» [5, с. 70]. Помимо поэта субъектами словесного бытия, согласно учению В. В. Федорова, являются глубоко верующие люди, монахи, святые.

Чувствуя, однако, некоторое сопротивление прямого соположения двух сфер духовной деятельности, мыслитель, опять же, отмечает, что поэтическое бытие – это высший тип бытия, «если иметь в виду светский род существования» [2, с. 91]. Но все

же поэтическое бытие, по В. В. Федорову, ниже по своему качеству в сравнении с «монашеским бытием» [5, с. 83].

Фигура поэта сближена в его учении с фигурой пророка (что достаточно традиционно), читатели становятся «паствой» [5, с. 70], а сам художественно-творческий акт, в трактовке В. В. Федорова, по своему типу приближен к акту религиозного *спасения* или, по крайней мере, оказывается подступами к нему. Существенные различия эстетического и религиозного опыта (переживания *прекрасного* и переживания *священного*) порой не актуализируются, а порой осознаются нечетко.

Ценностный аспект поэтического бытия. Неразрешенный до конца вопрос о «специфике» сильнее всего обнаруживает себя в аксиологической стороне концепции, где неудобность и неотступность этого вопроса выявлены рельефнее всего и где намечены существенные перспективы в его решении.

На первостепенную важность аксиологического аспекта в понимании поэзии у В. В. Федорова еще в 1980-е годы указывал В. В. Кожинов, подчеркивая в мысли донецкого ученого слово «ценность»: «Поэтический мир», по словам Федорова, – это «с сотворенной художником **ценность**» (выделено В. В. Кожиновым) [2, с. 42]. Подлинный смысл художественности, как поясняет комментатор, может быть постигнут только через ценностный аспект.

Ценность поэтического творчества по В. В. Федорову заключается в приближении в творческом акте к состоянию человека в полном, высшем смысле слова: «...самый тип поэтического бытия ближе к человеческой сущности, следовательно, это более «правильное» бытие, нежели свойственное нам обычно» [7, с. 397]. В «Оправдании филологии» читаем, что «Поэт и есть человек, «человечность» которого достигает очевидно выраженной формы...» [5, с. 28]. Литературное же произведение мыслится как материализованная сторона поэтического бытия (вслед за М. М. Бахтиным – «внешнее произведение»). Эстетическое завершение литературного художественного произведения совпадает с моментом, когда «бытие Поэта становится истинно поэтическим» [7, с. 398]. Это творческое состояние определяется совпадением бытия поэта с бытием Слова по типу и онтологическому статусу.

Основоположник учения о поэтическом бытии специально обращает внимание, что «произведения» и «поэтическое бытие» – вещи очень различные, и знакомство с большим количеством произведений не гарантирует обретения опыта словесного бытия» [2, с. 91]. Но Поэт, по В. В. Федорову, через сопричастность Слову, преображает и свой язык-народ, приближая его к подлинному бытию.

Ценность поэтического высказывания, согласно мысли филолога, соотносима с «последними проблемами бытия человечества», более того, поэтическое бытие – ценность космогонического порядка, это что-то вроде вехи, события на пути Логоса к самому себе – в эсхатологической перспективе, «некоторый *прогноз* в разрешении Слова-человечества своего внутреннего конфликта» («преодоление превращенности»). Мыслитель утверждает, что в этом *прогнозе*, в этом интуитивно-творческом приближении (творческом акте), невозможно всецелое разрешение «конфликта Слова». Поэтическое творчество «обнаруживает ограниченность своих возможностей» («Три лекции об авторе», [7, с. 401]), имеет свой онтологический «предел» («Мир как Слово», [6, с. 11]).

Ценностный смысл поэзии В. В. Федоров формулирует так: «Опыт поэтического бытия делает человека более восприимчивым к событию бытия Слова-человечества, способствуя тем самым формирования потребности в любви как высшей духовной ценности человечества» [7, с. 398], «поощряет к поиску других, более основательных форм осуществления своего человеческого бытия» [7, с. 401]. Каких? Абсолютной

ценностью бытия (и, соответственно, поэтического бытия, творческого акта) в концепции донецкого филолога является *любовь*, в ее христианском понимании. Эта ценность вменяется автору-творцу как высшее устремление. «Пишу – значит, люблю» – приводит В. В. Федоров слова М. М. Пришвина, толкуя любовь как основу поэтического творчества.

Таким образом, аксиологический аспект учения В. В. Федорова, его трактовка «смысла и назначения» поэзии заключаются в развитии у человека этой *восприимчивости и формирование потребности в любви*. Здесь ощутимо невольное возвращение к эстетической составляющей (*восприимчивость*), однако завершение мысли обращает и к христианской этике и даже педагогике (*формирование потребности, поощрение к поиску*). Может показаться, что этого как-то мало и существо дела будто бы ускользает, однако здесь намечена определенная перспектива.

Трактовать подобное совмещение разных областей только как эклектику, субъективность компонентов мировоззрения отдельного человека, «спонтанную логику схоластического измышления» [2, с. 81], неверно. Это знаковое явление. Пафос учения В. В. Федорова, помимо прочего, состоит в неудовлетворенности ограниченного толкования поэтического акта. Своей столь далеко уводящей теорией исследователь верно свидетельствует о принципиальной неуместности поэтического события в этой сфере. В построениях середины 2000-х годов и более поздних он совершает попытку достроить недостающие компоненты структуры поэтического бытия, стараясь, не всегда последовательно, но, в конечном счете, не потерять столь докучливую «специфику художественной литературы».

В. В. Федоров неизменно возвращается к проблеме ценности поэтического творчества, чувствуя, а порой и решаясь произнести, что его онтологическая теория самоосуществления Слова по большому счету не так уж нуждается в обосновании *специальной* роли поэзии: «Если мы представим себе место произведения в событии обратного превращения, то оно окажется своего рода «побочным продуктом» этого события» [7, с. 463]. Это представляется тупиковым ходом мысли.

В другом месте сказано: «Эстетическая ценность, будучи одной из высших ценностей человека, не является, однако, абсолютно высшей. Превращенно-словесная форма бытия поэта не обладает разрешающей энергией, требуемой Христом. Эстетическая ценность – *своего рода аналог любви* как абсолютно высшей человеческой ценности, и на большее она претендовать не может» (курсив мой. – О. М.) [7, с. 407]. Выделенный курсивом фрагмент – и есть то, что нуждается в конкретизации, пояснении, где снова должен идти тот самый разговор о «специфике».

Как это «аналог любви»? Да еще и «своего рода»? В другом месте В. В. Федоров поясняет, что это «эстетическая любовь». «То, что для героя является любовью как высшей ценностью, то для автора – практическая форма осуществления эстетической ценности (выше которой субъект эстетического бытия подняться не в состоянии)» [7, с. 459]. Приравнивание воображения и *Бытия*, постоянное соположение как аналогичных «реальности жизни» и «реальности искусства» («фабульной действительности») здесь обнаруживает свою дальнейшую невозможность, и, говоря словами А. Компаньона, «здравый смысл» берет верх над «теорией».

Здесь же автор концепции поэтического бытия говорит, что художественное произведение может быть совершенным творением искусства, но оставаться «нейтральным относительно того конфликтного состояния, которое переживает сейчас Космос-Христос». По-видимому, литературные произведения могут быть разделены по этому принципу на подлинно поэтические (ценность которых выше) и только кажущиеся

таковыми, т.е. на обладающие «онтологической серьезностью» и лишенные ее. Во всяком случае, здесь возникает вопрос конкретности *критерия истинной поэтичности*.

Ценность поэтического бытия мыслится филологом в его причастности к событию «обратного превращения» Слова. Однако не до конца ясно, что значит обратное превращение в собственно человеческой перспективе. Поэзии у В. В. Федорова как будто отводится чуть ли не центральная роль сподвижника в деле спасения человечества, но в то же время ее «ресурсы ограничены».

Вообще-то, нужно спросить мыслителя: «обратное превращение» для человека – это христианское спасение? А если теория совсем о другом, то зачем тогда привлекать Христа в эту теорию, понимать его как «первопроходца» в деле «обратного превращения»? Мы отмечали, что беря за основу христианское вероучение, В. В. Федоров, тем не менее, во многом ему противоречит: так, например, у него постоянно варыируется мысль о преодолении телесной формы бытия, отрицание тела как ценности, но Христос воскресает в теле, вообще, «воскресение в тела» – догмат, имеющий свою традицию истолкования.

В «Трех лекциях об авторе» В. В. Федоров пишет: «Событие эстетического бытия есть, по существу, событие обратного превращения» [7, с. 459]. Однако возникает мысль: Христос «первенец из умерших», но Он не пишет стихи, и в Евангелии нет свидетельства, что Он хотя бы раз высказывается о поэзии или об искусстве. Сама мысль об этом странна. Христос не касается этой темы, по-видимому, как несущественной. Да и у главного «идеолога» христианства (большая часть Нового завета составляют его послания) апостола Павла искусство (эстетическая деятельность) толкуется скорее негативно, например: «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я – медь звенящая или кимвал звучащий» (1-ое послание Коринфянам, гл. 13, ст. 1). Образы музыкальных инструментов отсылают к сфере искусства, которое мыслится как «говорение ангельскими языками» без любви. Иудейско-христианской традиции вообще свойственна критика искусства как явления (об этом Б. М. Бернштейн [1, с. 15–28, 65–76]). Поэтому прямое сближение поэтического творчества и спасения – нелепо. Смысл и назначение поэзии, цель поэта не в этом.

При всей критике, которую мы обрушили на учение В. В. Федорова, нельзя отрицать, что она является симптоматичным состоянием современной западной и русской мысли и духа. В этой теории по-своему звучит метафизический бунт человека против, пусть, не Бога, но «Божьего мира» («Братья Карамазовы», слова Ивана). В основанном на христианстве учении В. В. Федорова человеческая позиция напрочь лишена существенного компонента христианской этики и онтологии – *смирения*, место которого замещает вполне «фаустовский» подход, некоторое *энергичное деятельное участие в обретении человеком вечной жизни*, поэтому альтернативой христианскому спасению оказывается «обратное превращение», а одним из его инструментов – Поэт. Однако подстановка поэзии в эту ситуацию с позиций вероучения – ересь, а с позиций поэтики – в существе искажает смысл поэзии.

В. В. Федоров утверждает, что Пушкин в своем последнем произведении «Капитанская дочка» достигает цели поэзии. Пушкин-автор «был, так сказать, «удостоен» возможности невозвращения в жизненную сферу после достижения им статуса непосредственно словесного бытия» [7, с. 459], он разрешает «конфликт между должной и наличной формами своего человеческого существования». Однако он не воскресает из мертвых и не возносится подобно Христу (сфера поэтического воображения не предполагает ничего в этом роде). В завершающей главе «Трех лекций об Авторе» филолог отвечает на это: «Эстетическое бытие... не является настолько

энергичным онтологически, чтобы разрешить онтологический конфликт человека» [7, с. 460], то же и в «Оправдании филологии»: «Разрешающими возможностями эстетическая ценность не обладает» [5, с. 78]. Отличие поэта от Христа в этой логике лишь неопределенно-количественное (больше – меньше «онтологической мощности»), с чем нельзя согласиться.

В конечном счете, правомерно ли вообще ждать от поэтического бытия какого-то *спасения* (или его иноформы) или, может быть, указания пути к воскресению из мертвых? Видимо, ответ «нет». Тогда перефразируем слова Апостола Павла: если *Поэт* «не воскрес, то и проповедь наша тщетна» (1 послание Коринфянам, гл. 15. ст. 14). Или, может быть, ответ «да», но в каком-то другом смысле, не в прямом, как это описано в Евангелии о Христе, а в каком-то особом? Но вопросы, вроде: «В каком смысле поэт обретает бессмертие в творческом акте?», «Что это за «обратное превращение?» снова обращают нас к теме «специфики» художественного творчества, «онтологически и ценностно «продвинутого» бытия» [5, с. 83].

В. В. Федоров говорит, что ценность поэтического бытия в том, что оно дает «онтологический опыт» разрешения конфликта человека, схему события обратного превращения, которое «предстоит пережить человечеству», служит подготовкой к будущему свершению (см., например, анализ «Скупого рыцаря» [6, с. 60–92]). Поэт здесь – обещание и опыт будущего человека, «онтологический всплеск» [5, с. 33]. А эстетическое бытие – это опыт «согласия» «жизненной» формы человека и его «сверхжизненной» природы [7, с. 461], хочется добавить, «мост через пропасть» (Г. Гадамер), который обозначает некоторую перспективу пути в незавершенном творении человека.

Здесь мысль донецкого филолога сближается с классическим представлением о ценности искусства и поэзии, а появляющийся образ будущего помещает мысль в парадигму исторического мышления (*онтологического историзма*). Кстати, тема историзма, весьма, на наш взгляд, плодотворная в данном контексте, появляется и в статье «О понятии «собственно человек», где сказано о поэте как пределе человека, «возможном в ту или иную эпоху» [6, с. 30].

В книге «Мир как Слово» автор теории поэтического бытия говорит, что «эстетическая ценность... оправдывает антиномичность мира, то есть существование антипода неба – преисподней, антипода жизни – смерти, антипода добра – зла» [6, с. 11], что в дальнейшем неожиданно ведет к своеобразной критике поэтического бытия в целом.

Говоря об аксиологическом аспекте учения В. В. Федорова, нельзя обойти и указание на трактовку поэтического бытия как некоторой опасности, т. е. в жизненной логике – *анти*-ценности (об этом, например, статьи «Какую цель преследует поэт» и «Почему опасно быть поэтом» [5, с. 64–81]). Поэтическое бытие желанно для собственно человека, но разрушительно для жизненного существа: «У человека, достигшего высшей формы бытия, а именно таким является поэт, возникает желание смерти...» [5, с. 71]. Если концепция мыслителя в основе своей христианская, то хочется спросить, почему же не вечной жизни?

Но критика не исчерпывается указанием на риски для жизненной формы человека. По В. В. Федорову, поэтическое бытие не всегда положительно в бытийном плане, оно приводит составляющие названных антиномий к гармонии, но не снимает самой антиномии, ввиду ограниченности своего потенциала, отсюда возможности эстетизации зла в искусстве (пример Ш. Бодлера), «обратная сторона титанизма» в Возрождении и другое. Добро же, по мысли филолога, в позиции эстетического бытия

такая же «односторонность», как и зло. Последняя мысль, однако, вызывает некоторое внутреннее сопротивление. Напомним лишь известное стихотворение Василия Казанцева:

И чтоб распутать все дела,
Сказало зло устало:
«На свете нет добра и зла».
Но это – зло сказало!

Помимо существенного места в общей теории поэтического (определении «смысла и назначения» поэзии) у В. В. Федорова аксиологическая составляющая является важным *структурообразующим* компонентом поэтического бытия, конструктивным элементом внутренней организации художественного мира произведения. Без уяснения ценностного аспекта невозможно не только понимание общей онтологической теории поэзии, онтологической эстетики В. В. Федорова, но и его *поэтики* (в узком смысле), методологии анализа художественного произведения.

В статье «Проблема внутреннего мира» (2013) ученый пишет, что причастность героя (фабульного персонажа) бытию автора-творца «проявляется через категорию *ценности, а не бытия*. Герой произведения стремится овладеть какой-то ценностью, которая находится в большем или меньшем отдалении от абсолютной ценности» (курсив наш. – О.М.) [10, с. 19]. По мысли теоретика литературы, достижение героям этой соотнесенной с любовью ценности совпадает с завершением художественного произведения (следуя терминологии «превращенно-словесное бытие»). Завершается «событие жизни» героя (напомним бахтинскую мысль, что герой – это тот, кто должен умереть), происходит завершение поэтического бытия, «сопровождаемое катарсисом».

Именно соотношение ценностных планов героя и автора, их динамическое противостояние, влияние друг на друга, *ценостный конфликт* в его артикуляции сообщают «длительность» развертыванию поэтического бытия, воплощения «события художественного произведения». Здесь последовательно реализованная методология, убедительно примененная в ряде разборов классических произведений. Барон («Скупой рыцарь») в finale обретает столь желанную власть над миром, «царствует» в своем подвале; старуха («Сказка о рыбаке и рыбке») становится «владычицей морской», а рыбка служит у нее «на посылках», выполняя все ее прихоти; Евгений («Медный всадник») находит дом своей возлюбленной на пустынном острове и так далее. Достижение ценности героями, по верному наблюдению В. В. Федорова, завершает названные произведения и событие поэтического бытия автора. Аксиологический компонент анализа поэтики в работах В. В. Федорова также во многом является ключом к пониманию «Пиковой дамы» [9], «Моцарта и Сальери» Пушкина, «Вороны и лисицы» Крылова, «Мертвых душ» и «Шинели» [12] Гоголя, а также других произведений.

Подводя итоги нашему обзору учения В. В. Федорова в аксиологическом разрезе, кратко отметим еще раз наиболее важные и перспективные, на наш взгляд, идеи, которые современной гуманитарной науке, в особенности, литературоведению, следует развивать: 1) поэзия как *бытие, а не творческая деятельность*; 2) поэтическое бытие как *ценность онтологического*, а не эстетического порядка; 3) «онтологическая серьезность» «поэтического бытия» в его специфике; 4) поэтический опыт как событие на пути к подлинному человеку, обещание будущего человека; 5) потребность в любви как внутренний смысл творчества; 6) интерпретация смысла литературного художественного произведения через категорию *ценостного конфликта* автора и героя, учет структурообразующей роли противостояния ценностных планов в произведении; 7) онтологический историзм – идея полноты бытия, способной раскрываться в поэзии, в той мере, которая доступна данной эпохе.

Также укажем на отдельные проблемные вопросы, плодотворные для дальнейшей разработки, спровоцированные теорией В. В. Федорова или по-своему поставленные, но не решенные в ней: 1) специфика поэтического слова на фоне явления языка; 2) соотношение опыта переживания прекрасного (поэтическое бытие) и опыта переживания священного (вера); 3) критерии подлинно поэтического; 4) эстетическое как *анти*-ценность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бернштейн Б.М. Пигмалион наизнанку: К истории становления мира искусства / Борис Моисеевич Бернштейн. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 256 с.
2. Владимир Викторович Федоров: Библиографический указатель к 70-летию со дня рождения / составители А.А. Кораблев, Л.Е. Клименко, С.А. Белоконь. – Донецк: ДонНУ, 2011. – 138 с.
3. Гиршман М.М. «Тень реальности» или «духовный поступок»: произведение искусства в свете философской критики Э. Левинаса // Литературное произведение: Теория художественной целостности / Михаил Моисеевич Гиршман. – М.: Языки славянской культуры, 2007. – С. 508–513.
4. Кораблев А.А. Донецкая филологическая школа: Опыт полифонического осмысления / Александр Александрович Кораблев. – Донецк: Лебедь, 1997. – 176 с.
5. Федоров В.В. Оправдание филологии: сборник статей / Владимир Викторович Федоров. – Донецк: Норд-Пресс, 2005. – 90 с.
6. Федоров В.В. Мир как Слово: сборник науч. статей / В.В. Викторович Федоров. – Донецк: Норд-Пресс, 2008. – 122 с.
7. Федоров В.В. Проблемы поэтического бытия: сборник научных работ / В.В. Федоров. – Донецк: Норд-Пресс, 2008. – 490 с.
8. Федоров В.В. Поэтический конфликт «Шинели» / В.В. Федоров // Литературоведческий сборник. – Донецк, 2009. – № 37–38. – С. 126–136.
9. Федоров В.В. Художественный конфликт «Пиковой дамы» // А.С. Пушкин и литературный процесс: сб. науч. трудов. – Одесса: Астропrint, 2010. – С. 63–67.
10. Федоров В.В. Проблема внутреннего мира / Владимир Викторович Федоров // Новый филологический вестник. – М.: РГГУ, 2013. – № 3 (26). – С. 14–19.

Поступила в редакцию 15.03.2020 г.

PROBLEM ISSUES OF V.V. FEDOROV'S APPROACH TO POETIC BEING: AXIOLOGICAL ASPECT

O.R. Minnullin

The article presents an overview of Vladimir Fedorov's philological work on poetic existence viewed axiologically. The value perspective along with the ontological one is dominant in the scholar's concept. The article tackles debatable and controversial issues of Fedorov's theory.

Key words: V. V. Fedorov, poetic being, axiology, value.

Миннуллин Олег Рамильевич.

Кандидат филологических наук, доцент.

ГОУВПО «Донецкий национальный университет».

Доцент кафедры истории русской литературы и теории словесности.

E-mail: papulia@yandex.ru

Minnullin Oleg Ramilevich.

Candidate of Philology, Docent.

Donetsk National University.

Associate Professor of the Department of the History of Russian Literature and Theory of Literature.

E-mail: papulia@yandex.ru

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ «КАРНАВАЛ» И «ЯРМАРКА» В ЛИТЕРАТУРЕ МАГИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА

© 2020. *М.Н. Панчехина*
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье анализируются особенности поэтики магического реализма. Исследованы литературные и культурные предпосылки данного художественного метода, рассмотрена его связь с народной смеховой традицией и площадными действиями – карнавалом и ярмаркой.

Ключевые слова: поэтика, магический реализм, народная культура, карнавал, ярмарка.

Целью данной статьи является лингвокультурологический анализ феноменов «карнавал» и «ярмарка», позволяющий конкретизировать их место и значение в поэтике магического реализма. Для достижения цели поставлены следующие задачи: рассмотрение форм народной культуры в качестве текстопорождающего фактора; установление генетической взаимосвязи между понятиями «гротескный реализм» и «магический реализм». Теоретическими источниками являются работы М.М. Бахтина [2, 3], в которых сформулирована концепция карнавализации; исследования Вс. Багно, Ю. Гирина, А.Ф. Кофмана, Я.Г. Шемякина, интерпретирующих художественные процессы латиноамериканской культуры как путь формирования нового творческого метода в литературе и искусстве.

Народная культура. Магический реализм как творческий метод генетически восходит к национальному колориту Латинской Америки, её «непосредственно передаваемой (устной) традиции, продолжающей существовать в синкетических формах и сохраняющей актуальность в современном мире» [7, с. 3]. Приверженность народной культуре становится тем фактором, который определяет художественную ценность произведений магического реализма. Характеризуя роман Г.Г. Маркеса «Сто лет одиночества», Ю.Н. Гирин подчёркивает: «Книга, произросшая из глубин народного сознания, и была принята народом как “своя”, естественным образом возникшая “народная книга” – тип литературы, в силу исторических обстоятельств в Латинской Америке отсутствовавший» [4, с. 217].

Укоренённость в народной культуре, её колорите прослеживается при художественном оформлении «Сто лет одиночества»: на обложке первых изданий были изображены лубочные картинки, сопровождающиеся нарочито примитивным шрифтом и, более того, умышленно допущенной «ошибкой» в названии книги [4, с. 213]. Таким образом актуализируется близость (едва ли не синонимичность) понятий «народная литература» и «лубочная литература», очевидная для латиноамериканистов. Вс. Багно о произведении «Сто лет одиночества» пишет: «это лубочный роман <>. Чтобы получить об этом феномене более полное знание, можно представить себе <> лубочный роман XIX века, написанный Гоголем. Воспользовавшись великими преимуществами лубка, <> Гарсиа Маркес <> создал истинно народные книги» [1, с. 25].

Лубочные картинки интерпретируются нами как «“кадр” фольклорного карнавального веселья» [11, с. 178], а следовательно, и литература такого типа бесспорно связана с площадными действиями и всевозможными массовыми празднествами, она изображает карнавал и ярмарку как некий словесно-

художественный спецификаум. В литературе магического реализма описание массовых гуляний, празднований, шествий становится особенностью поэтики, элементом *коммуникативной стратегии сближения* автора – героя – читателя, которая «подразумевает событие рассказывания» [10, с. 170]. При этом процесс рассказывания сопровождается актуализацией базовых для концепции карнавализации понятий: *граница, народная vs официальная культура, оппозиция «верх» и «низ»*.

Все эти явления обнаруживаются нами в очерке Г.Г. Маркеса «СССР: 22.400.000 квадратных километров без единой рекламы кока-колы» [6]. В самом начале повествования вводится символический *образ границы*, который трактуется как образ очевидной преграды, «непроницаемости» между колумбийской и советской действительностью. А.Ф. Кофман пишет, что государственную границу СССР Г.Г. Маркес воспринимает в «расширительном, символическом, онтологическом ключе – как границу между цивилизациями. Эта < > мысль < > была вынесена в ироничное заглавие переработанного репортажа: кока-кола мыслится принадлежностью западной цивилизации; её отсутствие – это не смысловое зияние, а образ иного миростроя» [5, с. 14].

Однако из очерка следует, что *образ границы* позволяет установить не только очевидные различия между пространствами, но и сходство: «Здесь царили деревенская атмосфера и провинциальная скучность, мешавшие мне ощутить разницу в десять секунд, что отделяла меня от колумбийских деревень. Это словно подтверждало, что Земной шар на самом деле ещё более круглый, чем мы предполагаем, и достаточно проехать лишь 15 тыс. км от Боготы к востоку, чтобы вновь оказаться в посёлках Толимы» [6].

Так описывается Украина (напомним прозрачную безоценочную семантику топонима «у края», то есть в зоне пограничья, на границе территорий), через которую идёт поезд в направлении Москвы. Повествование охватывает Украину и Москву таким образом, что традиционное противопоставление «деревни» и «города» в итоге оказывается разрушенным: автор включает в очерк расхожую фразу о том, что Москва – большая деревня. В результате неактуальным становится географическое, социальное, культурное противостояние. Общность людей, проживающих на различных территориях, устанавливается путём описания их участия в шествиях, гуляниях и т.д.

Одной из таких народно-зрелищных является ярмарка. Остановимся на подробном описании украинского базара, данного Г.Г. Маркесом. Его привлекает не столько изобилие товаров, сколько сама внутренняя структура процесса торговли. Внимание обращено на специальное одеяние продавщиц – белые халаты и белые же платки на головах, их подчёркнуто весёлые голоса, ритмичные и устойчивые словесные формулы, вводимые в речь, наконец, на едва ли не ритуальный процесс зазывания. Роль двух составляющих – обряда и зрелища – была столь сильна и очевидна для Г.Г. Маркеса, что дала ему повод принять происходящее за «*фольклорную сценку по случаю фестиваля*» [6]. Эта «сценка» позволила сделать ярчайшему представителю рассматриваемого творческого метода вывод о том, что «*в Колумбии всё происходит точно так же* (курсив наш – М.П.)» [6].

Ярмарочная сторона жизни апеллирует к магическому мировосприятию: само физическое тело участников действия осмысливается в феноменологическом аспекте. «Ярмарка, – пишет Ю. Нечипоренко, – связана с обменом энергиями пищи и вещами, с которыми человек будет жить и после её окончания» [8]. Актуализация феноменологии телесного аспекта в этом контексте не является случайной, так как в процессе сельскохозяйственного празднества объектом торговли зачастую выступают продукты

питания – как бы олицетворение сил земли, демонстративные образы материально-физического плана. Кроме того, переход товара в буквальном смысле из рук в руки, равно как и символический обмен приобретения на денежный эквивалент, подразумевает – вслед за словесным – тактильный контакт между покупателем и продавцом, что формирует представление об особой синестезии обрядово-ритуального действия, его апелляции к телу и отдельным органам чувств человека (запах товара, его внешний вид, зазывание и т.д.).

Маркесовское описание ярмарки обнаруживает имплицитную генетическую связь данного культурного события с карнавалом. О роли данных событий для культуры Латинской Америки говорит тот факт, что сам образ ритуального действия проникает в литературу и становится её неотъемлемой составляющей: «Страна карнавала» (1931/1932) Жоржи Амаду (1921 – 2001); «Нечестивец, или Праздник Козла» (2000) Марио Варгаса Льосы (род. В 1936) и др. В произведениях Г.Г. Маркеса это явление зачастую используется как сюжетообразующее. В романе «Сто лет одиночества» Аурелиано Второй ищет жену по единственной примете – она самая красивая женщина в мире, красоту которой можно обнаружить во всей полноте только лишь после праздничного действия. Здесь характерно, что сюжетный ход вскрывает фабульное содержание: обыгрывается поиск возлюбленной как трансформация невозможного события в возможное – то есть гипотетически допустимым является немыслимый до карнавала брак. Как видим, уже на начальной стадии анализа отдельных текстов карнавализацию – то есть вхождение известного ритуального действия в канву литературного произведения – целесообразно рассматривать как один из важнейших компонентов поэтики магического реализма. Наиболее ярко данный компонент проявляется в латиноамериканском национальном варианте магического реализма в связи с укоренённостью в самой культуре континента рассматриваемого явления.

По сути, и ярмарка, и карнавал представляют собой «торжество визуальности – демонстрация внешних оболочек вещей, костюмов, нарядов, ролей» [8]. Весь процесс апеллирует к идеи наблюдающего глаза, направленного на пестроту масок и костюмов, к предельной поведенческой демонстративности участников и идеи зрителя. Наряду с ярмаркой, карнавал может быть описан как культурная форма, в основе которой лежит зрелище.

Гротеский реализм и магический реализм. Изображение ярмарочного и карнавального действия в литературном произведении магических реалистов предполагает использование специфического типа художественной образности и соответствующей ей средств. Наиболее важным в этом контексте является гротеск. Данный термин, как и «магический реализм», апеллирует к сфере изобразительного искусства. «Гротеск» восходит к итальянскому *grotta* – «гrot», «пещера», на стенах которых был впервые обнаружен особый тип орнамента, соединяющий «фантастическое» и «реальное». Сама этимология термина оказывается связанной с концепцией так называемой «чудесной реальности»: во французском языке *grotesque* – это комичный или же *причудливый*, что коррелирует с представлением о чуде как о феномене, стремящемся преодолеть типичное и обыденное. На наш взгляд, для магического реализма гротеск есть способ изображения чудесной реальности.

Близкий к карикатурному описанию, он основывается на идеи деформации объёмов и форм в художественном пространстве, которая отталкивается прежде всего от человеческого тела. «Москва – самая большая деревня в мире – не соответствует привычным человеку пропорциям. Лишённая зелени, она изнуряет, подавляет. Московские здания – те же самые украинские домишки, увеличенные до титанических

размеров» [6], – описывает свои впечатления от советской действительности Г.Г. Маркес.

Для Г.Г. Маркеса применительно к СССР характерно восприятие пространственных реалий как гипертрофированных, нарочито увеличенных и как бы растянутых в собственном масштабе – в подобном типе художественной образности в очерке даны памятники вождям и едва ли не все архитектурные достоинства столицы. В этой пространственной организации специфически разрешается вопрос о материально-телесной сфере жизни: напомним навязчивое желание писателя попасть в мавзолей, впоследствии исполнившееся и давшее как результат подробное и выразительное повествование о мёртвых телах вождей – Ленина и Сталина; здесь особое преломление приобретает та самая идея иллюзорного чуда, идея мнимого чудесного бессмертия и вечной жизни, граничащая с фарсом.

Гротескное изображение физического аспекта достигает своего апогея и едва ли не наибольшего комического эффекта при описании московского общественного туалета, ирония ощущима и в контексте пространного рассуждения Маркеса о гастрономических пристрастиях советских людей: в частности, они не пьют кофе, предпочитают ему огромное количество чая, игнорируют десерты после трапезы и т.д. Здесь материально-телесный аспект становится всенародно значимым. Гротеск, используемый в маркесовском эссе, оказывается адекватным московской действительности творческим приёмом, который позволяет на словесно-языковом уровне вскрыть механизм советского карнавально-ярмарочного действия: оно приобретает особое значение в связи с многочисленными праздничными демонстрациями – по сути, театрализованными шествиями – по случаю Фестиваля молодёжи и студентов.

Процесс буквального снятия границ между «телами» и географическими пространствами – СССР и Латинской Америкой – возможен через гротескное восприятие, которое лежит в основе мировоззрения писателя и раскрывается при обращении к конкретному художественному методу.

На наш взгляд, магический реализм генетически связан с явлением *гротескного реализма*, концепция которого изложена в классическом труде М.М. Бахтина «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и ренессанса» [2].

Как известно, под гротескным реализмом М.М. Бахтин понимал особую эстетическую концепцию бытия, которая апеллирует к народной культуре и материально-телесному аспекту [2]. Выделяются три основные составляющие народной культуры: обрядово-зрелищные формы, словесные произведения (устные и письменные), разнообразные виды фамильярно-площадной речи.

Фактором их корреляции выступает смеховое начало: оно способствует созданию комического/пародийного эффекта и необходимому для гротеска снижению. Для литературного произведения особое значение этот факт приобретает в связи с взаимодействием нескольких языков на территории конкретного географического пространства и/или в творчестве отдельного автора. Характерно, что для иллюстративного примера в этом контексте сам М.М. Бахтин приводит Франсуа Рабле: в романе «Гаргантюа и Пантагрюэль» происходит трансформация французского языка, его, как пишет исследователь, итальянизация. Лингвистический аспект здесь приобретает особую важность в связи с тем, что взаимодействие нескольких языковых традиций оказывается плодотворным для литературного творчества: по мнению М.М. Бахтина, сознание писателя причастно одновременно нескольким языкам, которые находятся в оппозиции друг ко другу и стремятся оборвать догматизм

мышления. «Стать вне своего языка можно лишь там и тогда, когда происходит существенная историческая смена языков, когда эти языки, так сказать, примеряются друг к другу и к миру, когда в них начинают остро ощущаться грани времен, культур и социальных групп», – заключает М.М. Бахтин [2, с. 120]. Этот процесс характерен для смешанного типа культуры, то есть он возникает «из народных глубин на том же самом месте, где народы и языки постоянно смешивались» [2, с. 120].

Итак, гротескный реализм, как, вероятно, и магический реализм, апеллируют к таким географическим пространствам, внутри которых возникает полилингвизм. В этом контексте гротескный реализм является исторической предпосылкой магического, позволяющим соотнести языковую действительность Латинской Америки и СССР. В двух странах происходит плодотворное смешение: так, В Латинской Америке существовала целая мозаика из испанского, португальского, сотен наречий местных индейских племён и других этнических групп, что, с одной стороны, могло способствовать обогащению общенационального языка, с другой же – заставляло структурировать языки в определённую систему, иерархию, подразумевающую доминирование отдельных элементов и подчинение других. Иначе говоря, возникла необходимость выделить государственный язык как главенствующий, в связи с чем остальные признавались неофициальными, функционирующими в быту. В свою очередь, территория Советского Союза также позволяла взаимодействовать ста двадцати различным языкам, закрепляя русский как средство межнационального общения. В этом контексте характерно, что именно неофициальная речь, существующая в обыденной жизни носителей, является порождающим лоном для народной культуры, а также лингвистической сферой её сохранения.

Развивая концепцию гротескного реализма, М.М. Бахтин затрагивает специфику языкового пограничья, – по сути, того же феномена, на который обращает внимание Г.Г. Маркес при первом визите в СССР. Это карнавально-ярмарочное мышление, позволяющее описать процессуальность смешения нескольких традиций: для Г.Г. Маркеса иллюстративным примером такого выглядит украинская ярмарка, в бахтинской концепции – украинская народно-праздничная жизнь, отражённая в творчестве конкретного писателя. Последняя, «отлично знакомая Гоголю, организует большинство рассказов в “Вечерах на хуторе близ Диканьки” <...>» [3, с. 250].

Как видим, магический реализм и гротескный реализм, генетически восходя к истокам народной культуры, обнаруживают ряд типологических сходств. Указанные свойства дают возможность предположить, что гротескный реализм, возникший в средневековый период, целесообразно рассматривать как то явление в искусстве, которое в историко-литературном контексте предшествовало магическому реализму. Именно гротескный реализм как эстетическая концепция во многом способствовал оформлению магического реализма как художественного метода, став фундаментом для его эстетики и поэтики.

Установление генетического сходства на основании народной культуры позволяет точнее описать поэтику и эстетику магического реализма вплоть до его проявленности в конкретных национальных литературах – в связи с латиноамериканским и славянским контекстом (Г.Г. Маркес – Н.В. Гоголь).

Карнавал и ярмарка, описание которых оказывается доминантой творческого мышления магических реалистов, формируют представление о тексте как о «длящемся во времени художественном высказывании» [9, с. 79]. Актуальным для такого типа мышления будет обращение к самобытной культуре своей родины, богатствам родного языка и речи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Багно Вс. Об одиночестве, смерти, любви и прочей жизни / Вс. Багно // Гарсиа Маркес Г. Палая листва : повести, рассказы. – СПб.: Симпозиум, 2001. – С. 5–35.
2. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М.М. Бахтин. – М.: Худож. лит., 1965. – 527 с.
3. Бахтин М.М. Рабле и Гоголь (Искусство слова и народная смеховая культура) / М.М. Бахтин // Контекст. – М., 1972. – С. 248–259.
4. Гирин Ю. «Сто лет одиночества» 35 лет спустя / Ю. Гирин // Вопросы литературы. – 2004. – № 1. – С. 213–224.
5. Кофман А.Ф. Образ Советской России в испаноамериканской литературе / А.Ф. Кофман // Новые Российские гуманитарные исследования. – 2007. – № 2. – С. 12–23.
6. Маркес Гарсиа Г. СССР: 22 400 000 квадратных километров без единой рекламы кока-колы / Г. Гарсиа Маркес. – М.: Наука, 1988. – С. 23–28. – Режим доступа: <http://www.marquez-lib.ru/works/sssr- 22400000-kvadratnih- kilometra-bez-reklamy-koka- koly.html>.
7. Народная культура в современных условиях : учебное пособие ; отв. ред. Н.Г. Михайлова. – М., 2000. – 219 с.
8. Нечипоренко Ю. Космогония Гоголя / Ю. Нечипоренко // Литература. – Первое сентября. – 2002. – № 1. – Режим доступа: <http://lit.1september.ru/article.php?ID=200200103>.
9. Панчехина М.Н. Автокоммуникация в художественном произведении: к вопросу о речевом поведении Ивана Бездомного в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» / М.Н. Панчехина // Современное есениноведение. – Рязань, 2018. – № 4 (47). – С. 75–79.
10. Скилевая А.С. Понятие «коммуникативная стратегия» в художественном тексте / А.С. Скилевая, М.Н. Панчехина // Актуальные проблемы речевой культуры будущего специалиста : Материалы I Республикаской студенческой научно-практической конференции, посвященной Году русского языка в Донецкой Народной Республике. – Донецк: ДонНТУ, 2019. – С. 169–171. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=39165549>.
11. Юрков С.Е. От лубка к «Бубновому валету» : гротеск и антиповедение в культуре «примитива» // Юрков С.Е. Под знаком гротеска: антиповедение в русской культуре (XI – начало XX вв.). – СПб., 2003, – С. 177–187.

Поступила в редакцию 27.04.2020 г.

LINGUISTIC CULTUREMES "CARNIVAL" AND "FAIR" IN THE LITERATURE OF MAGICAL REALISM

M.N. Panchehina

The peculiarities of the poetics of magical realism are analyzed in the article. Literary and cultural preconditions of this artistic method are investigated. Its connection with folk laughing tradition and entertaining actions of carnival and fair is considered.

Key words: poetics, magic realism, folk culture, carnival, fair.

Панчехина Мария Николаевна.

Кандидат филологических наук.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

Доцент кафедры русского языка.

E-mail: mpanchehina@gmail.com

Panchehina Maria Nikolaevna.

Candidate of Philological Sciences.

Donetsk National University.

Associate Professor of Department of the Russian Language.

E-mail: mpanchehina@gmail.com

РОМАН «ЛАВР» Е. ВОДОЛАЗКИНА. ОПЫТ ПРОЧТЕНИЯ

© 2020. *Л.Т. Сенчина*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье анализируется роман Е. Водолазкина «Лавр» с точки зрения его новаторства; подчеркивается особая жанровая природа этого произведения: «неисторический роман». Рассматривается детально проблема функционирования жанра «путешествия» с точки зрения традиции и новаторства.

Ключевые слова: жанр, роман, хронотоп, герой, композиция.

Роман «Лавр» Е.Г. Водолазкина, бесспорно, значительное явление в современной литературе.

В произведении органически соединяются занимательность (в широком смысле этого слова) с интеллектуальным началом. Автор хорошо понимает и чувствует эпоху, что дает ему возможность выбрать правильную интонацию повествования; герои XV века говорят на языке, не адаптированном к современному, не «стилизованном под сегодняшний день», а на общечеловеческом языке, который понятен и доступен каждому. Особая «интонация» делает чтение романа (не отрицаем сложности и многослойности произведения) явным удовольствием, «душа» открыта и идет на встречу с миром. Время и его разрушительная сила становятся только видимостью, которую возможно преодолеть каждому. И эта особенность романа Е.Г. Водолазкина делает его значимым для современного читателя.

Мир романа – «живая» история, однако Е.Г. Водолазкин подчеркивает, определяя жанровую природу «Лавра», что это «неисторический роман». Отсюда понятно, почему его автор не занимается «плетением словес», чтобы передать атмосферу древнерусского средневековья – он в этом мире живет и легко «переносит» читателя в разные временные рамки, в разные страны, в разные культурные «пласты».

Роман «Лавр» Е.Г. Водолазкина насыщен реминисценциями из житийной литературы. Исследовательница Н. Трофимова в своей работе «Традиции древнерусской литературы в романе Е.Г. Водолазкина «Лавр» отмечает наличие древнерусских традиций, которые нашли отражение в произведении [5]. Например, черты средневекового историзма, события, которые происходят в романе, имеют точные даты и названы в традициях древнерусских памятников: по мирскому календарю и по церковному.

Используется относительная хронология, детали быта; имена героев имеют определенные символическое значение и т.п. Исследовательница делает верный вывод о том, что «...жития стали основным сюжетным и отчасти стилистическим источником романа» [5, с. 16].

Достаточно вспомнить житие Ксении Петербургской, чтобы иначе осмыслить текст романа. В житии повествуется о том, что после внезапной смерти мужа Ксения избрала тяжелый путь юродства. Она пожертвовала все имущество своим знакомым, облачилась в одежду умершего мужа, стала отзываться только на его имя, утверждая и убеждая окружающих, что он жив, а Ксения умерла. Милостыню блаженная Ксения также не принимала, боясь только копейки, которые сразу же раздавала нищим и

убогим. Целыми днями она бродила по улицам Петербурга, заходила к своим знакомым, обедала у них и беседовала с ними. Долгое время никто не знал, где она ночевала и находила приют. Затем стало известно, что она в любое время года и в любую погоду проводила ночи в поле в коленопреклоненной молитве до самого рассвета, делая земные поклоны на все четыре стороны.

Автор романа "проводит" своего героя в определенной степени по такому же пути: «Старец из монастыря, поняв, что Арсений мучается тем, что Устина умерла из-за него, да еще и без причастия, говорит ему, чтобы Арсений отдал свою жизнь Устине. "Любовь сделала вас с Устиной единым целым, а значит, часть Устины все еще здесь. Это — ты. <...> У тебя трудный путь, ведь история твоей любви только начинается. Теперь, Арсение, все будет зависеть от силы твоей любви. И, конечно, от силы твоей молитвы» [2, с. 448]. Подобно героине Жития, Арсений принимает на себя подвиг спасения своей любимой, называясь ее именем. Содержанием юродства является предельное самоумаление себя на пути духовного самосовершенствования. Арсений меняет имя и становится на путь абсолютного смирения, на протяжении которого он поминает и помнит только имя Устины. Тем самым, с одной стороны, начинается нелегкий путь испытания ради спасения любимой, а с другой стороны, — путь к святости. В одном из своих интервью Е.Г. Водолазкин назвал прототипов некоторых героев своего романа: «— У Лавра, безусловно, есть прототипы: это Алексей, человек Божий; Василий Блаженный; новгородский святой Никола Кочанов» (он послужил прототипом Фомы в романе «Лавр») [1].

Автор использовал несколько десятков житий; Е.Г. Водолазкин называет прямые источники, которые нашли отражение в романе: Жития Андрея Юродивого, Василия Блаженного, Ксении Петербургской, Варлаама Керетского и др.

Главный герой проходит через тяжелые испытания, меняет свои имена (Арсений-Устин-Амвросий-Лавр), меняет свою сущность. В конце произведения Лавра признают народ и церковь, он настоящий праведник, которого испытывают на прочность Бог и люди. Пройдя круги немыслимых испытаний, герой романа окончательно искупает своей грех по сути новым грехом.

Чтобы спасти молодую женщину, зачавшую от случайного мужчины, старец берет этот грех на себя и лжет народу. Он теряет дар целительства, но умирает как праведник. Тем не менее старец завещает волоком оттащить его тело в лес на съедение диким зверям — нередкий поступок для святых того времени. За сценой наблюдает заморский купец Зигфрид, и купец недоумевает: « — Что вы за народ такой, — говорит купец Зигфрид. — Человек вас исцеляет, посвящает вам всю свою жизнь, вы же его всю жизнь мучаете. А когда он умирает, привязываете к его ногам веревку и тащите его, и обливаетесь слезами.

— Ты в нашей земле уже год и восемь месяцев, — отвечает кузнец Аверкий, — а так ничего в ней и не понял.

— А сами вы ее понимаете? — спрашивает Зигфрид.

— Мы? — Кузнец задумывается и смотрит на Зигфрида. — Сами мы ее, конечно, тоже не понимаем» [2, с. 349].

Следует обратить внимание и на категорию времени в творчестве Е.Г. Водолазкина. Время у автора в романах «переплетается», «взаимодействует», но всегда является основой для развития человеческих судеб. Тема времени возникает в произведениях «Соловьев и Ларионов», «Лавр», «Авиатор». По-видимому, Е.Г. Водолазкин считает, что время это только видимость, времени нет, оно лишь «часть вечности». Как замечает автор, «...смерть человека — это день его рождения для

вечности». Человек живет вне времени, вне пространства. При этом нужно подчеркнуть, что в романе «Лавр», автор явно фиксирует временные вертикали и горизонтали, настаивая на том, что пространственная вертикаль, важнее: «Увлекайся вертикальным движением к Небу». Этот призыв Е.Г. Водолазкина так или иначе проходит через весь роман. Одним из идейных мотивов хронотопа становится мотив любви, поскольку только любовь преодолевает время, которое является главной разрушительной силой. Сначала любовь к любимой движет героем «Лавра», а в дальнейшем это становится содержанием его бытия и по-новому организует и время, и пространство Арсения.

Обратим внимание на композицию романа «Лавр». Она, на первый взгляд, ясная и простая. Произведение состоит из четырех книг:

1. Книга Познания;
2. Книга Отречения;
3. Книга Пути;
4. Книга Покоя.

Композиция, очевидно, отражает связь романа с житийным жанром: именно в такой последовательности святые проходят свой земной путь к вечной жизни. Безусловно, эта модель сохранена и в романе «Лавр». Однако нам бы хотелось, обратить внимание на еще один, на наш взгляд, значимый аспект этого сложного произведения.

Внимательное прочтение романа убеждает нас в том, что в такой композиции есть «скрытый смысл». По нашему мнению, происходит «переключение» текста произведения в сферу «путешествия» по миру и внутри себя. Жанр «путешествия», бесспорно, близок автору «Лавра». Однако нужно отграничить этот жанр XVIII века от жанра древнерусский «хождений».

В русской литературе XVIII века жанр путешествия имел широкое распространение: «Гистория о Василии Кориотском» (анонимный автор), «Езда в остров любви» (В. Тредиаковский), «Письма русского путешественника» (Н. Карамзин), «Путешествие из Петербурга в Москву» (А. Радищев). Путешествия главного героя романа наполнены совершенно другим смыслом – познание другого мира в его духовных и мировоззренческих особенностях, открытия для себя иной культуры.

И в этой связи необходимо указать и на связь романа с произведением Н.В. Гоголя «Мертвые души», в котором путешествие определяет развитие сюжета. Особо подчеркнем, что сам автор «Лавра» неоднократно указывал на сильное влияние Н.В. Гоголя на свое творчество.

Путешествие, как правило, связывают с потребностями души увидеть новое, необычное, а самое главное, путешествия связаны с движением в пространстве. Исследователь А.А. Кораблев пишет: «Духовно-этическое, романтическое путешествие предопределено сверхжизненной потребностью, оно изначально ориентировано на духовную цель, и внешнее перемещение осознается как способ внутренних изменений. Это путешествие-паломничество, весь путь к сакральному месту сакрализуется, трансформируется в особый, символический текст, состоящий из многообразных мистических знаков и знамений, подготавливающий и преображающий идущего» [3; с. 139]. И хождения, и жанр путешествия имеют общую основу – ищущая душа человека.

В целом, роман «Лавр» – это, прежде всего, разговор о Боге, о пути к Творцу, который призывает нас быть добрыми, любить, принимать и прощать. Все

произведение «Лавр», бесспорно, ориентировано на выполнение человеком морально-нравственных законов. В романе Е.Г. Водолазкина звучит вера в то, что скоро наступит эпоха «более внимательного отношения к самому себе и к Творцу».

Безусловно, важным является обращение к контексту культуры Древней Руси. По мнению автора романа, именно в эту эпоху были сформулированы важнейшие принципы и понятия национальной культуры в целом. Поэтому Е.Г. Водолазкин настаивает на мысли о том, что только в древнерусском контексте можно говорить о важнейших ценностях, которые определяют вертикали человеческой жизни, одна из них, по мнению автора «Лавра», есть Бог.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Водолазкин Е.Г. «Я не имитатор, я был бы неплохим древнерусским писателем» / Е.Г. Водолазкин // Интервью Л. Данилкину (26 ноября 2013 г.) // Режим доступа: <https://daily.afisha.ru/archive/vozduh/books/ya-ne-imitator-ya-byyl-by-neplohim-drevnerusskим-pisatelem/> (Дата обращения: 25.05.2020 г.)
2. Водолазкин Е.Г. Лавр / Е.Г. Водолазкин. – М.: Изд-во АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2013. – 448 с.
3. Кораблев А.А. Филология путешествия / А.А. Кораблев // Культура в фокусе научных парадигм. Материалы IV Международной научно-практической конференции (Донецк, 6-7 апреля 2016 г.); научн. ред. Кравченко О.А., Каика Н.Е. – Донецк: ДонНУ, – 2016. – Вып.4. – С. 136–139.
4. Маглий А.Д. Жанровое своеобразие романа Е. Водолазкина «Лавр» / А.Д. Маглий // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2015. – № 1. – С. 177–186.
5. Трофимова Н.В. Традиции древнерусской литературы в романе Е.Г. Водолазкина «Лавр» / Н.В. Трофимова // Рема. – № 2. – 2016. – С. 7–20.

Поступила в редакцию 08.06.2020 г.

NOVEL “LAUREL” BY E. VODOLAZKIN. READING EXPERIENCE.

L.T. Senchina

The article analyzes the novel “Laurel” by E. Vodolazkin from the point of view of its innovation. The specificity of its genre as “a non-historical novel” is brought into the open. The problem of the “travel” genre functioning is considered in detail from the point of view of tradition and innovation.

Key words: genre, novel, chronotope, character, composition.

Сенчина Людмила Тимофеевна.

Кандидат филологических наук, доцент.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

Доцент кафедры истории русской литературы и теории словесности.

E-mail: terkulov@rambler.ru

Senchina Ludmila Timofeevna.

Candidate of Philology, Docent.

Donetsk National University.

Associate Professor of History of Russian Literature and Theory of Literature Department

E-mail: terkulov@rambler.ru

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА В ПОЭМЕ «ТОВАРИЩ» С.А. ЕСЕНИНА

© 2020. *А.А. Сорокин*
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье исследуется «маленькая поэма» «Товарищ», написанная С.А. Есениным под впечатлением от революционных событий февраля 1917 года. Используя стилистические и сюжетные элементы, автор создает уникальную систему образов «маленькой поэмы» с их смысловой доминантой.

Ключевые слова: Есенин, товарищ, автор, «маленькая поэма», Февральская революция, Христос.

События Февральской и Октябрьской революций 1917 года, произошедших в России, нашли свое отражение в творческом наследии подавляющего большинства людей искусства, в том числе и художников слова. С.А. Есенин стал не просто одним из первых, кто откликнулся на эти события, но стал своеобразным «застрельщиком», после которого выступили, ориентируясь, прежде всего, уже на созданную поэму «Товарищ». Такие отклики будут носить определенный поворот, и даже переворот, в творческом осмыслиении глобальных социальных перемен у Н.А. Клюева (поэма «Медный кит» (1918)) [6, с. 116], А.А. Блока (поэма «Двенадцать» (1918)) [2, с. 88], А. Белого (поэма «Христос воскрес» (1918)) [1, с. 58].

Принято считать, что осмысление Февральской и Октябрьской революций 1917 года нашли свое воплощение в одиннадцати «маленьких» поэмах С.А. Есенина. Цикл, или книгу, составили следующие произведения поэта: «Товарищ», «Певущий зов», «Отчарь», «Октоих», «Пришествие», «Преображение», «Ионния», «Сельский часослов», «Иорданская голубица», «Небесный барабанщик», «Пантократор». К ним же примыкает и поэма «Кобыльи корабли» [10, с. 339].

Первой в этом ряду предстает поэма «Товарищ». Написанная по следам свежих событий, в марте 1917 года, и опубликованная в мае, эта поэма получила широкий отклик в критике – широкий, но рознящийся в своих оценках. Эти разные оценки определялись полярно. Позитивно восприняли «Товарища» следующие критики: Р.В. Иванов-Разумник: «единственное подлинное проявление народного духа в поэзии» [9, с. 300]; В.Л. Львов-Рогачевский: «поэтическая «повесть» [Там же], В.С. Рожицын: «апокриф революции» [Там же]. С определенной долей сомнения, негативно, оценили поэму З.Д. Бухарова: «далеко от красоты» «Марфы Посадницы» [Там же]; «покушением с негодными средствами на революционное творчество» назвал «Товарища» Н.Л. Янчевский [9, с. 301], определил как «внешнее соединение механической (Иванова-Разумника) мистики с темами революции» С.М. Городецкий [Там же].

Такая разноречивость в критических оценках будет проявляться и в дальнейшем. В советском литературоведении, например, П.Ф. Юшин отмечает: в «Товарище» позиция поэта в восприятии Февральской революции 1917 года не очень ясна, в других произведениях «позиция Есенина проясняется» [11, с. 201].

И сегодня в есениноведении существуют различные подходы в исследовании этой поэмы.

Мы наблюдаем это произведение в его жанровой специфике через авторское отношение к изображаемой им художественной действительности.

Эпическая неспешная повествовательность, несмотря на то, что автор определяет жанр поэмы как «*повесть ... короткую*» [4, с. 30], не наполнена яркими событиями. Все вписывается в будничность, повседневную безрадостность жизни «*простого рабочего*» и его сына Мартина. Особое соотношение к центральным героям произведения приобретают младенец Христос на руках матери, который «*смотрел с иконы на голубей под крышею*» [Там же], и старая кошка, не слышащая мух и мышей.

Автор, на первый взгляд, бесстрастно сообщает о том, что «*грустно стучали дни, словно дождь по желеzu*» [Там же], что отец однообразно, изо дня в день, режет черствую горбушку хлеба, чтобы накормить сына «*насущной пищей*» [Там же]. Однако однообразие это нарушается разучиванием «*Марсельезы*» и призывом к сыну о понимании в будущем того, почему они сегодня живут нищенски.

То, что отец сам нарушает однообразное течение жизни, не перерастает в последовательное «*повестное*» начало взросления сына. «Описывая главного героя Мартина, Есенин уделяет внимание такой детали, как возраст: сложно определить, сколько лет герою, но автор не раз называет его «*сыном*», «*крошкой*» или заявляет: «*вырастешь – поймешь*», ... что позволяет предположить юный возраст главного героя» [10, с. 343].

Событие само, наполненное новым ритмом, врывается в жизнь рабочего и Мартина.

«*Два ветра взмахнули // Крылом*» [4, с. 31]. В этом можно видеть и «апокрифическое» предвестие перемен. Это и олицетворение ударов оконных ставней. Но это же событие можно трактовать и как две руки человека, обобщенного в «*российский народ*», который «*взметнулся*» [Там же] накануне приближающейся весны. Иначе говоря – к преображающей поре обновления России революцией. Указательное местоимение «*то*» определяет такую трактовку как самую достоверную – достоверную, с точки зрения «*революционного апостола*» [3, с. 176].

Ритмически меняющаяся интонация – это и меняющийся голос автора, взволнованно отражающего событие. Сфера его внимания расширяется и углубляется: от валов и гроз до «*синей мглы*» горящих глаз.

Революционное столкновение с физического наполнения («*За взмахом взмах // Над трупом труп*» [4, с. 31]) перерастает, трансформируется в духовно олицетворяемое: «*Ломает страх // Свой крепкий зуб*» [Там же]. И страх выступает здесь, скорее, не столько как явление психологического свойства, сколько мистического, потустороннего.

Попытки прорыва к духовному началу («*Все взлет и взлет*» [Там же]) терпят поражение в силу физической природы человека («*Все крик и крик!*» [Там же]). И восклицание здесь, конечно, носит выверенный интонационно авторский характер. Эти попытки прорыва, однако, устремлены в вечность («*В бездонный рот // Бежит родник...*» [Там же]), поскольку не один человек «*взметается*», а весь «*российский народ*».

Голос «*революционного апостола*» становится выверенным, публичным, слышимым. О погибшем «*ком-то*» говорится: «*Но верьте, он не срёбл // Пред силой вражьих глаз!*» [Там же]. Говорится и о вечности души погибшего, о не зря прожитой жизни. Голос этот близок к авторскому, с его незаурядным самовыражением, близким народной речи. Ему свойственны слова и словосочетания «*не срёбл*», «*незадаром прожил*».

В той же интонационно-ритмизованной поэтической речи автор возвращается к событиям «*повести*» одной семьи, наполняющейся трагизмом. В поединке с «*вражьими глазами*» погибает отец Мартина.

Опять физическое свойство «приземляет» элементы повествования:

*Нечаянно, негаданно
С родимого крыльца
Донесся до Мартина
Последний крик отца. [4, с. 32]*

«Нечаянность», «негаданность» события, гибели рабочего, определяется авторским местом для сына: он на пороге, на месте выбора, и должен решить для себя, с кем он, способен ли на взлет, имеет ли право на поединок с «вражими глазами».

Состояние слабого Мартина – «С потухшими глазами, // С пугливой синью губ» [4, с. 32] – позволяет говорить об авторском замысле, по которому Мартин нуждается в товарище, способном дать ему силы для преображения действительности. А в товарищах у героя, как отмечено в начале «повести», – «Христос да кошка» [4, с. 30].

Кошка выступает символом старого мира. В начале «повести» она предстает глухой, не слышащей живущих в этом мире «ни мышей, ни мух». В конце – будет претендовать на место младенца Иисуса:

*А там, где осталась Мать,
Где Ему не бывать
Боле,
Сидит у окошка
Старая кошка,
Ловит лапой луну... [4, с. 34]*

«Художественная молитва» [10, с. 340], обращенная к младенцу Иисусу, является центральным местом поэмы. Мартин обращается к Христу не только для того, чтобы тот его услышал, но и для того, чтобы увидел не «голубей под крышею», являющихся извечными, но то, что «Отец лежит убитый, // Но он не пал, как трус» [4, с. 33]. Здесь важно также отметить, что Мартин не говорит «мой отец». Значит, для младенца Иисуса это может означать и то, что «пал» Отец небесный, его Отец. Тем более, что Мартин добавляет в своей молитве: «Я слышу, он зовет нас, // О верный мой Иисус» [4, с. 33].

Мартину для придания сил нужен товарищ, который бы вместе с ним присоединился к битве «русского люда» «за волю, // За равенство и труд!..» [4, с. 33].

Важно подчеркнуть, что мольба Мартина прерывается многоточием.

Иисус сходит на землю «с неколебимых рук» [4, с. 33]. Сходит помочь тому, чьи «речи», в силу возраста так же «невинны», как и у Христа. В этом, в первую очередь, проявляется общность, товарищество детей.

Для С.А. Есенина это было не первым шагом в интерпретации Христа как нисходящего с иконы. Именно в это время, когда революция отменяет цензурные рогатки, появляется в печати и стихотворение «Иисус младенец» [5, с. 212–215], написанное еще в 1916 году. В нем младенца Иисуса он изображает так же покинувшим свою мать, но не по своей воле, но по воле Отца, благоволившего спасти сына от голода, на который тот обрек себя по детскому незнанию и в силу своего милосердия.

В поэме «Товарищ» все определяется товариществом. Товарищество проявляется и в общем пути, где «рука с рукою», где для обоих детей, Мартина и Иисуса,

*Мечты цветут надеждой
Про вечный, вольный рок.
Обоим нежит вежды
Февральский ветерок. [4, с. 33]*

Гибель младенца Иисуса не выглядит «нечаянной» и «негаданной». Если отец Мартина пал в борьбе с горящими в «синей мгле» глазами, то Мартин с Иисусом поглощаются ночью, беда предвещается «седой тишиной» [4, с. 33].

Сила товарищества прерывается «залаявшим» «медным грузом» – пулей, сразившей младенца Иисуса.

И снова меняется ритм, а с ним и интонация поэтической речи. Над событием звучит голос того, кто предполагает знание Высшей Правды:

*Слушайте:
Больше нет воскресенья!
Тело его предали погребенью:
Он лежит
На Марсовом
Поле.* [4, с. 34]

Наделенный Высшей Правдой голос отказывает Христу в воскресении. Здесь определяется не столько пафос рождения нового, не способного на воскресение, сколько пафос товарищеского начала. Отец Мартина и Отец Небесный объединились в товарищеском представлении, но в представлении земном, человеческом. Младенец – и один, и другой – не проходят еще предназначенный им путь, точнее проходят его в силу наступившего иного времени, вне библейского контекста летоисчисления.

Логика поэмы не противоречит логике совершающейся на глазах поэта действительности. Если бы было возможно воскресение Христа-младенца, то и около четырехсот павших в борьбе за революцию борцов, похороненных на Марсовом поле, имели бы право на воскресение. К тому же революция «лишает людей, забывших все самое святое в пылу братоубийства, последней надежды на спасение души» [3, с. 176].

Однако есть еще и другое объяснение. Иисус, сошедший с иконы, – младенец. Как Мартин не достиг Истины: «Вырастешь ... – поймешь... Разгадаешь...» [4, с. 30], так и Христос, не прошедший крещения Иоанна Крестителя и не познавший многих духовных испытаний, не достиг Высшей Истины, а значит, не пришел к воскресению. Кроме того, Отец Небесный в товариществе подменяется отцом Мартина. Следовательно, воскресение также ставится под сомнение.

Однако, помимо голоса «революционного апостола», вновь возникает голос продолжающего жить Мартина.

Судя по всему, недоля, болезнь души, овладевает его существом [7, с. 379]. «*Кто-то давит его, кто-то душит, // Палит огнем*» [4, с. 34]. Тем не менее, Мартин не считает павшими, убитыми ни своего отца, ни младенца Иисуса:

*«Соколы вы мои, соколы,
В плену вы,
В плену!»* [4, с. 34]

О каком плене идет речь, сказать однозначно сложно. С одной стороны, это плен «синей мглы», плен бездны. С другой стороны, все затмевается «Железным Словом: «*Пре-эс-пу-у-ублика!*» [4, с. 34] Речь может идти о плене забвения «русским людом», получившим право на «волю, равенство и труд». И то, что Слово это «*спокойно звенит // за окном*» [Там же], говорит о сбывающихся чаяниях «взметнувшегося» народа. «Взметнувшегося», но не «взлетевшего», в силу того, что «Слово», хоть и «Железное», звенит, «*то погаснув, то вспыхнув*» [Там же].

Кошка, ловящая луну, – это определенный намек на один из центральных символов поэтов серебряного века. А если, по ассоциации с недолей, охватившей Мартина, описанной вслед за этим, идти дальше, то луна предстанет, по славянским

поверьям, средоточием душ умерших. Ловля луны кошкой напоминает попытки осмысления, прежде всего, символистами нравственных духовных начал, которые они искали в Третьем Завете, но которые никак, по сути своей, не меняли социальной жизни «русского люда».

Младенец Иисус, навсегда покинувший икону, тем самым навсегда покинул и тварный свой образ, вмещающий Творца. Но, по С.А. Есенину, это не означает отказа от спасения рода человеческого: «мир земной и мир небесный оказываются открыты друг другу и взаимопроницаемы, благодаря *особой функции иконы* в художественном мире поэмы»; «икона служит здесь символом надмирной реальности» [3, с. 174–175].

Следует отметить также, что «революционный апостол» произносит: «*А там, где осталась Мать, // Там ему не бывать // Боле*». В этом видится и определенное предвидение поэта. Достаточно сказать, что попытки с 1917 года создать икону в честь праздника всех святых, которую решил восстановить как забытую со временем никоновских реформ владыка Афанасий Сахаров, смогли реализоваться только через двадцать лет [8].

Мучающийся Мартин, не пошедший после гибели Христа бороться «за волю, // За равенство и труд» «российского народа», обречен, поскольку с потерей отца и товарища, младенца Иисуса, он теряет веру, надежду и любовь, жившие в его душе до февральских событий. Потеря основ духовной жизни ведет душу Мартина туда, где «*Кто-то давит его, кто-то душит, // Палит огнем*». Отступление от основ товарищества приводит его к такому финалу. Но тем более подчеркивается спокойно звенившее за окном в товариществе слово «Республика».

Таким образом, С.А. Есенин не только показал «взметнувшийся» «русский люд». Он показал трагедию братоубийства в революции, приводящую к глобальной трагедии гибели всего духовного. Поэт увидел необратимость новых процессов, насущность преображения страны, но и поставил вопрос о том, вечными ли окажутся основы этой новой, «республиканской» жизни, жизни без Христа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белый Андрей. Христос воскрес / Андрей Белый. – Пбг.: «Алконост», 1918. – 58 с.
2. Блок А.А. Двенадцать / А.А. Блок. – М.: Книга, 1980. – 88 с.
3. Воронова О.Е. Сергей Есенин и русская духовная культура: Научное издание / О.Е. Воронова. – Рязань: Узорочье, 2002. – 520 с.
4. Есенин С.А. Полное собрание сочинений: В 7 т. / Т. 2. Стихотворения (Маленькие поэмы) / С.А. Есенин. – М.: Наука: Голос, 1997. – С. 30–34.
5. Есенин С.А. Собрание сочинений в пяти томах. / Т. 1. Стихотворения и поэмы / С.А. Есенин. – М.: Художественная литература, 1966. – С.212–215.
6. Клюев Н.А. Медный кит / Н.А. Клюев. – Петроград: Издание Петроградского Совета Рабочих и Красных Депутатов, 1919. – 116 с.
7. Потебня А.А. Символ и миф в народной культуре / А.А. Потебня. – М.: Лабиринт, 2000. – 480 с.
8. Степанова Е. Царица неба и земли: почему существует так много икон Богородицы? / Е. Степанова // Нескучный сад. – 15 февраля 2011 года. – Режим доступа: <https://www.pravmir.ru/carica-neba-i-zemli/> (Дата обращения: 25.04.2020 г.)
9. Субботин С.И. Комментарии // Есенин С. А. Полное собрание сочинений: В 7 т. – Т. 2. Стихотворения (Маленькие поэмы). – М.: Наука: Голос, 1997. – С. 299–303.
10. Юдушкина О.В. Евангельская символика в «маленькой поэме» С. А. Есенина «товарищ» (1917) (опыт интерпретации) / О.В. Юдушкина. – Преподаватель ХХI век. – 2011. – № 4. – С. 339–344.
11. Юшин П.Ф. Сергей Есенин. Идейно-творческая эволюция / П.Ф. Юшин. – М.: Изд-во Московского университета, 1969. – 480 с.

Поступила в редакцию 31.05.2020 г.

FEBRUARY REVOLUTION OF 1917 IN THE POEM "COMRADE" BY S. A. YESENIN

A.A. Sorokin

The article deals with the analysis of the poem "Comrade" by S.A. Yesenin, impressed by the February revolution of 1917. The author makes a conclusion that Yesenin creates a unique system of characters of a "short poem" with their semantic dominant resorting to stylistic devices and the elements of the plot.

Key words: Yesenin, comrade, author, "a short poem", February revolution, Christ.

Сорокин Александр Анатольевич.

Кандидат филологических наук, доцент.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

Доцент кафедры истории русской литературы и теории словесности.

E-mail: aa40in@inbox.ru

Sorokin Aleksandr Anatolyevich.

Candidate of Philology, Docent.

Donetsk National University.

Associate Professor of the Department of the History of Russian Literature and Theory of Literature.

E-mail: aa40in@inbox.ru

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ СЛОЖНЫХ НОМИНАЦИЙ ЛИЦА С СОМАТИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ В ДИАЛЕКТАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

© 2020. *Н.А. Ярошенко*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье на материале словаря «Человек в производных именах русской народной речи» определяются и анализируются лексико-семантические группы сложных номинаций лица с соматическим компонентом в диалектах русского языка. Классификация сложных номинаций лица с компонентом-соматизмом на лексико-семантические группы базируется на функциональных признаках слов-соматизмов. Устанавливаются специфические особенности сложных номинаций лица с соматическим компонентом, характерные для диалектной языковой картины мира.

Ключевые слова: номинация лица, сложная номинация лица, композит, соматизм, код культуры, соматический код.

Проблема взаимосвязи языка и культуры исследуется в гуманитарных науках, как известно, ещё со времен В. фон Гумбольта, по мнению которого язык отражает мировидение и мировоззрение человека. Вполне оправданно считается, что благодаря трудам В. фон Гумбольта и его последователей были заложены основы лингвокультурологии. По определению В. В. Красных, «лингвокультурология – дисциплина, изучающая проявление, отражение и фиксацию культуры в языке в дискурсе» [13, с. 12]. При этом одним из базовых понятий лингвокультурологии является понятие культурного кода, т. е. своего рода “сетки”, «которую культура “набрасывает” на окружающий мир, членит, категоризует, структурирует и оценивает его. Коды культуры соотносятся с древнейшими архетипическими представлениями человека. Собственно говоря, коды культуры эти представления и “кодируют”» [14, с. 297–298]. Культурные коды – это вторичные знаковые системы, которые используют «разные формальные и материальные средства для кодирования одного и того же содержания» [21, с. 7].

Исследователи приводят разные перечни культурных кодов. Так, В. В. Красных к числу базовых культурных кодов русской культуры относит следующие: соматический (телесный), пространственный, временной, предметный, биоморфный и духовный [12, с. 6]. При этом подчёркивается, что *соматический код* «является, пожалуй, наиболее древним из существующих» [12, с. 6], поскольку «человек начал постигать окружающий мир с познанием самого себя. С этого же началась и оккультурация человеком окружающего мира. <...> Иначе говоря, через осознание себя человек пришёл к описанию мира, экстраполируя свои знания о себе самом на окружающую действительность (что и оказалось зафиксированным в соматическом коде культуры)» [12, с. 6].

Коды культуры, с одной стороны, универсальны по своей природе, а с другой стороны, являются национально специфическими в первую очередь относительно характера своего воплощения в той или иной культуре и в определённом языке. Так, Р. С. Кимов, опираясь на результаты сопоставительных исследований соматической лексики кабардинского, русского и английского языков, утверждает, что «части нашего тела обладают одними и теми же денотативными или референциальными характеристиками, которые “закладывают” основу концептуального ядра, “кластера”, понятийного сгустка и т. д., обеспечивая тем самым взаимопонимание людей, пользующихся разными языками» [9, с. 11]. Вместе с тем в конкретном естественном

языке эти сущности «могут обрастать значительным количеством концептуальных признаков, предопределяемых географическими, климатическими, культурно-историческими и т. д. условиями бытования языка, но ни в коем случае не “навязываемых” или диктуемых языком» [9, с. 12]. Как понятно, набор языковых единиц, объективирующих телесный культурный код, в разных языках будет отличаться в количественном и качественном отношении.

Таким образом, соматический (телесный) код культуры прежде всего объективируется с помощью *соматической лексики* (< греч. *soma* ‘тело’), которая представляет собой древнейший пласт словарного фонда и является одной из универсальных лексических групп в любом языке (см. [8, с. 70; 19, с. 80; 7, с. 37–38] и др.). По словам А. А. Уфимцевой, лексико-семантические группы слов исследуют тогда, «когда ставится задача выявить внутренние связи слов в пределах семантической системы языка, определить структуру и специфические смысловые связи последней» [23, с. 137]. Соматическая лексика представляет собой один из инструментов категоризации окружающей действительности, «один из наиболее важных и когнитивно значимых участков языка, при опоре на который можно проследить усложнение и развитие когнитивного опыта человека» [9, с. 7].

Следует отметить, что в биологии и медицине термин *соматический* (< греч. *soma* (*somatos*) ‘тело’) используется в значении ‘связанный с телом человека, телесный’ [<http://gramota.ru/slovare/dic/?word=соматический&all=x>] и противопоставляется термину *психический*. Как известно, термин *соматический* в лингвистический обиход был введён в финно-угроведении Ф. Вакком в исследовании, посвящённом соматической фразеологии эстонского литературного языка: «Соматические фразеологизмы – это фразеологические единицы, имеющие в своём составе наименования частей тела человека или животного» [4, с. 6]. Как справедливо указывает О. В. Старых, «со второй половины XX в. термин *соматический* начинает активно применяться в исследованиях слов, отражающих в своей семантике всё то, что относится к сфере телесности» [19, с. 80–81].

В настоящее время в лингвистике сложилась отдельная отрасль – теория соматизмов, которую В. К. Харченко и Д. М. Плужникова обозначают термином **лингвосоматика** (см. [16, с. 15]).

Однако в лингвистической литературе нет единого подхода как к definicции самого термина *соматизм*, так и к определению границ соматической лексики.

По мнению Н. В. Синицыной, множество трактовок термина *соматизм* можно свести к двум основным подходам:

1. Лингвистический подход предполагает, что «в лексико-семантическую группу соматизмов входят только существительные, включающие *part of the body*, т. е. наименования только наружных частей и органов тела (*голова, рука, нога, туловище, глаза* и т.д.), причем выделяются наиболее функционально-значимые» [18, с. 234].

2. Анатомический подход, которого придерживаются многие лингвисты и который, как подчёркивает Н. В. Синицына, является более объективным, сводится к тому, что «в состав лексико-семантической группы с соматическим компонентом входят наименования частей тела и органов не только человека, но и животного» [18, с. 234].

Р. М. Вайнтрауб подразделяет соматизмы на две группы с учётом характера их появления в языке: 1) **натуральные соматизмы** (голова, нога, рука) представляют собой результат законов человеческого мышления и в связи с этим являются общими для всех языков; 2) **конвенциональные соматизмы** (например, душа в русском языке) связаны с осмысливанием в специфических условиях развития материальной и духовной культуры каждого народа в отдельности [3].

Классификация соматизмов, изложенная Ю. Д. Апресяном в работе «Образ человека по данным языка: попытка системного описания», базируется на функциональном подходе и называет «основные системы, из которых складывается человек, органы, в которых они локализуются, в которых разыгрываются определённые состояния и которые выполняют определённые действия» [2, с. 356].

В работах, посвящённых лингвогеографическому анализу соматической лексики в диалектах эрзянского языка, А. М. Кочеваткин детализирует состав соматической лексики в зависимости от характера объекта номинации и учитывает формальные (структурные) признаки соматизмов при их классификации:

1. **Сомонимическая лексика** (< греч. *soma* ‘тело’ + *onoma* ‘имя, название’), служащая для обозначения частей и областей человеческого тела. Включает названия, являющиеся общесистемными обозначениями; названия головы и её частей; названия шеи и туловища человека; названия верхних конечностей; названия нижних конечностей.

2. **Остеонимическая лексика** (< греч. *osteon* ‘кость’), служащая для обозначения костей человеческого тела и их соединений.

3. **Сплахонимическая лексика** (< греч. *splanchna* ‘внутренности’), служащая для номинации внутренних органов человеческого тела. Включает названия внутренних органов в целом; названия пищеварительных органов; названия дыхательных органов; названия мочеполовых органов.

4. **Ангионимическая лексика** (< греч. *angeion* ‘сосуд’), служащая для номинации кровеносной системы человеческого организма.

5. **Сенсонимическая лексика** (< лат. *sensus* ‘чувство’), служащая для обозначения органов чувств человеческого организма. Включает названия органов слуха, зрения, обоняния, вкуса, осязания.

6. Лексика, обозначающая болезни, недуги и проявления человеческого организма [10; 11].

А. А. Занковец в особую группу также выделяет номинации волос, ногтей и других роговых образований на теле человек и для их обозначения предлагает термин **корнонимическая лексика** [8, с. 71].

В рамках подраздела «Тело и организм человека (органы человека и их функции)» раздела «Человек» в составе «Тематического словаря русского языка» под редакцией В. В. Морковкина предлагается следующая тематическая классификация соматизмов: 1) тело, части тела (например, *туловище, мозг, голова, спина, нос, зуб, родимое пятно, борода*); 2) скелет; двигательная система (*кости, мышцы, ткань, череп, скулы, икры, позвонки, лопатки*); 3) внутренние органы и их функции (*сосуд, вена, кровь, бронхи, горло, почки, пот*); 4) нервная система (*нервы, головной мозг, спинной мозг*); 5) железы внутренней секреции (*железа, гормон*); 6) органы ощущения и восприятия (*глаз, зрачки, хрусталик, веки, ушная раковина, мочка, кожа, вестибулярный аппарат*). В состав подраздела «Внешний вид, наружность человека» в словаре включена лексика, обозначающая внешность, телосложение, осанку, причёску, походку, движения, а в структуру подраздела «Физическое состояние, самочувствие» – лексика болезней [20].

Г. Е. Крейдлин к соматической лексике с учётом множества признаков, характеризующих соматические объекты, относит следующие типы телесных объектов: 1. Собственно части тела (*голова, глаз, ухо, рука, нога* и др.). 2. Части частей тела (*пальцы, ноздри*). 3. Внутренние органы (*сердце, желудок, лёгкое, печень, половые органы* и др.). 4. Телесные жидкости (*кровь, слёзы, пот, моча* и др.). 5. Телесные покровы (*кожа, волосы, ногти*). 6. Инеродные образования (*горб, мозоль, прыщ*,

бородавка и др.). 7. Кости, объединения и сочленения костей (*кость, сустав, колено, зуб и др.*). 8. Особые места на человеческом теле или внутри него (*пупок, пах, подмышки и др.*). 9. Вещества (*мозг, жир и др.*). 10. Нити (*жилы, нервы и др.*). 11. Наивные органы (*ум, душа, дух и др.*) [15]. Группа учёных под руководством Г. Е. Крейдлина активно разрабатывает признаковый подход к анализу соматической лексики, выделяя у соматических объектов большое число признаков (форма, размер, функция, ориентация, движение, каритивность, текстура, цвет, температура и др.) и основных значений, которые эти признаки развивают в вербальном языке и в невербальных семиотических кодах.

Следует отметить, что Е. В. Урысон в работе «Фундаментальные способности человека и наивная “анатомия”», противопоставляя обыденную (научную) и наивную картины мира, говорит о реализуемых в рамках наивной анатомии так называемых представляемых органах, т. е. о нематериальных сущностях, которые находятся внутри человеческого тела и подобны органам, но эти сущности нельзя увидеть ни при каких обстоятельствах (это, например, *душа*). Также наивная анатомия имеет дело с материальными органами, которым приписываются особые функции, имеющие отношение к психике человека (это, например, *сердце*). В рамках наивной анатомии Е. В. Урысон анализирует парадигматику и синтагматику таких лексем, как *душа, сердце, ум, разум, рассудок, память, совесть, воображение, фантазия, слух, зрение, воля, способности, чувства, обоняние, осознание и вкус* [22].

Таким образом, при узком понимании термина *соматизм* к соматической лексике относятся названия частей тела человека и животного, при широком понимании – все слова, которые эксплицитно или имплицитно обозначают те важные материальные и идеальные субстанции, без которых человек не может существовать не только как живой организм, биологическое существо, но и как существо духовное и в какой-то мере социальное (см. рассуждения Е. В. Урысон о наивной анатомии).

Активизация исследований соматизмов на разном языковом материале обусловлена в первую очередь возрастающим интересом лингвистов ко всему, что связано с развитием так называемого антропоцентрического направления (см. [17, с. 181; 7, с. 37] и др.). Однако, как справедливо отмечают Е. А. Пономарёва и И. В. Евсеева, «соматическая производная лексика русского языка до сих пор недостаточно изучена, всесторонне не описана с одних теоретических позиций» [17, с. 70; 7, с. 38]. Анализ семантических особенностей языковых единиц с соматическими компонентами, в том числе и в лингвокультурологическом аспекте, осуществляется главным образом на материале фразеологизмов как одного, так и нескольких языков. Участие соматизмов в словообразовательной категоризации действительности рассматривается в работах Л. С. Абросимовой, И. В. Евсеевой, Е. А. Пономарёвой [1; 5; 6; 7; 17 и др.]. Вместе с тем определённый интерес представляет изучение композитных номинаций человека, в составе которых один из корней структурно и семантически представляет собой соматизм.

Предлагаемая статья продолжает цикл публикаций автора, посвящённых комплексному анализу сложных номинаций лица, в частности представленных в диалектах русского языка (см. [24; 25; 26 и др.]).

Цель статьи заключается в том, чтобы установить и описать лексико-семантические подгруппы сложных номинаций лица с соматическим компонентом, функционирующих в диалектах русского языка.

Материал исследования извлекался путём сплошной выборки из словаря «Человек в производных именах русской народной речи» [28]. **Картотека фактического материала** включает 838 сложных номинаций лица, извлечённых из

указанного лексикографического источника. Выборка, результаты анализа которой представлены в настоящей статье, охватывает 174 сложные номинации лица, в структуре которых реализован соматический компонент. Также при анализе учитывался материал, извлечённый из «Словаря русских народных говоров».

Следует отметить, что в одной из наших предыдущих работ, осуществляя анализ композитных номинаций лица с колоративным компонентом, представленных в диалектах русского языка, в числе прочих мы выделили следующие лексико-семантические группы: 1. Номинации лица, в которых колоратив даёт характеристику какого-то аспекта внешности (в целом можно обозначить их как номинации-соматизмы): *белоголовик* ‘белокурый человек’, *белокоска* ‘русоволосая девочка или девушка’, *краснощёк* ‘обладатель красных щёк’ и др. Также в эту группу можно отнести номинации типа *красноноска* ‘пьяница’. 2. Номинации лица, в которых колоратив реализует сему ‘ленивый’ (семантически соотносятся с номинациями-соматизмами): *белоличка* ‘молодой человек или девушка, занятые только собой, не приобщённые ни к какой работе’, *белоножка* ‘ленивая женщина’, *белохвостка* ‘белоручка, бездельница’ и др. [25, с. 103]. Как видно из примеров, в рамках перечисленных сложных номинаций лица происходит взаимодействие телесного и цветового культурных кодов.

Сложные номинации лица с соматическим компонентом, извлечённые из названного лексикографического источника, реализуют в своей структуре такие лексемы-соматизмы: *голова* (4)¹, *лицо* (6), *рыло* (3), *морда* (4), *лоб* (7), *уши* (1), *глаз* (34), *кон* ‘глаз’ (1), *шары* ‘глаз’ (1), *рот* (8), *дырка* ‘рот’ (1), *щёки* (2), *брюлы* (2), *язык* (1), *нос* (10), *фей* ‘нос’ (4), *пятка* ‘нос’ (1), *горло* (6), *зоб* (2), *дырка* ‘половой орган/ягодицы’ (1), *рука* (9), *лата* ‘рука’ (2), *нога* (3), *лата* ‘нога’ (2), *кулак* (1), *шея* (1), *спина* (3), *бока* (5), *пузо* (2), *брюхо* (4), *пятка* (1), *пуп* (4), *кожа* (4), *волосы* (7), *коса* ‘волосы’ (1), *брови* ‘волосы’ (1), *кости* (3), *зубы* (7), *кровь* (4), *руда* ‘кровь’ (2), *мозг* (1), *нервы* (1), *душа* (6).

На основании анализа семантических структур и внутренних форм рассматриваемых дериватов, а также учитывая классификации соматизмов, предложенные в работах Г. Е. Крейдлина [15], А. А. Занковец [8], распределим сложные номинации лица с соматическим компонентом по лексико-семантическим группам и подгруппам. Отметим, что разные значения многозначных композитов могут относиться к разным лексико-семантическим подгруппам.

Систематизация и анализ фактического материала позволяют классифицировать рассматриваемые сложные номинации лица по следующим группам и подгруппам на основе общности лексических значений композитов в целом и их компонентов в частности:

I. Номинации лица с соматизмом *голова*:

1.1. Номинация лица с соматизмом *голова*, характеризующая внешность человека: колороснова в составе композита в сочетании с соматизмом *голова* указывает на цвет волос человека: *белоголовик* ‘белокурый человек’ [28, с. 37], т. е. буквально ‘человек с белой головой’. Общая семантика композита образуется за счёт сочетания значений компонентов в рамках модели «цвет + соматизм».

1.2. Номинация лица с соматизмом *голова*, дающая характеристику способа жизни человека: *горькоголовка* ‘пьяница’ [28, с. 112]. Внутренняя форма композита *горькоголовка* ‘пьяница’ позволяет утверждать, что и структурно, и семантически он связан со словосочетанием *горький пьяница*. Как видим, при формировании семантики композита реализуется метафорическая модель «признак + соматизм».

¹Здесь и далее в круглых скобках возле соматизма указывается число представленных в нашем материале сложных номинаций лица, в структуру которых входит тот или иной соматизм.

1.3. Номинации лица с соматизмом *голова*, дающие характеристику характера человека, манеры поведения: *вертиголова* ‘легкомысленный, ветреный человек; вертун, вертушка’ [28, с. 74], *загниголова* ‘бойкий, дерзкий человек; забияка’ [28, с. 170]. *Вертиголова* < *вертеть головой*, *загниголова* < *загинать* (задирать) голову – метафорическая модель «**действие + соматизм**». Ср. фразеологизм литературного языка *вертеть хвостом*, т. е. вести себя легкомысленно, хитрить, лукавить.

II. Номинации лица с соматизмами *лицо, рыло, морда*:

2.1. Номинация с соматизмом *лицо*, дающая характеристику манеры поведения, образа жизни человека: *белоличка* ‘молодой человек или девушка, занятые только собой, не приобщённые ни к какой работе’ [28, с. 37]. Как мы уже отмечали, в таких номинациях, которые семантически соотносятся с номинациями-соматизмами, колоратив реализует сему ‘ленивый’ [25, с. 103]. По своей внутренней форме и по семантике дериват *белоличка* в указанном значении соотносится с лексемой литературного языка *белоручка* *неодобр.* ‘тот (та), кто избегает физического труда, трудной или грязной работы’ [<http://gramota.ru/slovari/dic/?word=%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%BE%D1%80%D1%80%D1%83%D1%87%D0%BA%D0%BE%D0%BA&all=x>]. Ср. также диалектное *белоножка* ‘ленивая женщина’ [28, с. 38]. Общая семантика композитов этого типа образуется за счёт сочетания метафорических значений компонентов в рамках модели «**цвет + соматизм**».

2.2. Номинации с соматизмом *лицо*, реализующие значение ‘лицемерный человек’ и соответственно дающие пейоративную характеристику манеры поведения, нравственных качеств человека: *лицемерник* ‘лицемер’ [28, с. 269], *лицемерница* ‘лицемерка’ [28, с. 269], *лицемерщик* ‘лицемер’ [28, с. 269], *лицемерщица* ‘лицемерка’ [28, с. 269]. Номинации *лицемерник* ‘лицемер’ и *лицемерщик* ‘лицемер’ можно квалифицировать как словообразовательные варианты. В целом же все композиты этой лексико-семантической подгруппы реализуют метафорическую модель «**действие + соматизм**», поскольку *лицемерный* буквально ‘меняющий лица, двуличный’, а *лицемерить* соответственно это буквально ‘менять лица, т. е. примерять разные лица, личины’.

2.3. Номинация с соматизмом *лицо*, дающая характеристику манеры поведения человека по характерному для него действию в рамках социального взаимодействия: *лицедейка* ‘насмешница’ [28, с. 269]. Ср. значения слова *лицедей*, реализуемые им в литературном языке: 1) *устар.* ‘актёр’ и 2) *книжн.* ‘притворщик’ [<http://gramota.ru/slovari/dic/?word=%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%BE%D1%80%D1%80%D1%83%D1%87%D0%BA%D0%BE%D0%BA&all=x>]. И для диалектного, и для литературного языка, несмотря на разницу лексических значений, их глубинная общность заключается в реализации метафорической модели «**действие + соматизм**» и в идеи ‘смены лиц’.

2.4. Номинации лица с соматизмом *рыло*, дающие характеристику характера человека, манеры поведения и имеющие значение ‘гордец, зазнайка’: *вздыморылка* ‘тот, кто долго сердится, дуется и делает всё назло окружающим; зазнайка’ [28, с. 76], *здыморыл* ‘человек с большим самомнением; гордец, зазнайка’ [28, с. 193], *здыморылка* ‘женск. к здыморыл’ [28, с. 193]. Номинации *вздыморылка* ‘зазнайка’ и *здыморыл* ‘зазнайка’ представляют собой словообразовательные варианты. Перечисленные номинации лица с компонентом-соматизмом *рыло*, как видно из их внутренних форм, реализуют метафорическую модель «**действие + соматизм**». При этом и структурно, и семантически эти сложные номинации лица соотносятся с устойчивыми словосочетаниями *задирать* (задрать) голову, *задирать* (задрать) нос в значении ‘чваниться, важничать, зазнаваться, держаться надменно’.

2.5. Номинации лица с соматизмом *морда*, как свидетельствуют их лексические значения, дают характеристику внешности человека и реализуют метафорическую модель

«**форма + соматизм**»: *мордотрёт* прен. ‘человек с полным лицом’ [28, с. 307], *мордофейка* ‘человек с отдуловатым, немного выдающимся вперёд лицом’ [28, с. 307], *мордофиля* ‘человек с некрасивым лицом’; ‘человек с суровым, сердитым лицом’ [28, с. 307], *мордофоня* ‘человек с отдуловатым, немного выдающимся вперёд лицом’ [28, с. 307].

2.6. Многозначная номинации лица с соматизмом *морда* в одном из своих переносных значений даёт характеристику характера человека, манеры поведения: *мордофоня* ‘зазнайка, гордец’ [28, с. 307]. Очевидно, в этом случае появление переносного значения ‘зазнайка, гордец’ возникает на базе прямого значения этого слова: *мордофоня* ‘человек с отдуловатым, немного выдающимся вперёд лицом’ [28, с. 307], в структуре которого в семах ‘выдающееся вперёд лицо’ имплицитно содержится смысл ‘отличаться на фоне других’, за счёт чего и реализуется метафорическая модель «**соматизм + признак**».

III. Номинации лица с соматизмом *лоб*:

3.1. Номинация лица с соматизмом *лоб*, дающая характеристику внешности человека: колороснова в составе композита в сочетании с соматизмом *лоб* указывает на цвет лица человека: *светлолобица* ‘женщина с белым, гладким лбом’ [28, с. 479]. При этом при формировании семантики композита реализуется метафорическая модель «**цвет + соматизм**».

3.2. Номинации лица с соматизмом *лоб*, которые в своих прямых значениях характеризуют внешность человека: *лоботёс бран*. ‘круглолобый или высоколобый человек’ [28, с. 270], *лоботряс* ‘большой, здоровый человек’ [28, с. 270], *лобочёс ирон*. ‘большой, здоровый парень’ [28, с. 270] – модель «**действие + соматизм**». Ср. значение лексемы *лбы* (в форме множественного числа) в литературном языке: ‘о здоровых, сильных, высоких молодых людях, подростках. *Вон какие лбы выросли!*’ [<http://gramota.ru/slovari/dic/?word=лоб&all=x>].

3.3. Номинации лица с соматизмом *лоб*, которые в своих переносных значениях характеризуют характер человека, его манеру поведения и имеют значения ‘бездельник, лентяй’ и ‘дурак, простофиля’: *лоботёс бран*. ‘лентяй, бездельник, любящий смеяться, насмехаться’ [28, с. 270], *лоботрёс бран*. ‘бездельник, лентяй, лоботряс’; ‘лентяй, бездельник, любящий смеяться, насмехаться’ [28, с. 270], *лоботрух* ‘дурак, простофиля’ [28, с. 270], *лоботряс бран*. ‘здоровый, взрослый парень, любящий пошалить, побаловать’; ‘пустой, неумный, несерёзный человек’; ‘простофиля, дурак’ [28, с. 270] – метафорическая модель «**действие + соматизм**».

3.4. Номинация лица с соматизмом *лоб*, указывающая на способ жизни человека, его отношение к работе: *лобовоз* ‘много работающий, старательный в работе человек’ [28, с. 270].

IV. Номинация лица с соматизмом *уши*, которая реализует модель «**признак (форма, расположение) + соматизм**» и даёт характеристику внешности человека: *косоух* ‘человек с несимметрично расположенными ушами’ [28, с. 235].

V. Номинации лица с соматизмами *глаз*, *кон* ‘глаз’, *шары* ‘глаз’:

5.1. Номинации лица с соматизмом *глаз*, которые в своих прямых значениях характеризуют внешность человека и имеют значение ‘человек с большими глазами, пучеглазый’: *большеглаз* ‘человек с большими глазами’ [28, с. 52], *булыглаз* ‘тот, кто булыглазит’ [28, с. 63], *волыглаз бран*. ‘человек с большими глазами, пучеглазый’ [28, с. 87], *волыглаз бран*. ‘человек с большими глазами, пучеглазый’ [28, с. 87], *волыглазка бран*. ‘женск. к волыглаз’ [28, с. 87], *глазолуп* ‘человек с большими навыкате глазами’ [28, с. 99], *глазолупка* ‘женск. к глазолуп’ [28, с. 99], *лупоглаз* ‘человек с глазами навыкате’ [28, с. 275], *пучеглаз* ‘человек с большими навыкате глазами’ [28, с. 456].

Номинации этого типа реализуют метафорические модели «**признак (размер, форма) + соматизм**» или «**действие + соматизм**».

Как отмечает М. В. Ясинская, «в русских и других славянских диалектах довольно широко распространены экспрессивные (и пейоративные) наименования глаза: это рус.: смол., костр., тамбов. зéнки, яросл. зéкалки, арханг., вологлúши, моргáлы, смол. бéльмаки, новгор. булыши, выпуки, смол. буркалки, бéльмушки, бéльма, бельмаки, бíзíкі, балы, арханг. балаики, вандыши, дон. бельтошки, беньки, самар. буздылы, владимир. буравы, псков. андрóны, волог. бурлаки, перм., новгор. буркулы, курган. буренышки, вят. быркалы, булычи, олон. булындыши, перм. бырлы, самар. буздылы, владимир. буравы, орл. лупы, калуж. пычки» [27, с. 33–34]. При этом диалектные номинации глаза типа *балы*, *булыши*, *лупы*, *выпуки* и др. характеризуют глаз с точки зрения его формы (выпуклый, напоминающий круглый шар, булыжник) [27, с. 34]. Как видно из их внутренней формы, в вариативных номинациях *воловглаз* / *волыглаз бран* ‘человек с большими глазами, пучеглазый’ [28, с. 87] также отражена характеристика глаза с точки зрения его формы: свёрнутое сравнение *глаза, как у вола*, т. е. *человек с воловыми глазами (с глазами, как у вола)*. Ср. словосочетание *воловьи глаза* ‘выпуклые, большие, маловыразительные и обычно тёмные’ [<http://gramota.ru/slovari/dic/?word=воловий&all=x>].

5.2. Номинации лица с соматизмом *глаз* или *кон* ‘глаз’, которые характеризуют внешность человека: колоноснова в составе композита в сочетании с соматизмом *глаз* или *кон* ‘глаз’ указывает на цвет глаз человека: *карглазочка фольк*. ‘карглазая девушка, женщина’ [28, с. 216], *белокон* ‘белоглазый человек, с очень светлыми, почти белыми глазами’ [28, с. 37] – модель «**цвет + соматизм**».

5.3. Номинации лица с соматизмом *глаз* или *шары* ‘глаз’, которые реализует модель «**признак + соматизм**» и даёт характеристику внешности человека: *косоглазка* ‘женщина, страдающая косоглазием’ [28, с. 234], *кривошарка* ‘косоглазая женщина’ [28, с. 242].

5.4. Номинация лица с соматизмом *глаз*, которая реализует модель «**количество + соматизм**» и характеризует внешность человека: *двоеглазкафольклор*. ‘женщина с двумя глазами, в отличие от одноглазки, трёхглазки и т. п.’ [28, с. 121]. Ср. *одноручка* ‘человек с одной рукой’ [28, с. 390].

5.5. Номинации лица с соматизмом *глаз*, которые в своих прямых или переносных значениях характеризуют характер человека, его манеру поведения и имеют прежде всего значения ‘зевка, ротозей’: *глазолуп* ‘ тот, кто из праздного любопытства засматривается на что-л., праздно шатается где-л.’ [28, с. 99], *лупоглаз* ‘ротозей, простофия, дурак’; ‘бесстыдник, наглец’ [28, с. 275], *лопоглаз* ‘наглец, бездельник’ [28, с. 272], *пучеглаз* ‘зевка, ротозей’; ‘ тот, кто засматривается на женщин’ [28, с. 456], *пучеглазик* ‘зевка, ротозей; тот, кто засматривается на женщин’ [28, с. 456], *пучеглазка* ‘зевка, ротозей’; ‘женщина, засматривающаяся на мужчин’ [28, с. 457], *глазевон* ‘ тот, кто из праздного любопытства засматривается на что-л., праздно шатается где-л.’ [28, с. 99], *глазевонь* ‘ тот, кто из праздного любопытства засматривается на что-л., праздно шатается где-л.’ [28, с. 99], *глазопучка* ‘ тот, кто из праздного любопытства засматривается на что-л., праздно шатается где-л.’ [28, с. 100], *глазопучник* ‘любопытный человек’ [28, с. 100], *глазопеля* ‘ тот, кто из праздного любопытства засматривается на что-л., праздно шатается где-л.’ [28, с. 100], *глазопял* ‘ тот, кто из праздного любопытства засматривается на что-л., праздно шатается где-л.’ [28, с. 100], *глазопялка* ‘женск. к глазопял’ [28, с. 100].

Глазолуп (метатеза) < лупать глазами, лупоглаз, лопоглаз < лупать глазами, пучеглаз, пучеглазик, пучеглазка < пучить глаза, глазопучка, глазопучник (метатеза) <

учить глаза, глазопеля, глазопял (метатеза) < пялить глаза, глазевон, глазевонь <глазевонить ‘смотреть с праздным любопытством по сторонам; глазеть на что-либо’ – метафорическая модель «действие + соматизм».

5.6. Номинации лица с соматизмом *глаз* или *шары* ‘глаз’, которые семантически примыкают к дериватом предыдущей лексико-семантической подгруппы, хотя, если исходить из тех значений, с которыми они зафиксированы в словаре, представляют собой нейтральные номинации человека по связи с определённой ситуацией: *пучеглазник* ‘человек, пришедший смотреть свадьбу’ [28, с. 457], *шароглазник* ‘человек, пришедший смотреть свадьбу’ [28, с. 510]. Вместе с тем внутренняя форма номинаций лица *пучеглазник* и *шароглазник* позволяет утверждать, что это отрицательные характеристики манеры поведения человека, семантика которых имплицитно содержит семы ‘зевка, ротозей’ и указывает на праздное времяпровождение.

5.7. Номинации лица с соматизмом *глаз*, реализующие модель «действие + соматизм» и дающие метафорическую характеристику человека по этому характерному для него действию: *вертоглазик* ‘быстроглазый человек’ [28, с. 74], *воротоглаз* ‘человек, часто оглядывающийся по сторонам’ [28, с. 89]. Другими словами, буквально *вертоглазик* и *воротоглаз* – это тот, кто быстро и часто стреляет глазами по сторонам.

5.8. Номинации лица с соматизмом *глаз*, которые реализуют модель «признак + соматизм» и характеризуют характер человека, его манеру поведения: *живоглаз* ‘расторопный человек’ [28, с. 159], *живоглазка* ‘женск. к живоглаз’ [28, с. 159]. Если исходить из внутренней формы номинации лица *живоглаз*, то буквально это человек с живыми глазами.

5.9. Номинации лица с соматизмом *глаз*, дающие характеристику характера человека, манеры поведения и имеющие значение ‘гордец’: *верхоглаз* ‘гордец’ [28, с. 76], *верхоглазка* ‘женск. к верхоглаз’ [28, с. 76]. Анализ внутренней формы номинации *верхоглаз* позволяет сделать вывод, что буквально *верхоглаз* – это тот, кто глязает (смотрит) на всех свысока. Ср. номинации *вздыморылка*, *здыморыл* ‘гордец, зазнайка’. Названные номинации лица, как видно из их внутренних форм, реализуют метафорическую модель «действие + соматизм».

5.10. Номинации лица с соматизмом *глаз*, дающие характеристику характера человека, манеры поведения и имеющие значение ‘наглец’: *выдрыглаз* ‘человек, ведущий себя свободно, развязно’ [28, с. 93], *выдрыглазка* ‘женск. к выдрыглаз’ [28, с. 93]. *Выдрыглаз* < *выдрать глаз* – метафорическая модель «действие + соматизм».

5.11. Номинации лица с соматизмом *глаз*, дающие характеристику характера человека, манеры поведения и имеющие значения ‘драчун, нахал’: *глазобивец* ‘драчун; буйный человек’; ‘бесстыдный человек, нахал’ [28, с. 99], *глазоубивец* ‘драчун; буйный человек’; ‘бесстыдный человек, нахал’ [28, с. 100]. Как видно, дериваты реализуют метафорическую модель «действие + соматизм», поскольку буквально *глазобивец* / *глазоубивец* – это тот, кто бьёт в глаз.

VI. Номинации лица с соматизмами *рот* и *дырка* ‘рот’:

6.1. Номинации лица с соматизмом *рот*, которые характеризуют внешность человека, реализуя модель «форма + соматизм», и имеют значение ‘криворотый человек’: *криворотка* ‘человек с кривым ртом’ [28, с. 242], *косоротец* ‘криворотый человек’ [28, с. 235], *косоротик* ‘криворотый человек’ [28, с. 235], *косоротка* ‘человек с перекошенным лицом’ [28, с. 235].

6.2. Номинация лица с соматизмом *рот*, которая, если исходить из внутренней формы деривата, реализует модель «размер + соматизм», на базе которой формируется метафорическое значение: *большерот* ‘крикун’ [28, с. 52].

6.3. Номинации лица с соматизмом *рот*, которые характеризуют характер человека, манеру поведения и имеют значение ‘зевака, разиня, ротозей’: зевограй ‘зевака, разиня, ротозей’ [28, с. 194], зеворот ‘зевака, разиня, ротозей’ [28, с. 194], зеворотка ‘женск. к зеворот’; ‘глупая, бесхитростная, несмышлённая женщина’ [28, с. 194]. Номинация *зеворот* и структурно, и семантически соотносится с лексемой литературного языка *ротозей* по принципу метатезы.

6.4. Номинация лица *свистодырка* ‘сплетница’ [28, с. 480] содержит соматизм-метафору *дырка*₁ ‘рот’. Как понятно, названная экспрессивная (пейоративная) номинация лица реализует метафорическую модель «**действие + соматизм**», поскольку *свистодырка* ‘сплетница’ буквально – это та, кто свистит в дырку, где *дырка* – это метафорическое обозначение такой части тела, как рот.

Итак, среди сложных номинаций лица с соматизмом *брюлы*, представленных в нашем материале, можно выделить такие лексико-семантические подгруппы:

7.1. Номинация лица с соматизмом *брылы*, которая характеризуют внешность человека, реализуя модель «**форма + соматизм**»: *кособрылка* ‘человек с перекошенным ртом’ [28, с. 234]. Ср. *криворотка* ‘человек с кривым ртом’ [28, с. 242], *косоротец* ‘криворотый человек’ [28, с. 235], *косоротик* ‘криворотый человек’ [28, с. 235], *косоротка* ‘человек с перекошенным лицом’ [28, с. 235].

7.2. Номинация лица с соматизмом *брылы*, которая метафорически характеризует характер человека, его манеру поведения: *брылотряс* ‘шутник, весельчак’ [28, с. 62]. *Брылотряс* < *трясти брылами* – метафорическая модель «действие + соматизм», т. е. буквально *брылотряс* – это тот, кто при смехе трясёт брылами (губами, щеками, подбородком).

VIII. Номинации лица с соматизмом *щёки*, которые характеризуют внешность человека: колорооснова в составе композитов в сочетании с соматизмом *щёки* указывает на цвет щёк человека: *краснощёк* ‘обладатель красных щёк’ [28, с. 240], *краснощёчка* ‘женщина с красными щеками’ [28, с. 240]. Как понятно, буквально *краснощёк* и *краснощёчка* – это человек с красными щеками, т. е. тот или та, у кого красные щёки. Семантика композитных номинаций лица этого типа образуется за счёт сочетания значений компонентов в рамках модели «цвет + соматизм».

IX. Номинации лица с соматизмом *губы*:

9.1. Номинация лица с соматизмом *губы*, которая в прямом своём значении характеризуют внешность человека: *губоцап* ‘человек с небольшими, резко очерченными, сжатыми губами’ [28, с. 118].

9.2. Номинации лица с соматизмом *губы*, который метафорически характеризует характер человека, его манеру поведения: *губоцап* ‘скрытый, хитрый человек’ [28, с. 118], *губотрёп* ‘ротозей, разгильдяй, болтун’ [28, с. 117].

X. Номинация лица с соматизмом *язык*, которая реализует модель «**признак + соматизм**» и метафорически характеризуют манеру поведения, нравственные качества человека: *кривоязычник* ‘лжец, клеветник’ [28, с. 242]. Ср. *криводушина* ‘двуличный, беспринципный человек’ [28, с. 242].

XI. Номинации лица с соматизмами *нос*, *фей* ‘нос’, *пятачка* ‘нос’:

11.1. Номинации лица с соматизмами *нос*, *фей* ‘нос’, *пятачка* ‘нос’, которые реализуют модель «**признак (размер, форма) + соматизм**» и характеризуют внешность человека, прямо или метафорически указывая на особенности размера, формы его носа: *дубонос* ‘человек с большим носом’ [28, с. 142], *дубоноска* ‘женск. к дубонос’ [28, с. 142], *кривоносик* ‘человек с кривым носом’ [28, с. 242], *кривоноска* ‘человек с кривым носом’ [28, с. 242]. Сюда же относятся номинации курносых людей, т. е. обладателей коротких и вздёрнутых носов: *курносик* ‘курносый человек’ [28, с. 251], *курноска* ‘курносая женщина’ [28, с. 252], *курносочка ласкат.* ‘ребёнок с курносым носом’ [28, с. 252], *курнопятачка* ‘курносая женщина’ [28, с. 251], *курнофей* ‘курносый человек’ [28, с. 252], *курнофейка* ‘женск. к курнофей’ [28, с. 252], *курнофейчик* ‘уменьш.-ласкат. к курнофей’ [28, с. 252], *курнофеюшко* ‘уменьш.-ласкат. к курнофей’ [28, с. 252]. Ср. *мордофейка* ‘человек с отдуловатым, немного выдающимся вперёд лицом’ [28, с. 307].

11.2. Номинация лица с соматизмами *нос*, реализующая метафорическую модель «**цвет + соматизм**» и формально дающая характеристику внешности человека, а семантически – образа жизни, манеры поведения: колорооснова в составе композита в сочетании с соматизмом *нос* изначально указывает на цвет нос человека: *красноноска* ‘пьяница’ [28, с. 239], т. е. буквально *красноноска* – это человек с красным носом. Семантически же здесь происходит формирование переносного значения на базе прямой номинации по цвету соответствующей части тела человека: красный нос как следствие постоянного пьянства (*красноноска* ‘человек с красным носом, обладатель красного носа’ → *красноноска* ‘пьяница’). Ср. *горькоголовка* ‘пьяница’ [28, с. 112]. В то время как дериваты *краснощёк* ‘обладатель красных щёк’ [28, с. 240], *краснощёчка* ‘женщина с красными щеками’ [28, с. 240] представляют собой нейтральные номинации лица с прямыми денотативными значениями.

11.3. Номинация лица с соматизмом *нос*, зафиксированная в «Словаре русских народных говоров», и характеризующая человека по особенности его внешности: *носопырь* ‘о человеке с длинным тонким носом’ [31, с. 293]. Также в этом лексикографическом источнике представлены лексемы *нософырка₂* ‘человек, не пользующийся носовым платком, «а чтобы прочистить в носу, фыркающий»’ [31, с. 293] и *нософыря* ‘человек, не пользующийся носовым платком, «а чтобы прочистить в носу, фыркающий»’ [31, с. 293]. Можно предположить, что все композиты данной лексико-семантической подгруппы в семантическом плане реализуют модель «**действие + соматизм**»: *носопырь* < *пыркать носом*, *нософырка₂*, *нософыря* < *фыркать носом*. Ср. *пыркать* ‘издавать звуки (о птицах)’ [32, с. 196].

11.4. Номинации лица с соматизмами *нос*, которые метафорически характеризуют манеру поведения человека: *носопыра* ‘упрямый, обидчивый человек’ [28, с. 372],

носопыря ‘упрямец’ [28, с. 372]. Ср. *нософыра* ‘надменная спесивая женщина (которой всё не по нраву)’ [31, с. 293], *нософырка*₁ ‘надменная спесивая женщина (которой всё не по нраву)’ [31, с. 293].

В «Словаре русских народных говоров» в числе прочих зафиксированы следующие лексемы: *носопырка* ‘нос’, ‘носовой платок’ [31, с. 293], *носопырь* ‘о человеке с длинным тонким носом’ [31, с. 293], *носопыря* ‘упрямец, бестолочь’ [31, с. 293], *носопуря* ‘об упрямом, обидчивом человеке’ [31, с. 293], *носопыра* ‘об упрямом, обидчивом человеке’ [31, с. 293], *носопырный* ‘упрямый, несговорчивый от злости, раздражения’ [31, с. 293], *носопырый* ‘упрямый, бестолковый (человек)’ [31, с. 293], *нософыра* ‘надменная спесивая женщина (которой всё не по нраву)’ [31, с. 293], *нософырка*₁ ‘надменная спесивая женщина (которой всё не по нраву)’ [31, с. 293], *нософырка*₂ ‘человек, не пользующийся носовым платком, «а чтобы прочистить в носу, фыркающий»’ [31, с. 293], *нософыря* ‘человек, не пользующийся носовым платком, «а чтобы прочистить в носу, фыркающий»’ [31, с. 293].

Очевидно, слово *носопырка* в разговорный литературный язык проникло из жаргона, где оно использовалось для обозначения носа или лица. Так, в «Большом словаре русского жаргона» В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной слово *носопырка* зафиксировано со следующими двумя значениями: 1. Из речи офень и в жаргонизированной разговорной речи. ‘Нос’ и 2. Из речи уголовников и в жаргонизированной разговорной речи. *Пренебр.*‘Лицо’ [29, с. 386]. В «Современном толковом словаре русского языка» Т. Ф. Ефремовой слово *носопырка* с пометой *разговорно-сниженное* отмечено со значением ‘наружный орган обоняния на лице человека или на морде животного, видевшийся у пажа между ушами’ [https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/278110/носопырка]. Согласно данным «Большого толкового словаря русского языка» С. А. Кузнецова, представленного в авторской редакции на сайте «Грамота.ру», в литературном языке слово *носопырка* используется в разговорной речи как ласкательная, шутливая номинация носа (обычно в разговоре с детьми) [http://gramota.ru/slovari/dic/?word=носопырка&all=x].

XII. Номинации лица с соматизмом *горло*, которые метафорически характеризуют характер человека, его манеру поведения и реализуют либо модель **«действие + соматизм»** (*горлодрай* ‘крикун, горлодёр’ [28, с. 110], *горлодранец* ‘крикун, горлодёр’ [28, с. 110], *горлопял* ‘крикун, горлопан’ [28, с. 111], *горлопят* ‘крикун, горлопан’ [28, с. 111], *горлохват* ‘крикун’ [28, с. 111]), либо модель **«признак + соматизм»** (*горлозвонка* ‘крикун; грубиян; крикунья, грубиянка’ [28, с. 110]).

XIII. Номинации лица с соматизмом *зоб*: *солозоб* ‘мужчина, который любит очень солёную пищу’ [28, с. 488], *солозобка* ‘женщина, любящая очень солёную пищу’ [28, с. 488]. Как видно из значений этих лексем, они косвенно соотносятся с соматической лексикой, делая акцент на вкусовых предпочтениях человека.

XIV. Номинация лица с соматизмом-эвфемизмом *дырка*₂ ‘половой орган/ягодицы’: *вертодырка* ‘егоза’ [28, с. 74]. Как известно, с процессом эвфемизации, обусловленным рядом этических причин, в числе прочих связана сфера номинации определённых частей тела («телесный низ»).

XV. Номинации лица с соматизмами *рука* и *лана*₁ ‘рука’:

15.1. Номинация лица с соматизмом *рука*, которая реализует модель **«количество + соматизм»** и характеризует внешность человека: *одноручка* ‘человек с одной рукой’ [28, с. 390].

15.2. Номинации лица с соматизмом *рука*, которые реализуют модель **«признак (расположение, качество) + соматизм»** и характеризуют человека как по физическим

параметрам, так и по социальным навыкам: *леворуч* ‘левша’ [28, с. 261], *пархоручка* ‘женщина с больными или слабыми руками’ [28, с. 413], *косоручка* ‘криворукий человек’ [28, с. 235]. Ср. фамилию *Косоруков*.

15.3. Номинации лица с соматизмом *рука*, которые метафорически реализуют модель «расположение + соматизм» и семантика которых сформировалась на базе смысла ‘быть расположенным по левую руку относительно кого-то’: *леворучица* / *леворучница* ‘сестра по крестной матери’; ‘подруга невесты, на свадьбе ведущая её в церковь, поддерживающая слева’ [28, с. 261], *леворучье* ‘человек, который идёт или работает слева (по отношению ко всей группе людей, идущих или работающих вместе с ним)’ [28, с. 261].

15.4. Номинации лица с соматизмом *лана₁* ‘рука’, которые метафорически характеризуют человека по социальным навыкам: *косолатина* ‘косолапый, неуклюжий человек’ [28, с. 235], *косолапище* ‘косолапый, неуклюжий человек’ [28, с. 235].

15.5. Номинации лица с соматизмом *рука*, которые метафорически характеризуют характер человека, его манеру поведения: *рукосуй* ‘тот, кто трогает руками то, что нельзя трогать’; ‘человек, который суетится в чужие дела’ [28, с. 475], *рукосуйка* ‘тот, кто трогает руками то, что нельзя трогать’ [28, с. 475]. Ср. фразеологизм *совать нос (в чужие дела)*.

XVI. Номинации лица с соматизмами *нога* и *лана₂* ‘нога’:

16.1. Номинации лица с соматизмами *нога* и *лана₂* ‘нога’, которые реализуют модель «признак + соматизм» и дают характеристику внешности человека: *косоножка* ‘человек с кривыми ногами’ [28, с. 235], *криволапик* ‘ребёнок с кривыми ногами’ [28, с. 242], *кривоножье* ‘человек с кривыми ногами’ [28, с. 242].

16.2. Номинация лица с соматизмом *нога*, дающая характеристику манеры поведения, образа жизни человека: *белоножка* ‘ленивая женщина’ [28, с. 38]. См. выше анализ семантики композита *белоличка* ‘молодой человек или девушка, занятые только собой, не приобщённые ни к какой работе’ [28, с. 37]. Как уже отмечалось, композиты типа диалектных лексем *белоножка*, *белоличка* и литературной номинации *белоручка* реализуют метафорическую модель «цвет + соматизм».

XVII. Номинация лица с соматизмом *кулак*, которая в рамках модели «признак + соматизм» метафорически обозначает человека по особенностям его характера, темперамента: *вострокулачник* ‘дракун’ [28, с. 90].

XVIII. Номинации лица с соматизмами *шея* и *спина*, которые в сочетании с прилагательным *чужой* реализуют метафорическую модель «признак + соматизм» и передают значение ‘нахлебник, иждивенец’: *чужешейник* ‘нахлебник, иждивенец’ [28, с. 509], *чужеспинец* ‘нахлебник, иждивенец’ [28, с. 508], *чужеспинник* ‘нахлебник, иждивенец’; ‘бездельник, лентяй’ [28, с. 508], *чужеспинница* ‘нахлебница, иждивенка’ [28, с. 508].

XIX. Номинации лица с соматизмами *бок* и *букса* ‘бок’:

19.1. Экспрессивная номинация лица с соматизмом *букса* ‘бок’, реализующая модель «признак + соматизм» и дающая характеристику человека по физическим параметрам: *кривобукса* ‘кривобокий человек’ [28, с. 242].

19.2. Номинации лица с соматизмом *бок*, дающие характеристику манеры поведения, образа жизни человека: *лежебок* ‘лентяй, лежебока’ [28, с. 262], *лежебочина* ‘лентяй, лежебока’ [28, с. 263], *лежебочиха* ‘лентяйка, лежебока’ [28, с. 263], *лежебочица* ‘лентяйка, лежебока’ [28, с. 263]. Как видно из внутренней формы перечисленных композитов, они образованы на базе фразеологизма *лежать на боку* ‘бездельничать, лентяйничать’ – метафорическая модель «действие + соматизм».

XX. Номинации лица с соматизмами *пузо* и *брюхо*:

20.1. Номинация лица с соматизмом *пузо*, которая реализует модель «**признак + соматизм**» и имплицитно содержит сему ‘в возраст’: *голопуз* ‘ребёнок с оголённым животом’ [28, с. 106]. Ср. *голопупень ласк.* ‘ребёнок’ [28, с. 106].

20.2. Экспрессивная номинация лица с соматизмом *пузо*, метафорически обозначающая человека по образу жизни: *пузогной шутл.* ‘пузатый объедала, обжора’ [28, с. 452].

20.3. Номинации лица с соматизмом *брюхо*, семантика которых представляет собой результат взаимодействия нумерологического и соматического компонентов: композиты *однобрюшки*, *однобрюшины* и *однобрюшиники*, которые имеют значение ‘близнецы’ [28, с. 390]. Подробнее о семантике номинаций этой подгруппы см. в нашей работе [26, с. 189].

20.4. Номинация лица с соматизмом *брюхо*, семантика которой формируется в рамках модели «**признак + соматизм**», давая характеристику человека по физическим параметрам: *пустобрюшиница* ‘не беременная женщина’ [28, с. 454].

XXI. Номинация лица с соматизмом *пята*₂, которая реализует метафорическую модель «**признак + соматизм**» и характеризует человека по социальному статусу: *голопята* ‘бедная, обнищавшая женщина’ [28, с. 106].

XXII. Номинации лица с соматизмом *пуп*:

22.1. Номинация лица с соматизмом *пуп*, которая, как и композит *голопуз* ‘ребёнок с оголённым животом’ [28, с. 106], реализует модель «**признак + соматизм**», имплицитно отсылая к семантике ‘в возраст’: *голопупень ласк.* ‘ребёнок’ [28, с. 106].

22.2. Номинации лица с соматизмом *пуп*, образованные на базе модели «**действие + соматизм**» и характеризующие человека по роду занятия: *пупорезка*, *пупорезница* и *пупорезня*, имеющие значение ‘повивальная бабка, повитуха’ [28, с. 452].

XXIII. Номинации лица с соматизмом *кожа*:

23.1. Номинации лица с соматизмом *кожа*, реализующие модель «**действие + соматизм**» и обозначающие человека по роду занятия: *кожедрал* ‘человек, занимающийся сниманием кож с убитых животных; живодёр’; ‘разбойник, грабитель, вор’ [28, с. 223], *кожелуп* ‘человек, занимающийся сниманием кож с убитых животных; живодёр’; ‘разбойник, грабитель, вор’ [28, с. 223], *кожедрало* ‘человек, занимающийся сниманием кож с убитых животных; живодёр’; ‘разбойник, грабитель, вор’ [28, с. 223].

23.2. Номинация лица с соматизмом *кожа*, реализующая метафорическую модель «**действие + соматизм**» и дающая пейоративную характеристику манеры поведения, нравственных качеств человека: *кожедёр* ‘человек, стремящийся обобрать любым способом другого; взяточник’; ‘грубый, жестокий, злой человек, готовый содрать кожу с другого’ [28, с. 223].

XXIV. Номинации лица с соматизмами *волосы*, *коса* ‘волосы’ и *брюви* ‘волосы’:

24.1. Номинации лица с соматизмами *волосы*, *коса* ‘волосы’ и *брюви* ‘волосы’, которые, прямо или косвенно реализуя модель «**цвет + соматизм**», характеризуют внешность человека по цвету волос: *красноволоска* ‘женщина с ярко-рыжими (красными) волосами’ [28, с. 239], *белокоска* ‘русоволосая девочка или девушка’ [28, с. 37], *двоеволосик* ‘человек, имеющий два разных цвета волос’ [28, с. 121] и *белобрыска* ‘блондинка’ [28, с. 37]. Колороосновы *красный* ‘ярко-рыжий’, *белый* ‘русый’ в составе композитов в сочетании с соответствующим соматизмом указывают на цвет волос человека. Ср. *белоголовик* ‘белокурый человек’ [28, с. 37]. Подробнее о семантике номинации *двоеволосик* см. в нашей работе [26, с. 189].

24.2. Номинации лица *волосогриевица* ‘девушка с густыми длинными волосами’ [28, с. 85] структурно и семантически представляет собой свёрнутое сравнение *девушка с волосами густыми, как грива*.

24.3. Номинации лица с соматизмом *волосы*, которые в своих прямых значениях реализуют модель «**признак (отсутствие головного убора / или состояние причёски) + соматизм**», характеризуя внешность человека через отсылку к его волосам: *долговолоска* ‘женщина с непокрытой головой’ [28, с. 133], *простоволоска* ‘женщина, девушка с непокрытой головой’ [28, с. 448], *пустоволоска* ‘женщина, девушка с непокрытой головой, без платка’; ‘женщина, девушка с непричёсанными, растрёпанными волосами’ [28, с. 454].

24.4. Многозначная номинация лица с соматизмом *волосы*, которая в своём переносном значении указывает на социальный статус лица: *простоволоска* ‘незамужняя, вольного поведения женщина, потерявшая право убирать голову поддевичьи’ [28, с. 448]. Ср. глагол *опростоволоситься*.

24.5. Номинация лица с соматизмом *волосы*, которая реализует метафорическую модель «**действие + соматизм**» и одновременно характеризует человека и по особенностям его характера, и по социальному статусу: *грызоволоска* ‘злая старая дева’ [28, с. 117].

XXV. Номинации лица с соматизмом *кости*:

25.1. Номинации лица с соматизмом *кости*, которые в рамках метафорической модели «**действие + соматизм**» характеризуют человека по особенностям его характера, манеры поведения: *костоглод* ‘жадный человек’; ‘человек с тяжёлым характером’ [28, с. 236], *костоедка* ‘ворчунья; злая ехидная женщина’ [28, с. 236], *костолом* ‘упрямый человек’ [28, с. 236].

25.2. Многозначная номинация лица с соматизмом *кости*, которая в прямом своём значении называет человека по роду деятельности, образу жизни: *костолом* ‘рабочий, исполняющий самую тяжёлую работу’; ‘калека; нищий-калека’ [28, с. 236].

XXVI. Номинации лица с соматизмом *зубы*:

26.1. Номинация лица с соматизмом *зубы*, которая в рамках метафорической модели «**признак (размер) + соматизм**» характеризует человека по особенности его внешности: *долгозубка* ‘женщина с длинными зубами’ [28, с. 133].

26.2. Номинации лица с соматизмом *зубы*, которые реализуют метафорическую модель «**действие + соматизм**» (*чесать зубы, мыть зубы, скалить зубы, тыкать в зубы*) и дают характеристику характера человека, манеры поведения: *зубомой* ‘насмешник, зубоскал, шутник’; ‘сплетник, болтун’ [28, с. 200], *зубомойка бран*. ‘насмешница’ [28, с. 200], *зубочёс* ‘насмешник, шутник, весельчак, зубоскал; пустомеля’; ‘сплетник’ [28, с. 200], *зубоскал* ‘находчивый человек, у которого на всё есть ответ; не теряется, нелезет за словом в карман’ [28, с. 200], *зубоскалка* ‘женск. к зубоскал’ [28, с. 200], *зуботычка* ‘сварливая женщина, ворчунья’ [28, с. 200].

XXVII. Номинации лица с соматизмами *кровь* и *руда* ‘кровь’:

27.1. Номинация лица с соматизмами *кровьруда* ‘кровь’, которые в рамках модели «**действие + соматизм**» обозначают человека по роду занятия, профессии: *кроводатель* ‘донор’ [28, с. 244], *рудомёт* ‘человек, который лечит кровопусканием’ [28, с. 475], *рудомётка* ‘лекарка, которая пускает баночную кровь’ [28, с. 475].

27.2. Номинация лица с соматизмами *кровь*, которая реализует метафорическую модель «**действие + соматизм**» и характеризует человека по особенностям его поведения, состояния: *кровобрэзга* ‘тот, кто не переносит вида крови’ [28, с. 244].

27.3. Номинации лица с соматизмами *кровь*, которые, реализуя модель «**признак + соматизм**», обозначают лицо по его характеру, манере поведения: *кровожадник* ‘кровожадный человек’ [28, с. 244], *кровожадница* ‘женск. к кровожадник’ [28, с. 244].

XXVIII. Номинация лица с соматизмом *мозг*, которая в рамках модели «**действие + соматизм**» метафорически характеризует человека по умственным способностям: *мозготряс* ‘дурак, болван, лоботряс’ [28, с. 301].

XXIX. Номинация лица с соматизмом *нервы* метафорически обозначает человека по особенностям его характера, манере поведения: *нервомотатель* ‘тот, кто заставляет нервничать’ [28, с. 358].

XXX. Номинации лица с соматизмом *душа*. О дискуссиях относительно места лексем типа *душа* в составе соматической парадигмы и об аргументах, свидетельствующих о возможности рассматривать лексему *душа* в ряду соматизмов см., например, в работе Д. М. Плужниковой [16, с. 62–63]. Среди сложных номинаций лица с соматическим компонентом *душа* в нашем материале представлены такие лексико-семантические подгруппы:

30.1. Номинации лица с наивным соматизмом *душа*, которые реализуют метафорические модели «**действие + соматизм**» или «**признак + соматизм**» и обозначают человека по особенностям его характера, манеры поведения: *вертодушка* ‘невнимательный, рассеянный человек, вертушка’ [28, с. 74], *душесрёб* ‘тот, кто излишне тщательно обдумывает, разбирает свои поступки копается в душе’ [28, с. 146], *крайодушина* ‘двуличный, беспринципный человек’ [28, с. 242], *простодуша* ‘добродушный, бесхитростный, добрый человек’ [28, с. 448], *самодух* ‘самоуверенный человек’ [28, с. 477].

30.2. Номинация лица *большедушник* ‘человек, имеющий большую семью’ [28, с. 52] иллюстрирует взаимодействие в своей семантике числового (количественного) и телесного кодов.

Как свидетельствует анализ фактического материала, среди сложных номинаций лица, в структуре которых реализован соматический компонент, в диалектной речи значительно преобладают пейоративные лексемы. Этот факт иллюстрирует такую особенность категории оценки, как её асимметричность. Другими словами, для носителей языка оказывается более важным с помощью номинативных единиц (в нашем случае с помощью сложных номинаций лица с компонентами-соматизмами) обозначить то, что воспринимается ими как такое, которое отклоняется от нормы. В частности среди анализируемых сложных номинаций лица с соматическим компонентом частотны лексемы, которые обозначают человека по физическим недостаткам внешности, а также лексемы, дающие пейоративную характеристику манеры поведения, характера, нравственных качеств человека.

Установление и анализ типовых ономасиологических моделей сложных номинаций лица с соматическим компонентом как в общеязыковой, так и в диалектной картине мира с целью выявления сходств и различий между ними – следующая задача нашего исследования. Перспективным также является сопоставительный анализ сложных номинаций лица с соматическим компонентом в общеязыковой и диалектной картине мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абросимова Л. С. Словообразовательная категоризация в языковой картине мира (на материале отсоматической лексики английского языка): Дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19, 10.02.04 / Лариса Сергеевна Абросимова. — Ростов-на-Дону, 2015. — 425 с.
2. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Том II. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю. Д. Апресян. — М. : Языки русской культуры, 1995. — 767 с.
3. Вайнтрауб Р. М. О соматических фразеологизмах в русском языке / Р. М. Вайнтрауб // Лексические единицы русского языка и их изучение. — Ташкент : Изд-во ТГПИ, 1980. — С. 51–55.
4. Вакк Ф. О соматической фразеологии в современном эстонском языке : Автограф. дис. ... канд. филол. наук / Ф. Вакк. — Таллин, 1964. — 29 с.

5. Евсеева И. В. Комплексные единицы русского словообразования: Когнитивный подход / И. В. Евсеева. — М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. — 312 с.
6. Евсеева И. В. Лексико-словообразовательное гнездо с вершиной — именем соматического объекта: фреймовое устройство / И. В. Евсеева // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. — 2013. — № 1. — С. 33–41.
7. Евсеева И. В. Словообразовательная категоризация соматизмов русского языка / И. В. Евсеева, Е. А. Пономарёва // Человек и язык в коммуникативном пространстве. — 2018. — Вып. 9 (18). — С. 37–43.
8. Занковец А. А. Влияние различных лингвистических факторов на фразеологическую активность соматизмов русского и белорусского языков / А. А. Занковец // Вестник Белорусского государственного университета. Серия 4: Филология. Журналистика. Педагогика. — 2007. — № 2. — С. 70–75.
9. Кимов Р. С. Когнитивные и эпистемические аспекты представления мира в языке (на материале кабардинского, русского и английского языков) : Автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Р. С. Кимов. — Нальчик, 2010. — 53 с.
10. Кочеваткин А. М. Соматическая лексика в диалектах эрзянского языка: Лингвогеографический анализ : Автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.07 / А. М. Кочеваткин. — Саранск, 1999. — 16 с.
11. Кочеваткин А. М. Соматическая лексика эрзянского языка : Учеб. пособ. / А. М. Кочеваткин. — Саранск : Тип. «Красный Октябрь», 2001. — 208 с.
12. Красных В. В. Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору) / В. В. Красных // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. — М. : МАКС Пресс, 2001. — С. 5–19.
13. Красных В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология / В. В. Красных. — М. : Гнозис, 2002. — 284 с.
14. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: Миф или реальность? / В. В. Красных. — М. : Гнозис, 2003. — 375 с.
15. Крейдлин Г. Е. Тело в диалоге: семантическая концептуализация тела (итоги проекта). Часть 1. Тело и другие соматические объекты / Г. Е. Крейдлин // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : Труды Международ. конф. «Диалог–2010». — М., 2010. — С. 226–234.
16. Плужникова Д. М. Поэтика соматизмов в творчестве Беллы Ахмадулиной : Дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Диана Михайловна Плужникова. — Белгород, 2017. — 207 с.
17. Пономарёва Е. А. Фреймовое моделирование лексико-словообразовательных гнёзд с вершинами — именами соматических объектов (на материале русского языка) : Дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Екатерина Александровна Пономарёва. — Красноярск, 2017. — 311 с.
18. Синицына Н. В. Роль соматической лексики в формировании картины мира / Н. В. Синицына // Альманах современной науки и образования. — 2011. — № 6 (49). — С. 233–235.
19. Старых О. В. Соматизмы как особый класс слов в лексической системе церковнославянского языка / О. В. Старых // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия III: Филология. — 2011. — Вып. 2 (24). — С. 80–85.
20. Тематический словарь русского языка / Л. Г. Саяхова, Д. М. Хасанова, В. В. Морковкин ; под ред. проф. В. В. Морковкина. — 2-е изд. — М. : Дрофа, 2010. — 556 с.
21. Толстой Н. И. О словаре «Славянские древности» / Н. И. Толстой, С. М. Толстая // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. — М. : Междунар. отношения, 1995. — Т. 1. — С. 5–14.
22. Урысон Е. В. Фундаментальные способности человека и наивная «анатомия» / Е. В. Урысон // Вопросы языкоznания. — 1995. — № 3. — С. 3–16.
23. Уфимцева А. А. Опыт изучения лексики как системы (на материале английского языка) / А. А. Уфимцева. — М. : Изд-во АН СССР, 1962. — 288 с.
24. Ярошенко Н. А. Ономасиологические типы сложных номинаций деятеля в диалектах русского языка / Н. А. Ярошенко // Россия народная: россыпь языков, диалектов, культур : сб. материалов Всероссийской с международным участием научной конференции (Волгоград, 23–25 апреля 2019 г.) / гл. ред. : Е. В. Брысина, В. И. Супрун. — Волгоград : Фортесс, 2019. — С. 270–275.
25. Ярошенко Н. А. Ономасиологические типы сложных номинаций лица с колоративным компонентом в диалектах русского языка / Н. А. Ярошенко // Мир. Человек. Язык : сб. науч. тр. / Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых ; Донец. нац. ун-т ; Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена, Ин-т иностр. яз. ; Юж. федер. ун-т, Ин-т филолог. журн. и межкультурн. коммуникации. — Владимир : Изд-во ВлГУ, 2019. — С. 101–106.

26. Ярошенко Н. А. Ономасиологические типы сложных номинаций лица с нумеративным компонентом в диалектах русского языка / Н. А. Ярошенко // Новые горизонты русистики. — 2019. — Вып. 7. — С. 187–193.
27. Ясинская М. В. Представления о глазах и зрении в языке и традиционной культуре славян : Дис. ... канд. филол. наук : 10.02.03 / Мария Владимировна Ясинская. — Москва, 2015. — 278 с.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

28. Алексеенко М. А. Человек в производных именах русской народной речи. Словарь / М. А. Алексеенко, О. И. Литвинникова. — М. : ООО «Изд-во ЭЛПИС», 2007. — 517 с.
29. Большой словарь русского жаргона / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. — СПб. : Норинт, 2001. — 720 с.
30. Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин. — Вып. 3. Блазнишка–Бяшутка. — М.-Л. : Наука, 1968. — 360 с.
31. Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин. — Вып. 21. Негораздый–Обвива. — Л. : Наука, 1986. — 360 с.
32. Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Сороколетов. — Вып. 33. Протока–Разлука. — СПб. : Наука, 1999. — 361 с.

Поступила в редакцию 27.04.2020 г.

LEXICAL-SEMANTIC GROUPS OF COMPOUND NOMINATIONS OF PERSON WITH SOMATIC COMPONENT IN RUSSIAN LANGUAGE DIALECTS

N. A. Yaroshenko

The article deals with the lexical-semantic groups of compound nominations of person with somatic component in Russian language dialects. The lexical-semantic groups of the above-mentioned compound nominations of person have been determined and analysed on the material of the dictionary *A man in the derivative names of Russian popular speech*. The classification of compound nominations of person with somatic component according to the functional parameters of somatisms has been presented. The specific peculiarities of compound nominations of person with somatic component in dialect language picture of the world have been determined.

Key words: nomination of person, compound nomination of person, composite, somatism, cultural code, somatic code.

Ярошенко Наталья Александровна.

Кандидат филологических наук, доцент.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

Заведующий кафедрой общего языкознания и истории языка имени Е. С. Отина.

E-mail: nyaroshenko@yandex.ru,
n.yaroshenko@donnu.ru

Yaroshenko Natalya Alexandrovna.

Candidate of Philology, Docent.

Donetsk National University.

Head of General Linguistics and History of Language Department named after E. S. Otin.

E-mail: nyaroshenko@yandex.ru,
n.yaroshenko@donnu.ru

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ В ЗАГОЛОВОЧНЫХ КОМПЛЕКСАХ СОВРЕМЕННЫХ МАСС-МЕДИЙНЫХ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ

© 2020 *А.М. Авксентьева*

ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»

В статье предпринята попытка анализа интертекстуальных включений в составе заголовочных комплексов современных масс-медийных ресурсов. На материале интернет-версий современных информационно-новостных изданий рассматриваются примеры использования аллюзий, цитат и реминисценций в составе заголовочных комплексов.

Ключевые слова: медиадискурс, интертекстуальность, реминисценция, аллюзия, цитата.

В настоящее время к важным аспектам изучения современного медиатекста относится его рассмотрение как открытого феномена по отношению к обществу, культуре и другим текстам. Такой подход предполагает анализ явления интертекстуальности и форм его проявления. Целью нашего исследования является описание заголовочного комплекса современных масс-медийных интернет-изданий с позиции интертекстуальности, которая проявляется в виде цитирований, аллюзий, реминисценций. При этом под заголовочным комплексом мы понимаем сам заголовок, а также его компоненты: надзаголовок, рубрика, подзаголовок, вводки (лиды). Материалом исследования послужили заголовочные комплексы интернет-версий ежедневных изданий «Российская газета» и «The Guardian». Выбор данных текстов обусловлен возросшим интересом к языковым особенностям сетевых новостных изданий, которые, функционируя в контексте развития современных технологий, предоставляют неограниченные возможности оперативного подключения к электронным ресурсам, что обуславливает высокую скорость получения информации и обеспечивает их популярность.

Анализ материала показывает, что в заголовочных комплексах современных масс-медийных интернет-изданий последовательно реализуется явление интертекстуальности. В широком смысле интертекстуальность понимается как открытость текста по отношению к действительности и к другим текстам (см., например, работы Ю. Кристевой, Р. Барта и др.). По мнению Р. Барта, «...текст представляет собой не линейную цепочку слов, но многомерное пространство, где сочетаются и спорят друг с другом различные виды письма, ни один из которых не является исходным; текст соткан из цитат, отсылающих к тысячам культурных источников» [1, с. 388]. Можно предположить, что все тексты являются интертекстами, связанными между собой, что любой текст строится как мозаика цитаций, любой текст есть продукт впитывания и трансформации какого-нибудь другого текста [9, с. 99].

Открытость текста проявляется через присутствие в нем «чужих» текстов, которые представляют собой отсылки к предшествующим текстам и основываются на факте повторения того, что было сказано или написано ранее [7, с. 330]. Данная проблема рассматривалась в работах И.В. Арнольд, Н.А. Кузьминой, Н.А. Фатеевой, В.Е. Чернявской и др.

Присутствие «чужих» текстов в виде цитат, аллюзий или реминисценций является специфическим свойством медиатекста. Цитатный материал в данных видах текстов

может быть представлен несколькими способами. Один из них – прямое цитирование как дословное воспроизведение элементов чужого текста. Следующий – трансформированное цитирование, которое содержит ссылки к источнику информации с помощью компонентов «как считает», «по мнению», «по словам», «говорят» и под. Отсылки к претекстам представлены аллюзиями (намеками на текст, который считается общеизвестным) и реминисценциями (включениями в текст фрагментов чужого текста, иногда несколько видоизмененного, без упоминания его названия и автора).

Интертекстуальные элементы активно функционируют в текстах современных масс-медиа. Одним из наиболее распространенных приемов проявления интертекстуальных связей в заголовочных комплексах медиатекстов является цитирование. Это объясняется тем, что заголовочный комплекс и его компоненты выступают первым «знаками текста», с которыми знакомится читатель, поскольку именно заголовочный комплекс и его компоненты активизируют восприятие читателя и направляет его внимание на то, что будет излагаться далее. Эффективность использования цитирования зависит от степени известности текста, от фоновых знаний читателя, а также от его умения распознавать текст в тексте. Поэтому цитированные тексты, как правило, являются прецедентными и хорошо известными широкой аудитории.

Масс-медиа черпают информацию из современной жизни, цитируя речи политиков и общественных деятелей, произнесенные накануне, отсылают к мнениям экспертов и профессионалов. Сама окружающая реальность является объектом цитации, главное предназначение которой – повышать объективность, достоверность, верифицируемость текста. Кроме этого, цитаты обладают лингвокультурологической ценностью и формируют эмоционально-экспрессивную оценку.

Цитата (от лат. *citare* ‘называть’) представляет собой «дословную выдержку из какого-либо текста» [2, с. 1485]. Особенностью использования цитат в составе заголовочных комплексов современных масс-медиа является их маркированность, т.е. указание на авторство цитаты. Если мы обратимся к интернет-версии газеты «The Guardian», то увидим наличие заголовков, в которых цитата маркируется именем автора. При этом кавычки, как правило, опускаются, а прямая речь графически не выделяется из контекста. Ср.: *Paul Nuttall says party must stay strong amid squabbles* («The Guardian», June 24, 2019); *Reunification referendum would be dangerous, says Bertie Ahern* («The Guardian», June 24, 2019).

В интернет-версии «Российской газеты» встречаются маркированные авторские цитаты без кавычек, оформленные, например, с помощью двоеточия. Ср.: Захарова: **Слова Зеленского о Второй мировой войне переходят все границы** («Российская Газета», 30 января 2020). Благодаря тому, что автор высказывания эксплицитно выражен, усиливается важный атрибут информационно-новостных ресурсов – эффект достоверности, объективности и точности изложения события или факта.

В составе заголовочных комплексов встречаются немаркированные цитаты, выделяемые кавычками без ссылки на авторство. Например: **‘Voters deserve no soundbites’** («The Guardian», April 30, 2017); **May thinks she can ‘bark orders’ at other leaders** («The Guardian», May 02, 2017); **Варшаву возмущило упоминание ‘польского концлагеря’ в издании Ватикан** («Российская Газета», 02 августа 2016). Данный способ оформления цитат также направлен на передачу достоверной и объективной информации, способствует реализации воздействующей функции, привлекает внимание читателя к тексту публикации.

Использование аллюзий в заголовочных комплексах рассчитано на возникновение у читателей ассоциативных подтекстов. При этом в тексте нет указания на конкретный факт или лицо, лишь содержится намек на дополнительную информацию с целью акцентировать внимание, сделать текст более ярким и запоминающимся.

В качестве аллюзий могут выступать фразеологические единицы в неизменном и трансформированном виде. Например, в заголовке статьи *Атом раздора* («Российская Газета», 18 февраля 2020) используется аллюзия на фразеологизм *яблоко раздора*, который обозначает «причину серьезных разногласий, спора, ссоры» [3, с. 781]. Вспомним, что данный фразеологизм восходит к древнегреческому мифу о яблоке, которое стало причиной конфликта между Герой, Афиной и Афродитой и косвенным образом привело к началу Троянской войны. В заголовке данной публикации трансформация фразеологической единицы вызвана заменой лексемы *яблоко* на слово *атом*. С помощью данной замены лаконично и эффективно передается поднимаемая автором тема, проводится параллель между мифом и современной проблемой использования атомных электростанций.

Нужно сказать, что в современном медиапространстве достаточно широко распространены религиозные и мифологические аллюзии. Они используются, чтобы подчеркнуть масштаб той или иной ситуации или личности, усилить эффект высказывания. Так, заголовок *Goodbye to Gomorrah: the end of Italy's most notorious housing estate* («The Guardian», May 19, 2019) содержит аллюзию на Гоморру – легендарный библейский город, уничтоженный Богом вместе с Содомом за грехи жителей. В статье Гоморрой называются окраины Неаполя, в которых процветает беззаконие и наркоторговля. В заголовке *«Корабль-призрак» пришло к берегам Ирландии* («Российская Газета», 18 февраля 2020) автор статьи сравнивает грузовое судно «Альта», которое попало в шторм, с кораблем-призраком. Известно, что лексема *корабль-призрак*, реализуя экспрессивную функцию, чаще всего используется в легендах, обозначая реальное судно, ранее исчезнувшее, но позже обнаруженное в море без команды либо с погибшей командой на борту. В рассматриваемом заголовке содержится намек на легендарный корабль-призрак «Летучий голландец».

Аллюзия представляет собой проявление текстовой категории интертекстуальности, прием художественной выразительности, который содержательно обогащает текстовую информацию, создавая многочисленные ассоциации с помощью намека на события, факты и персонажей других текстов [9, с. 49]. Аллюзия (лат. *allusio* ‘намек’, ‘шутка’) – это «риторический прием, используемый для создания подтекста и состоящий в намеке на какой-либо широко известный исторический, политический, культурный или бытовой факт» [12, с. 28]. Считается, что намек осуществляется с помощью слов или словосочетаний, значение которых ассоциируется с определенным событием или лицом [12, с. 28].

К разновидностям аллюзий, используемых в медиатекстах, относятся литературные аллюзии. Чаще всего авторы ссылаются на какие-либо общеизвестные или значимые произведения и их персонажей. Так, заголовок публикации *Тридцать пять кругов над адом* («Российская Газета», 20 февраля 2020) содержит аллюзию на произведение Данте «Божественная комедия». Данный заголовок соотносится с сюжетной линией о девяти кругах ада, которые прошел герой, и дорогой украинских граждан, возвращавшихся домой.

В роли источников аллюзий выступают не только известные мифологические и художественные тексты, но и исторические события. Так, в заголовке статьи *Warnings about Weimar Germany could turn into self-fulfilling prophecies* («The Guardian», February

19, 2020) проведена историческая параллель между современной Германией и временами Веймарской республики. Данная аллюзия реализована при помощи словосочетания *Weimar Germany*, указывающего на первую республику 1919-1934 годов в Германии, итогом существования которой стал приход к власти Гитлера и нацистов. С помощью данной аллюзии дается негативная оценка современным политическим процессам в Германии.

Привлечение внимания к заголовку возможно с помощью сочетания аллюзии с каламбуром. Каламбур, по мнению И.Р. Гальперина, является стилистическим приемом, который основан на взаимодействии двух общеизвестных значений одного слова или сочетания [4, с. 155]. Он становится эффективным инструментом воздействия на потенциального читателя. Обратимся к следующему примеру: в заголовке *Маска, тебя знаю* («Российская Газета», 18 февраля 2020) используется многозначная лексема *маска*, которая в «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова понимается как «накладка из картона или пласти массы с отверстиями для глаз и изображением лица человека или морды животного, которая надевается на лицо во время праздника, маскарада, театрализованного представления» [2, с. 654]. Однако в медиатексте поднимается проблема использования медицинских масок во время вирусных эпидемий. Соответственно, содержание статьи связано со следующим значением лексемы *маска*: «специальный предмет, который надевается на лицо или часть лица для того, чтобы предохранить человека от вредного воздействия чего-либо» [2, с. 654]. Следовательно, в анализируемом заголовке использован каламбур, основанный на многозначности лексической единицы *маска*. Кроме каламбура, в заголовке задействована аллюзия – высказывание *Маска, я тебя знаю* использовалось во время средневекового карнавала, когда один человек узнавал другого. Следовательно, в данном заголовке медийного текста использован не только каламбур, но и аллюзия на широко известный историко-культурный факт.

В составе заголовочных комплексов современных масс-медиа употребляются реминисценции. Словарь лингвистических терминов под редакцией Т.В. Жеребило толкует реминисценцию как «намек на прецедентный текст, обнаруживаемый в художественном или публицистическом тексте, отзвук более раннего текста» [12, с. 303]. В свою очередь, под прецедентным текстом Ю.Н. Карапулов понимает текст, который значим для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях и хорошо известен ее предшественникам и современникам. По мнению Ю.Н. Карапулова, прецедентные тексты являются «хрестоматийными», так как любой говорящий на данном языке знает их содержание. Знание прецедентных текстов указывает на включенность индивида в сферу действия современной культуры. Незнание, в свою очередь, является сигналом положения индивида вне данной исторической эпохи и ее культуры или недостаточной вовлеченности в нее [8, с. 216]. Таким образом, реминисценции представляют собой включение в текст заимствованных элементов, которые узнаются и интерпретируются читателем. Реализуясь в новом тексте, они несут в себе дополнительную, оценочную информацию.

С позиции структурного оформления реминисценции в заголовочных комплексах могут быть трансформированными и нетрансформированными. Трансформация происходит в результате определенных изменений в их структуре и может быть представлена в виде замещения, усечения или добавления компонента. Рассмотрим их.

Замещение слов-компонентов может быть частичным или полным. Например, в заглавии *А ввоз уже не там* («Российская Газета», 17 февраля 2020) использована реминисценция на прецедентное высказывание из басни «Лебедь, щука и рак»

И.А. Крылова «...а *воз* и *ныне там...*» [10, с. 24]. Трансформация высказывания достигнута за счет использования омофонов – замены лексемы *воз*, которая имеет значение «повоzка (телега, сани) с кладью» [2, с. 89], на слово *ввоз* со значением «общее количество товаров, доставленных в страну по импорту» [2, с. 78]. С помощью данной замены в заголовочном комплексе указана тема статьи, посвященная ситуации с импортом товаров из Китая в разгар эпидемии коронавируса.

Усечение компонента прецедентного высказывания представлено в заголовке *Ты туда не ходи...* («Российская Газета», 11 февраля 2020). Здесь реализована трансформация цитаты из кинофильма «Джентльмены удачи»: «*Ты туда не ходи – ты сюда ходи. А то снег башка попадет – совсем мертвый будешь...*».

Примером добавления компонента в структуру прецедентного высказывания может служить заголовок *Nun on the run: Italian woman evades justice by living in convents* («The Guardian», February 13, 2020), в котором в виде прецедентного текста выступает название британской комедии «Nun on the run».

В масс-медийных заголовках используются реминисценции, содержащие прецедентные тексты устного народного творчества, художественной литературы, а также тексты песен, кинематографии и телескусства. Так, заголовок *Fighting like ferrets in a bag as EU tries to plug Brexit cash hole* («The Guardian», February 16, 2020) включает известную поговорку ‘*to fight like ferrets in a bag*’. Расширение прецедентного высказывания использовано для описания ситуации вокруг Евросоюза и Brexit.

В свою очередь, заголовок *Был ли «Бук»?* («Российская газета», 26 сентября 2016) восходит к цитате романа **Максима Горького** «Жизнь Клима Самгина»: «*Да – был ли мальчик-то, может, мальчика-то и не было?*» [5, с. 24]. Однако в данном случае реализована структурная трансформация компонентов в виде замены лексемы *мальчик* на слово *Бук*, используемое в значении ‘самоходный зенитный ракетный комплекс’.

Основой для создания реминисценций также могут быть прецедентные высказывания из песенного творчества. Например, заголовок *Бойцы в белых халатах* («Российская газета», 17 февраля 2020) представляет собой трансформированное название известной песни «Люди в белых халатах», автором слов которой является Л. Ошанин. В составе заголовка лексема *люди*, имеющая значение «те, кто принадлежит к одной общественной среде, характеризующиеся наличием каких-либо общих признаков» [2, с. 510], заменена на слово *бойцы* со значением «члены военизированной организации, отряда» [2, с. 87]. Данная замена актуализирует важность и опасность работы врачей в составе отрядов по борьбе с эпидемией вируса в Китае.

Реминисценции в заголовках масс-медиа создаются с помощью прецедентных текстов кинематографа и телескусства. Рассмотрим заголовок «Российской газеты» от 18 февраля 2020 *Карантин строгого режима*. Данный заголовок является отсылкой к названию кинофильма «Каникулы строгого режима». Лексема *каникулы* со значением «перерыв занятий в учебных заведениях, предоставляемый учащимся для отдыха» [2, с. 414] заменена на слово *карантин* как «временная изоляция больных и лиц, соприкасавшихся с ними, для предупреждения дальнейшего распространения эпидемических заболеваний» [2, с. 417]. Указанная трансформация способствует акцентированию внимания на проблеме распространения нового вируса. Напротив, в заголовке *Пока не дома* использована отсылка к названию популярной телепередачи о семьях известных людей «Пока все дома». Также в данный заголовок включена отрицательная частица *не*, с помощью которой названа проблема возвращения на родину граждан из Китая в связи с эпидемией вируса.

Итак, интертекстуальность, являясь специфическим свойством заголовков и заголовочных комплексов современных масс-медийных ресурсов, проявляется через присутствие «чужих» текстов в виде цитирований, аллюзий и реминисценций. Эти интертекстуальные элементы могут подвергаться структурным изменениям и использоваться для информирования, повышения объективности и достоверности публикаций, привлечения внимания, формирования эмоционально-экспрессивного фона. Перспективой нашего исследования является рассмотрение заголовочных комплексов современных масс-медийных интернет-изданий с позиции гипертекстуальности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / Р. Барт. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.
2. Большой толковый словарь русского языка / сост., гл. ред. С.А. Кузнецов. – Санкт-Петербург : Норинт, 2000. – 1534 с.
3. Большой фразеологический словарь русского языка / отв. ред. В.Н. Телия. – М.: Аст-Пресс книга, 2006. – 784 с.
4. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка / И.Р. Гальперин. – М. : Изд-во литературы на иностранных языках, 1958. – 459 с
5. Горький М. Полн. собр. соч.: В 25 т. / М. Горький. – М.: Наука, 1973. – Т. 23. – 416 с.
6. Добросклонская Т.Г. Медиадискурс как объект лингвистики и межкультурной коммуникации / Т.Г. Добросклонская // Вестник Московского ун-та. – Серия 10. Журналистика. – 2006. – № 2. – С. 20–33.
7. Казак М.Ю. Специфика современного медиатекста / М.Ю. Казак // Лингвистика речи. Медиастистика : кол. моногр., посвящ. 80-летию проф. Г. Я. Солганика. – М., 2012. – С. 320–334.
8. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М., 1987. – 264 с.
9. Кристева, Ю. Бахтин, слово, диалог, роман / Ю. Кристева // Вестник МГУ. – Серия 9. Филология. – 1995. – № 1. – С. 97–124.
10. Крылов И.А. Басни / И.А. Крылов. - Москва : АСТ, 2017. – 352 с.
11. Селіванова О.О. Сучасна лінгвістична енциклопедія. / О.О. Селіванова. – Полтава: Довкілля, 2006. – 716 с.
12. Словарь лингвистических терминов. / под ред. Т.В. Жеребило. – Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с.

Поступила в редакцию 03.07.2020 г.

INTERTEXTUALITY IN HEADLINE COMPLEXES OF MODERN INTERNET MEDIA

A.M. Avksenteva

The article deals with the analysis of intertextuality in the headline complexes of the modern media. Reminiscences, allusions and quotations used in the headlines of the Internet versions of the modern newspapers are considered.

Key words: media discourse, intertextuality, reminiscence, allusion, quotation.

Авксентьева Анжелика Муллануровна.
ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков».
Аспирант кафедры общего языкознания и славянских языков.
E-mail: angelik_409@list.ru

Avksenteva Anzhelika Mullanurovna.
Gorlovka Institute for Foreign Languages.
Postgraduate student of Department of General Linguistics and Slavonic Languages.
E-mail: angelik_409@list.ru

**ОБРАЗ КУРТЦА В ПОВЕСТИ ДЖ. КОНРАДА «СЕРДЦЕ ТЬМЫ»
И ФИЛЬМЕ Ф. КОППОЛЫ «АПОКАЛИПСИС СЕГОДНЯ»:
ИНТЕРМЕДИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

© 2020. *Е.Е. Герасименко*
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье обобщены особенности взаимодействия литературы и кино как процесса кинематографической интерпретации и переинтерпретации литературной основы. Рассмотрена экранизация повести Дж. Конрада «Сердце тьмы» (1902) реж. Ф. Копполы («Апокалипсис сегодня», 1979) с позиций сравнительного анализа литературного и кинематографического образов агента / полковника Куртца с привлечением элементов интермедиальности.

Ключевые слова: интерпретация / переинтерпретация, литературный источник / кинотекст, образ / кинообраз, философский план, трансформация.

Экранизация литературных произведений лежит в плоскости интермедиальных средств выражения, которые чаще всего предполагают трансформацию художественного мира прецедентных текстов.

Среди многочисленных точек зрения отечественных и зарубежных исследователей на проблему интермедиальности присутствует и мнение А.А. Хаминовой и Н.Н. Зильберман, что «интермедиальность образовалась на пересечении двух понятийных областей – интертекстуальности и взаимодействия искусств» [9, с. 41]. Взаимодействие искусств присутствует в той или иной мере в любом литературно-художественном тексте как семиотически неоднородном образовании. Интермедиальность – особый тип внутритестовых связей, основанных на взаимодействии художественных кодов различных видов искусства, а потому может стать перспективным направлением исследования кинотекста, если в его основе лежит художественное произведение. У. Эко, в свою очередь, предлагает отказаться от иллюзии «<...> трактовать реальность, которую мы обнаруживаем в кино, как реальность первичную и выяснить те конвенции, правила, на которых базируется киноязык <...>» [7].

В этом случае кинотекст, авторство которого принадлежит сценаристу, и экранизация, осуществлённая режиссёром, оказываются вторичными образованиями, восходящими к тексту-источнику (литературному произведению). Компромиссным представляется мнение Н.А. Симбирцевой [11], совпадающее с точкой зрения Е.И. Григорьянц, о том, что экранизация литературно-художественного произведения – это «экранно-книжное (курсив наш. – Е. Г.) метапространство, где представлено множество коммуникационных диалогических структур» [2, с. 54].

Самый общий вывод, который вытекает из различных точек зрения исследователей на сосуществование литературного текста и кинотекста, связан с функционированием художественных кодов на всех уровнях. Производство кинофильма связано с «перекодированием» концепции литературного произведения: художественный текст → киносценарий → аудиовизуальный текст, поскольку вторичность предполагает переосмысление (переинтерпретацию) прототекста. Так называемый *адаптированный сценарий* представляет собой переинтерпретацию оригинального авторского текста, который порой существенно изменяется.

Киносценарий (производное образование), с одной стороны, сокращает, с другой – расширяет и, следовательно, трансформирует «готовый», т.е. заимствованный из исходного текста материал (хронотоп, сюжетные линии, эпизоды, образы, имена, художественные детали и т.д.). Известный российский филолог и киновед М.Б. Ямпольский утверждает, что «искажение» и «сужение» являются продуктивными формами смыслового обогащения: «Любая трактовка – а особенно когда их вокруг фильма накапливается множество – придает ему стереоскопичность, объём и глубину. <...> Каждое откровение нуждается в бесконечном наращивании интерпретаций, благодаря которым его смысл прирастает» [10].

Исходя из представления о «полиглотизме» культуры (термин Ю.М. Лотмана) и уподоблении текста «ячеистой сети, забрасываемой в море смыслов Книги Культуры» (Р. Барт) (цит. по [7]), можно предположить, что анализ кинотекста обогащает интерпретацию художественного произведения, увеличивая множественность смыслов последнего. По мнению П. Рикёра, «с одной стороны, интерпретация включает в себя традицию: мы интерпретируем не вообще, а делаем это для того, чтобы прояснить, продолжить и таким образом жизненно утвердить традицию. С другой стороны, интерпретация сама совершается во времени, в настоящем, отличном от времени традиции; и то, и другое время принадлежат друг другу, они взаимосвязаны» [6, с. 19]. Инкорпорация соответствующих мотивов, образов, сюжетных ходов и т.д. из литературного произведения в кинотекст, их вживление (врачивание) в образную структуру кинофильма подталкивает исследователя к выявлению и интерпретированию связей и отношений между первичным произведением (литературно-художественный текст) и вторичным (кинофильм).

Сравнительный анализ литературного произведения и его кинематографического прочтения предполагает осмысление всех кинообразов и киносюжета в целом как бы «на границе» – сквозь призму текста-источника.

Настоящая статья представляет собой попытку сравнительного анализа образов Куртца-агента из повести Дж. Конрада «Сердце тьмы» («Heart of Darkness», 1902) и Куртца-полковника из кинофильма Ф. Копполы «Апокалипсис сегодня» (1979), снятого с опорой на данное произведение и позиционируемого исследователями (в частности, А. Аствацатуровым) как «шедевр мировой кинематографии» [1]. Авторами сценария фильма стали Джон Милиус и Фрэнсис Форд Коппола.

Сюжет повести Конрада разворачивается как путешествие героя по имени Марлоу по Центральной Африке. Основным заданием европейской «Компании», представителем которой является Марлоу, становится поиск их сотрудника, агента Куртца, одного из лучших сборщиков слоновой кости на «чёрном» континенте. Именно образ Куртца, связанный с темой мирового зла, остаётся ключевым и в повести Конрада, и в фильме Копполы.

Киноадаптация литературно-художественного произведения предполагает, как правило, две линии его переинтерпретации: 1) **сохранение и воспроизведение** ряда составляющих элементов первичного текста и 2) **сокращение и/или дополнение** текста-источника.

Основное отличие фильма «Апокалипсис сегодня» от повести «Сердце тьмы» заключается прежде всего в изменении хронотопа, что, в свою очередь, вносит корректизы в литературно-художественную картину мира precedentного текста и, соответственно, – в сюжет, трактовку литературных образов и т.д. Ср.:

	«Сердце тьмы»	«Апокалипсис сегодня»
Место действия повести / кинодействия	Конго (Центральная Африка)	Вьетнам, камбоджийские джунгли
время действия повести / кинодействия	конец XIX века	американо-вьетнамская война (1965–1975 гг.)
рассказчик в повести / фильме	Британский моряк Чарльз Марлоу	капитан армии США Бенджамин Уиллард
ключевой образ в повести / фильме	торговый агент Куртц	полковник армии США Уолтер Куртц
второстепенные персонажи в повести / фильме	капитан парохода, главный бухгалтер фирмы, начальник торговой станции, рулевой, русский моряк	подполковник Билл Килгор, командир экипажа катера Филлипс и члены экипажа: механик Джей Хикс, старшина Тайрон, старшина Ленс Джонсон; безымянный фотожурналист-философ
основная оппозиция в повести / фильме	западная цивилизация как особая форма варварства и зла	мир и война в контексте западной цивилизации как особой формы варварства и зла

Очевидны существенные преобразования литературной основы: перенесение действия из Африки XIX века во Вьетнам и Камбоджу XX века, показ американского военного присутствия в этом регионе, акцентирование антивоенной направленности изображаемых событий. В фильме это достигается путём **сокращения** множества сцен и диалогов повести Дж. Конрада и, напротив, **дополнения** литературного сюжета военными анахронизмами (эпизоды вертолётной атаки, событий у моста До-Лунг и др.), размышлениями капитана Уилларда о войне как всеобщем зле и т.д. Тем не менее, несмотря на явное «осовременивание» сюжетно-фабульного ряда повести авторы фильма воссоздали философский смысл основной оппозиции «Сердца тьмы»: не западная цивилизация противостоит варварству, но сама цивилизация есть особая форма варварства и зла. И в повести, и в кинотексте изображена личностная деградация представителя этой цивилизации, наделённого безудержной волей к власти и не признающего над собой никаких нравственных законов.

Переинтерпретация исходного литературного текста (собственно кинотекст) ориентирована в основном на создание целостного образа Куртца (в фильме – полковника Куртца), вмещающего сходные содержательные признаки внешнего (портрет) и внутреннего (сознание, глубины подсознания). Внешность полковника Уолтера Куртца в фильме Копполы, казалось бы, резко контрастирует с портретной характеристикой конрадовского прототипа. Вот описание героя у Конрада: «<...> я видел повелительно простёртую худую руку, видел, как двигалась его нижняя челюсть, мрачно сверкали запавшие глаза и чудовищно раскачивалась костистая голова. Куртц... Куртц... кажется, по-немецки это значит – короткий? Ну что ж! В фамилии этого человека было столько же правды, сколько в его жизни и ... смерти. Он был не меньше семи футов ростом. Его одеяло откинулось, и обнажилось тело, словно освобожденное от савана, страшное и жалкое [3, с. 82]; Казалось, одушевленная статуя смерти, вырезанная из старой слоновой кости, потрясала рукой <...>» [3, с. 82].

Визуальный же образ Куртца, сыгранного Марлоном Брандо, наделён прямо противоположными чертами: грубой физической силой и мужественностью. Его монументальная, массивная фигура не оставляет сомнений в мощи и власти героя, а черты его лица, резкие и скульптурно очерченные, идеально сочетаются в кадре с лицами древних языческих идолов. По замыслу Дж. Конрада, Куртц – обобщенный образ представителя европейской цивилизации, убеждённого в безусловном превосходстве и праве на колонизацию «слаборазвитых» народов: «<...> вступление к статье кажется мне (Марлоу – Е. Г.) зловещим. Куртц развивал ту мысль, что мы, белые, достигшие известной степени развития, “должны казаться им (дикарям) существами сверхъестественными. Мы к ним приходим могущественными, словно боги” – и так далее и так далее. “Тренируя нашу волю, мы можем добиться власти неограниченной и благотворной...”» [3, с. 69].

В фильме полковник Уолтер Куртц – яркий и успешный представитель династии военных, получивший блестящее образование в старейшей и престижной военной академии США Вест-Пойнт, один из лучших студентов в Гарварде, его научная работа была посвящена внешней политике США в Юго-Восточной Азии. Но жажда власти и войны как способ реализации властных интенций убивают душу этого представителя западной цивилизации так же, как и героя повести. Несмотря на значительные расхождения между повестью и кинотекстом («современенный» в фильме исторический хронотоп, внешнее портретное несходство двух «Куртцев», усиление автохтонного азиатского колорита и др.), психологический портрет кинематографического Куртца всё же имеет ряд совпадений с его литературным прототипом, что свидетельствует о следовании авторов фильма концепции повести Конрада: «сердце тьмы» – вовсе не мир «тёмных» варварских племён, но экзистенциальное зло как основа «белой» цивилизации. Именно она разрушает исконное природное равновесие, приносит смерть и горе естественному человеческому сообществу.

В первичном (повесть) и вторичном (фильм) текстах присутствует психологический аспект образа, который усиливается за счёт разносторонней системы оценивания личности и поступков героя (своеобразный контрапункт «точек зрения» – термин Б.А. Успенского). Диапазон «голосов» в фильме коррелирует с литературным первоисточником: так, основными «точками зрения» в повести становятся позиции Марлоу и русского моряка, а в киноадаптации – капитана Уилларда и полусумасшедшего фотографа соответственно. Совпадение «голосов» определено, прежде всего, воссозданием образной характеристики конрадовского Куртца, хотя авторы фильма предпочитают **трансформацию** литературного источника, что естественно для иной семиотической художественной системы (кинематографическая насыщенность визуального и акустического ряда спецэффектами, «кровавое» колористическое решение многих сцен и т. д.). Тем не менее поступательное развёртывание кинообраза позволяет выделить **общие** доминантные признаки агента Куртца (повесть) и полковника Куртца (фильм):

1 – ‘мудрость, дар убеждения, дар предвидения’: «*Он расширил моё сознание*» («точка зрения» фотографа – к/ф); «*Он знал, что никуда я не денусь. Он знал, что я собираюсь делать, лучшие меня*» («точка зрения» Уилларда – к/ф) [4]. Ср. в повести: « – Другого такого человека я никогда не встречу! Если бы вы слышали, как он декламировал стихи! Стихи собственного своего сочинения! <...> О, он расширил мой кругозор» [3, с. 87]; «<...> он был одаренным существом, и из всех его талантов подлинно реальной была его способность говорить – дар слова <...>» [3, с. 65]; «*Он*

мог наэлектризовать толпу. У него была вера – понимаете? – вера. Он мог себя убедить в чем угодно... Из него вышел бы блестящий лидер какой-нибудь крайней партии» [3, с. 98].

2 – ‘величие, незаурядность, исключительность’: «Не надо полковника осуждать, словно обычного смертного; Он – великий человек. Он может быть и ужасен, и зол, и прав («точка зрения» фотографа – к/ф) [4]. Ср. в повести: «Нельзя судить о мистере Куртце, как вы стали бы судить о заурядном человеке» [3, с. 77]; «... мистер Куртц – лучший его агент, исключительный человек и ценный работник для фирмы ... – Куртц – диковинка. Он посланец милосердия, науки, прогресса и черт знает чего еще» [3, с. 35]; «И вот он является сюда – исключительная личность ...» [3, с. 36].

3 – ‘гениальность’: «Зачем такому славному парню, как ты, понадобилось убивать гения?» («точка зрения» фотографа – к/ф) [4]. Ср. в повести с точкой зрения Марлоу: «Мистер Куртц был универсальным гением ...» [3, с. 39].

4 – ‘властолюбие, стремление господствовать’: «Поклоняются ему как богу, подчиняются даже самым нелепым приказам» («точка зрения» Уилларда – к/ф) [4]. Ср. в повести: «– У меня были грандиозные планы, – пробормотал он нерешительно. ... – Я стоял у порога великих дел ...» [3, с. 90]; «Этот человек (Куртц – Е. Г.) заполнил его жизнь, занимал его мысли, подчинил все его эмоции» [3, с. 77]; «– Они (племя) его боготворили» [3, с. 77]; «... душой, пресыщенной примитивными эмоциями, жаждущей лживой славы, фальшивых отличий и всех видимостей успеха и власти» [3, с. 93].

5 – ‘неадекватность, безумие’: «Ваши методы стали неадекватными» («точка зрения» Уилларда – к/ф). «Его (Куртца – Е. Г.) разум не помрачен. Душа не на месте» («точка зрения» фотографа – к/ф) [4]. Ср. в повести с точкой зрения Марлоу: «– Да ведь он сумасшедший! – воскликнул я» [3, с. 78]; «Да, ум его был ясен ... А душа его была одержима безумием. Заброшенная в дикую глуши, она заглянула в себя и – клянусь небом! – обезумела» [3, с. 91].

6 – ‘надломленность, страдание, пресыщение жизнью’: «Он порвал с ними, а потом порвал с самим собой. Никогда раньше я не видел такого надломленного и разбитого человека ... Все хотели, чтобы я выполнил это задание, и он сильнее всех. Я чувствовал, как он ждет меня, чтобы я облегчил его страдания ... Даже джунгли желали его конца, а теперь полковник подчинялся только им» («точка зрения» Уилларда – к/ф); «По-моему, он умирает. Ему осточертело все это» («точка зрения» фотографа – к/ф) [4]. Ср. в повести с точкой зрения Марлоу: «... взмолился он с такой тоской, что кровь застыла у меня в жилах» [3, с. 90].

К **упрощениям** в кинотексте следует отнести отсутствие оценочной позиции, выраженной наречённой Куртца. Её оценка кардинально отличается от господствующей «точки зрения» рассказчика Марлоу (ср.: «Он занимал высокий пост среди демонов той страны – я говорю не иносказательно» [3, с. 67]), вследствие чего образ Куртца лишается одностороннего – демонического, тёмного начала – и приобретает двойственность и неоднозначность благодаря таким образным компонентам, как ‘величие’, ‘доброта, благородство’ и т.п.: «– И от всего этого, – продолжала она с тоской, – от всех его обещаний, его величия, его доброй души и благородного сердца не осталось ничего... ничего, кроме воспоминания» [3, с. 103]; «Люди смотрели на него снизу вверх... доброта его светилась в каждом поступке» [3, с. 103] и др.

Такой двойной ракурс разнопланового, типично модернистского видения личности Куртца (герой воплощает и зло – «точка зрения» Марлоу, и добро – «точка

зрения» наречённой) позволяет трактовать образ ключевого персонажа Конрада не только как олицетворение «тьмы», но и как жертву трагических обстоятельств: «*Важно было знать, кому принадлежал он, какие силы тьмы предъявляли на него свои права*» [3, с. 67]. В фильме рассказ полковника Куртца о службе в спецназе психологически разъясняет деградацию этой незаурядной сильной личности в обстоятельствах войны, неотвратимое сползание «цивилизованного» белого человека в скотство и жестокость как результат неограниченной власти и безнаказанности – и тогда лишь собственная смерть приносит избавление. В начале фильма Уиллард слышит голос Куртца в магнитофонной записи: «*Я смотрел на улитку, которая ползла по краю клинка опасной бритвы. Это был мой сон. Мой кошмар. Она ползла, плавно скользя по оструму лезвию, оставаясь невредимой*» [4]. Но человеческая психика не может не повредиться в таких условиях. «Выдержанка» тирана, палача или убийцы патологична по сути. В фильме есть эпизод, когда капитан Уиллард слушает монолог полковника Куртца об ужасах войны, о которых тот повествует спокойным, бесстрастным тоном, как будто бы пишет очередной рапорт. Полковник признаётся в неизбежности принесения в жертву тех, кому не посчастливилось встать на пути у человека действия, настоящего солдата, для которого победа будет одержана любой ценой: «*Нас догнал старик. Он рыдал взахлеб. Не мог вымолвить ни слова. Мы вернулись туда, где после нас побывали они. Они отsekли каждому привитому ребенку руку, в которую был сделан укол. Так они и лежали: целая груда. Куча детских ручонок. И я помню, что я... я заплакал, зарыдал, словно старая бабка. Я хотел вырвать себе зубы. Не знал, что делать. И я хотел запомнить увиденное, чтобы никогда не забыть. Чтобы ни за что не забыть. И вдруг я понял, будто меня прошло, будто алмаз прошил меня, как будто алмазная пуля прошила лоб. Меня поразила мысль: <...> именно такая воля нужна, чтобы сотворить подобное, – идеальная, истинная, полная, прозрачная, чистая ... И внезапно я понял, что они – сильнее меня, потому что смогли выдержать такое. Это были не чудовища, это были солдаты, прекрасно подготовленный личный состав. Эти солдаты сражались без чёрной злобы. <...> Нужны такие солдаты, которые не только обладают понятиями о нравственности, но в то же время пользуются первобытным инстинктом: убивать безо всяких эмоций, без малейших чувств, без суждений. Без суждений, потому что именно суждения губят нас*» (монолог полковника Куртца из фильма «Апокалипсис сегодня», режиссерская версия. Пер. Д. Пучкова) [4].

Налицо перекличка позиций героев фильма и повести относительно меры пресечения мирового (цивилизационного) зла – причём не только внешнего, но и собственного, внутреннего, поскольку сами герои не в состоянии с ним справиться. Вот позиция конрадовского Куртца: «*... после трогательного призыва ко всем альтруистическим чувствам, она вас ослепляет и устрашает, как вспышка молнии в ясном небе: «Истребляйте всех скотов!»* [3, с. 69]. В книге полковника Куртца капитан Уиллард обнаруживает идентичную по смыслу запись, выделенную красным цветом: «СБРОСЬТЕ БОМБУ, ИСТРЕБИТЕ ИХ ВСЕХ» [4].

В кинематографической интерпретации литературного образа-источника участвуют интертекстуальные отсылки к монографии Дж. Фрейзера «Золотая ветвь» («The Golden bough», 1890) и поэме Т.С. Элиота «Полые люди» («The Hollow Men», 1925). Когда капитан Уиллард впервые попадает в жилище полковника Куртца, он внимательно рассматривает его форму, знаки отличия и награды как символы высокого статуса и признания достижений в цивилизованном мире, результата прекрасного образования и правильного воспитания. Затем камера опускается ниже и

фиксирует внимание зрителя на двух книгах, лежащих на предмете мебели, похожем на алтарь. Первая из них («Золотая ветвь» Дж. Фрейзера) – монументальный труд британского религиоведа и антрополога, посвящённый истокам первобытной магии, мифологии и тотемизма. Вторая – «От ритуала до романа» («From ritual to romance», 1920) известной фольклористки Дж. Уэстон, где она рассматривает истоки легенды о короле Артуре и прослеживает связи между элементами древней языческой культуры и христианства.

Архетипический мотив золотой ветви и литературный сюжет «артуровского цикла» существенно обогащают трактовку кинообраза Куртца. Золотая ветвь – знак могущества и бессмертия. В целом ряде верований с помощью этого магического предмета можно было путешествовать по стране мёртвых и возвращаться оттуда (ср. спуск Энея в загробный мир). В контексте развития кинообраза Куртца золотая ветвь ассоциируется с безнаказанностью смертного, возомнившего себя повелителем двух миров (живых и мёртвых), а воинственность средневекового рыцарства легитимизирует современную войну как состояние бытия.

Смысл эпиграфа к поэме Т.С. Элиота «Полые люди» – «*Mistah Kurtz – he dead*» («Миста Куртц – он мёртвый») не только реализуется в finale фильма на сюжетно-фабульном уровне (гибель полковника Куртца от рук Уилларда), но и характеризует психологический портрет киногероя, уже мёртвого изнутри. Неслучайно ближе к финалу полковник цитирует строки из «The Hollow Men», проникнутые безысходностью и ужасом, что звучит как признание в собственной душевной пустоте и этической несостоятельности: «*Мы пусты и мы набиты, / Отираясь друг на друга, / С головой, соломой полной, / Увы! / Голоса сухие наши, / Когда вместе шепчем мы, / Так пусты и неразумны, / Словно ветер в сухой траве / Или топот лапок крысы по разбитому стеклу / В давно осушенном домашнем погребке. / Форма без контура, тень без оттенков / Парализованная сила, жест без движенья <...>*» (Пер. наш. – Е. Г.) [4].

Завершающей стадией развития образов Куртца (агента в повести и полковника в фильме) становится смерть, которая осмысливается как освобождение от ужаса перед самим собой. В отличие от повести, в фильме Куртца убивает Уиллард, который после этого и сам становится воплощением зла, т. е. «Куртцем», и здесь наша позиция перекликается с мнением А. Аствацатурова, который полагает, что Уиллард становится Куртцем, потому что «он зашёл в ритуальную зону – значит, его нет, он не существует. <...> Его затягивает это зло» [1]. Но, несмотря на сюжетные расхождения, авторы фильма сохраняют конрадовское понимание происходящего. В последних словах умирающего литературного героя «– Ужас! Ужас!» – Марлоу усматривает приговор жизни и отчаянное отражение правды: «*Он подвёл итог и вынес приговор: «Ужас!». Он был замечательным человеком. В конце концов, в этом слове была, какая-то вера, прямота, убеждённость; в шёпоте слышалась выбириующая нотка возмущения, странное слияние ненависти и желания, – это слово отражало странный лик правды*» [3, с. 96]. Последние слова умирающего полковника Куртца («– Ужас! Ужас!») звучат в фильме, сопровождаемые кадрами убийства буйвола и крупным планом искажённого лица Уилларда – убийцы Куртца – как материализация этого ужаса. Не только антивоенная, но и антицивилизационная направленность фильма актуализирована его заглавием – «Апокалипсис сегодня». Библейский Апокалипсис – это и свершение Страшного суда, и очистительный переход от зла к добру, к чистоте вечной жизни. Уиллард же, пришедший к рациональному, как ему кажется, выводу уничтожить зло в лице Куртца, своим

преступлением словно перетягивает это зло на себя, умножая его, и оно, по сути, теперь неуничтожимо. «Благие» намерения Уилларда (злом побороть зло) ввергают его самого в грех человекаубийства и экзистенциальный ад. Война, согласно Конраду и Копполе, является спутником человечества с давних времён, но, как ни парадоксально, именно сухая дегуманизированная рассудочность западной цивилизации вносит в войны особую иррациональную жестокость, деформируя психику и первично гуманные жизненные установки.

Речь полковника, обращённая к Уилларду – «*Я видел ужасы те же, что и ты. Но у тебя нет права называть меня убийцей. У тебя есть право убить меня. Но права судить меня тебе никто не давал. Невозможно словами описать то, что требуется, для тех, кто не представляет себе, что такое ужас. Ужас... Ужас есть лицо. Ты должен подружиться с ужасом. Ужас и смертельный страх – твои друзья, потому что в противном случае они станут врагами, которых ты убояешься*» [4] – подчёркивает антигуманность войны, её чуждость человеческой природе и Божественному промыслу, а евангелическая апология (*Не судите, да не судимы будете*) становится в устах героя одновременно дьявольским перевёртышем (по сути – оправданием зла) и приговором (плата мерой за меру, злом за зло).

Итак, фильм Ф. Ф. Копполы «Апокалипсис сегодня», созданный на основе литературного текста-источника – повести Дж. Конрада «Сердце тьмы», использует при формировании образа полковника Куртца все интермедиальные приёмы, свойственные языку кинематографа, – сохранение, воспроизведение, дополнение, сокращение, трансформацию и т.п. Исследование взаимодействия двух этих художественных текстов – первичного (повесть «Сердце тьмы») и вторичного (кинофильм «Апокалипсис сегодня») – с учётом элементов интермедиальности позволяет сделать вывод о сохранении в киноверсии Ф. Копполы основных психологических и философских посылов повести Дж. Конрада «Сердце тьмы», спроецированных на личность главного киногероя, полковника Куртца. Дальнейшие наблюдения над кинообразами Копполы, соотнесёнными с литературными прототипами Конрада, их визуализация в фильме и, шире, «перевод» языка художественной литературы на язык кино, могут стать отдельным аспектом изучения данного кинотекста как интермедиального феномена.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аствацатуров А. Курс лекций о британской литературе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://electrotheatre.ru/events/spektakl-apokalipsisa-dzhozef-konrad-i-ego-povest-serdce-tmy> (Дата обращения: 21.09.2017).
2. Григорьянц Е.И. Книга в контексте современной культурной коммуникации / Е.И. Григорьянц // Книга: исследования и материалы. Сб. 82. – М., 2004. – С. 51–59.
3. Конрад Дж. Сердце тьмы / Дж. Конрад // Конрад Дж. Сердце тьмы. Избранное в двух томах. – Том 2. – М., 1959. – С. 5–104.
4. Апокалипсис сегодня. – Режим доступа: <http://kinozal.tv/details.php?id=963067> (Дата обращения: 07.06.2020).
5. Рикёр П. Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике / пер. с фр. и вступит. ст. И. Вдовиной. – М., 2002. – 119 с.
6. Скоропанова И.С. Русская постмодернистская литература: Учеб. пособие. – 3-е изд., изд., и доп. – М.: Флинта: Наука, 2001. – 608 с. – Режим доступа: <https://textarchive.ru/c-1814783.html> (Дата обращения: 07.01.2020).
7. Усманова А.Ф. Умберто Эко : парадоксы интерпретации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rulit.me/books/umberto-eko-paradoksy-interpretsii-read-217675-1.html> (Дата обращения: 10.09.2017).

8. Хаминова А.А. Теория интермедиальности в контексте современной гуманитарной науки / А.А. Хаминова, Н.Н. Зильберман // Вестник Томского государственного университета, 2014. – Вып. 389. – С. 38–45.
9. Ямпольский М.Б. Что такое кинокритика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://os.colta.ru/cinema/events/details/35533?expand=yes#expand> (Дата обращения: 09.12.2019).
10. Симбирцева Н.А. Экранизация как визуализированный текст: к постановке проблемы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.km.ru/referats/334698-ekranizatsiya-kak-vizualizirovannyi-tekst-k-postanovke-problemy> (Дата обращения: 09. 12.2019).

Поступила в редакцию 10.06.2020 г.

**IMAGE OF KURTZ IN NOVEL «HEART OF DARKNESS» BY J. CONRAD
AND FILM «APOCALYPSE NOW» BY F.F. COPPOLA:
INTERMEDIAL ASPECT**

E.E. Gerasimenko

The article addresses the artistic interaction of such types of art as literature and cinema, which results in cinematic interpretation and reinterpretation of the literary basis. "Apocalypse Now" (1979) by F. Coppola, which is the film adaptation of the novel "Heart of Darkness" (1902) by J. Conrad, is considered through the angle of a comparative analysis of the literary and cinematic images of the agent / Colonel Kurtz. The elements of intermediality are involved in the analysis.

Key words: interpretation, re-interpretation, literary source / film text, image / cinematographic image, philosophical background, transformation.

Герасименко Екатерина Евгеньевна.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
Преподаватель кафедры английского языка для
экономических специальностей.
Email: iya-rosh@yandex.ru

Gerasimenko Ekaterina Evgenevna.
Donetsk National University.
Teacher of English for economic specialities
Department.
Email: iya-rosh@yandex.ru

**ТЕРМИН КАК ЯЗЫКОВОЙ ЗНАК: ОСНОВНЫЕ ЕГО ПРИЗНАКИ
И ХАРАКТЕРИСТИКИ
(НА ПРИМЕРЕ ПОНЯТИЙНО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ СФЕРЫ «ЗАКОН»)**

© 2020. Ю.Ю. Жуков
ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»

В статье проанализированы основные признаки и характеристики термина как языкового знака. Материалом исследования послужили примеры использования терминов понятийно-терминологической сферы «Закон». Рассмотрены различные подходы к толкованию термина и основные требования, которым должен соответствовать термин с точки зрения лингвистики. Автор проводит анализ соответствия этим критериям термина «закон» как языкового знака.

Ключевые слова: термин, терминосистема, закон, юриспруденция, право.

Согласно данным «Лингвистического энциклопедического словаря» под редакцией В.Н. Ярцевой под термином следует понимать «<...> слово или словосочетание, обозначающее понятие специальной области знания или деятельности. Термин входит в общую лексическую систему языка, но лишь через посредство конкретной терминологической системы (терминологии)» [5, с. 508].

Основоположником терминологии русского языка как науки о языковой сущности термина является Д.С. Лотте. Однако и на сегодняшний день существуют различные точки зрения на дефиницию термина и особенности, критерии, которым должен соответствовать языковой знак как термин, элемент терминосистемы или терминологии. Для определения основных признаков и характеристик термина следует провести анализ его словарных дефиниций, представленных различными исследователями. В.И. Кодухов определяет термин как «слово или составное наименование, созданное для обозначения понятия науки и техники, разных областей знания» [4, с. 179]. М.Н. Володина в своей работе «Теория терминологической номинации» понимает под термином «... слово или словосочетание специальной сферы употребления, создаваемое (заимствуемое, принимаемое) для точного выражения специальных понятий и основанное на дефиниции» [3, с. 25]. К.Я. Авербух характеризует термин как «<...> элемент терминологии (терминосистемы), представляющий собой совокупность всех вариантов неязыкового знака или устойчиво воспроизводимой синтагмы, выражающих специальное понятие определенной области знания» [1, с. 131]. Зарубежные исследователи толкуют термин как «... Bezeichnung für einen Begriff oder Sachverhalt, der nur in einem bestimmten Fach- oder Wissenschaftsbereich Gültigkeit hat» («... обозначение для понятия или предмета, которое действует только в определенной профессиональной или научной области») [9, с. 270].

Сопоставляя приведенные дефиниции, мы можем увидеть сходство подходов к определению термина с лингвистической и общенаучной точек зрения. Как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике термин рассматривают как единицу терминосистемы, совокупности терминов, функционирующих и обслуживающих определенную область науки и жизни. Термин как языковой знак призван вербализовать определенный предмет или явление действительности, его задачей является четкое обозначение этого предмета или явления. Определенные области

человеческой деятельности и науки используют конкретный набор терминов, который формирует их терминосистему.

Исходя из вышесказанного, мы будем придерживаться этого подхода и основываться на определении термина, которое дается в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» под редакцией В.Н. Ярцевой. Цель исследования состоит в уточнении признаков и характеристик терминов, обращая внимание на наивно-языковую их составляющую. Материалом исследования послужили термины понятийно-терминологической сферы «Закон». Примеры словоупотреблений были взяты как из энциклопедических, толковых, фразеологических словарей, так и из текстов публицистических изданий, специализирующихся на тематике юриспруденции.

Как показывает анализ научной литературы и материал нашего исследования термин целесообразно рассматривать не только как языковую единицу, обозначающую понятие специальной области знания или деятельности. Термин имеет двойственную природу – как «знак интеллектуально зрелого понятия» и как «знак прототипической категоризации понятия» [7]. В этой связи убедительным является подход Э.А. Сорокиной, которая в работе «Когнитивные аспекты лексического проектирования (к основам когнитивного терминоведения)» [7] рассматривает термины с позиции двух парадигм – так называемой «старой» и «новой». С позиций «старой» парадигмы под «термином» автор (и мы вслед за ним) понимает «знак интеллектуально зрелого» и ясно очерченного понятия в сфере специальной коммуникации» (общепринятый подход). Напротив, с позиций «новой парадигмы» Э.А. Сорокина относит термины к «знакам прототипической категоризации понятия [7], реализованной в «наивных» представлениях носителей языка. В этой связи автор считает, что «переход лексической единицы из статуса общеупотребительного слова, отражающего своим значением общие представления об объекте, в статус термина, являющегося специальным названием научного понятия, связан с прохождением трех этапов в развитии мышления наивного, преднаучного и научного» [7, с. 6]. Если согласиться с тем, что «превращение слова в термин – это исторический процесс, связанный с поступательным развитием мышления и зависимый от него», то термины – это не только результат научного осмысления и вербализации понятия, но и языковые знаки, в которых отображается донаучное представление о мире (в нашем случае, «наивные» знания носителей русской лингвокультуры о нормах и законах общества).

Учитывая двойственную природу термина, мы терминологию понятийно-терминологической сферы (далее – ПТС) «Закон» считаем, с одной стороны, системой языковых знаков, которые наделены понятийной составляющей и включены в определённую научную область знания. С другой стороны, языковыми знаками, которые передают «наивные» представления о нормах и законах общества и выступают, например, компонентами фразеологических единиц языка.

Немало терминов ПТС «Закон» имеют исконно русское происхождение. К таким единицам относятся лексемы *право*, *закон*, *кара*, *суд* и др., образующие терминосистему, под которой мы понимаем упорядоченную совокупность терминов, которым присуща обязательная и неотъемлемая связь и которые адекватно выражают систему понятий специальной сферы человеческой деятельности. Особенностью развития терминов является переход единиц русской терминосистемы из одной области знания в другую (ср. *закон* как термин юриспруденции и *закон* в науке, *защитник* как адвокат в судебном процессе и *защитник* как футбольный игрок, *наследование* в юриспруденции и *наследование* в биологии). Механизм перехода термина из одной области знания в другую получил название ретерминологизации. Такие процессы

свидетельствуют о переносе понятий, процессов из одной отрасли в другую на основе сходства этих понятий и процессов. Также это свидетельствует о взаимопроникновении и интеграции знаний, механизмов, методов в профессиональной и научной деятельности человека.

Русская терминосистема ПТС «Закон» сформирована и благодаря заимствованиям из других языков. Одной из особенностей таких заимствований является калькирование и транслитерация. При калькировании, т.е. дословном переводе морфемных элементов слова, зачастую сохраняется и морфемная структура термина. Это можно проследить при сравнении терминов юриспруденции в русском, украинском и немецком языках: ср. законопроект (рус.) – законопроект (укр.) – *der Gesetzentwurf*; законодательство (рус.) – законодавство (укр.) – *die Gesetzgebung* (нем.), противозаконный (рус.) – противозаконний (укр.) – *gesetzeswidrig* (нем.); поправки к закону (рус.) – *поправки до закону* (укр.) – *die Gesetzesänderungen* (нем.). Приведенные выше примеры калькирования иллюстрируют принцип единообразия и унификации терминосистем одной области в различных языках. Дословный и последовательный перевод термина либо его частей обуславливает универсальность значения данного языкового знака. Однако стоит отметить тот факт, что в близкородственных языках (например, в русском и украинском) термины, выраженные словосочетаниями, также переводятся как словосочетания: рус. *законные требования* – укр. *законні вимоги*, *уголовный кодекс* – *карний кодекс*, рус. *генеральная прокуратура* – укр. *генеральна прокуратура*. Напротив, в немецком языке, ввиду его тяготения к синтетическому типу языков, наблюдается тенденция к образованию композитов, т.е. слов с несколькими корневыми морфемами: *die Gesetzforderungen* ‘законные требования’, *das Strafgesetzbuch* ‘уголовный кодекс’, *die Generalstaatsanwaltschaft* ‘генеральная прокуратура’.

В формировании юридической терминосистемы также последовательно реализован механизм транслитерации. Анализ юридической терминологии показал, что значительная часть терминов русскоязычной юридической терминосистемы заимствована из латыни (*конституция*, *легитимность*, *патронат*, *депозит*, *казус*, *плебисцит*), греческого (*геноид*), французского (*паспорт*, *денонасия*, *коносамент*) и итальянского (*бандитизм*) языков. Такой способ образования юридических терминов позволил максимально точно охарактеризовать тот аспект права, который реализовался в отечественном правоведении. Наличие подавляющего большинства терминов латинского происхождения объясняется тем фактом, что система права сформировалась именно в Римской империи.

Характерным явлением, присущим терминосистемам, является процесс детерминологизации, т.е. перехода термина в разряд общеупотребительной лексики. Детерминологизация связана с тесной интеграцией повседневной действительности в профессиональную и научную деятельность; ср.: «законы жанра». С другой стороны, терминами становятся лексические единицы из состава общеупотребительных слов. На наш взгляд, важным является то, что далеко не всегда термины, которые перешли в разряд общеупотребительной лексики, прекращают свое функционирование в определенной терминосистеме. Их полисемантизм проявляется в том, что с одной стороны, они функционируют как термины (в рамках своей терминологической сферы), а с другой, используются как общеупотребительные слова, которые способны наделяться дополнительными созначениями. Это позволяет передавать оценочные суждения, приобретать стилистическую окраску и экспрессию. В качестве примеров терминов юриспруденции, которые перешли в разряд общеупотребительной лексики, можно назвать слова *закон*, *суд*, *власть*, а также связанные с процессом

детерминологизации сочетания *закон жизни, людской суд* и реализуемое лексемой *власть* значение ‘сила’. Показательно, что только исконно русские термины ПТС «Закон» (закон, суд, власть и др.) приобретают дополнительную лингвокультурную семантику, которая реализуется в составе фразеологических единиц. Ср.: «На птичьих правах», «Сидорова правда да Шемякин суд», «Всеми правдами и неправдами», *На нет и суда нет*» [2, с. 568–570, 676–677].

Перечисленные особенности терминов отображаются в структуре их лексического значения. Анализ словарных дефиниций слова *закон* позволяет говорить о том, что кроме основного (терминологического) значения данный полисемант имеет ЛСВ, в которых отображены «примитивные» представления о нормах и законах общества. Ср.: закон – это 1. Нормативный акт высшего органа государственной власти, принятый в установленном порядке и обладающий высшей юридической силой. *Закон об охране общественной собственности*. 2. Строгое, непререкаемое предписание, веление. *Он вас бесконечно уважает и каждое слово ваше пример за закон для себя* (Писемский). 3. Общепринятое правило, обычай. *Закон дружбы*. 4. Основные положения в каком-л. деле, обусловленные его сущностью. *Закон правописания*. 5. Объективно существующая необходимая связь между явлениями, внутренняя существенная связь между причиной и следствием. *Законы развития природы и общества*. *Закон «всемирного тяготения*. 6. *устар.* Религиозное учение, религия [6]. Языковой знак *закон* выступает термином при актуализации (1) лексического значения; общие представления об объекте отображены во (2), (4), (5) ЛСВ; культурно значимая семантика, содержащая отношение носителей русской лингвокультуры к рассматриваемому объекту или явлению, зафиксирована в (3) и (6) ЛСВ. Полисемантизм языковой единицы *закон* – это, с одной стороны, результат научного осмыслиения и вербализации понятия, с другой, – отображение донаучных представлений о мире («примитивных» знаний носителей русской лингвокультуры о нормах и законах общества). Ср.: «Что законы, когда судьи знакомы», «кулачный закон», «закон, что дышло» [2].

При этом важно иметь в виду, что вопросы, связанные с элемента лексического значения и механизмами изменения лексического значения, относятся к числу сложных, так как напрямую связаны «с историей языка и зависят от развития мышления человека, поскольку благодаря познавательным способностям человеческого мышления устанавливаются отношения имени и объекта наименования» [7, с. 12]. Как справедливо полагает Э.А. Сорокина, «смысловой объем слова (семантическая емкость) – явление чрезвычайно подвижное, зависящее от экстраполингвистических и интраполингвистических факторов» [7, с. 12], в результате которых «одна и та же звукобуквенная оболочка, функционируя в разных функциональных системах, выступает как консубстанциональный термин» [7, с. 12]. Мы вслед за Э.А. Сорокиной под как консубстанциональными терминами понимаем «лексемы (чаще всего однословные), пришедшие из общеупотребительного языка в профессиональную речь и получившие в результате терминологизации специализированное (профессиональное) значение, или пришедшие в общеупотребительный язык из профессиональной речи в результате детерминологизации» [7, с. 13].

К сущностным характеристикам термина как языкового знака относятся: 1) системность; 2) наличие дефиниции (для большинства терминов); 3) тенденция к моносемичности в пределах своего терминологического поля, т. е. терминологии данной науки, дисциплины или научной школы (поэтому такие термины, как

«функция» в математике, физиологии и лингвистике, принято называть межотраслевыми омонимами); 4) отсутствие экспрессии; 5) стилистическая нейтральность. Давайте рассмотрим термин «закон» в рамках данных аспектов [4].

Если говорить о (1) системности термина *закон*, то он занимает центральное положение в юридической терминосистеме и соотносится с другими терминами, в числе которых *право, суд, власть, параграф, статья, конституция*. Системность термина *закон* также коррелирует с системностью понятия «закон». Законы занимают основное положение в структуре законодательной базы как юридической основы государства. С одной стороны, законы как нормативные государственные акты являются частью законодательной базы, т.е. образуют нормативно-правовую основу государства и выступают составной частью, структурной единицей более крупной структуры. С другой стороны, любой закон состоит из статей, параграфов и частей, т.е. имеет свою внутреннюю структуру. На основании законов создаются также отдельные документы, которые обеспечивают разъяснение и уточнение функционирования законов: указы, распоряжения, подзаконные акты, инструкции. Тем самым, юридический закон является системно организованным понятием, которое выражается через терминосистему.

Для большинства терминов характерно (2) наличие дефиниции. Исследуя термин *закон*, мы можем констатировать, что в подавляющем большинстве источников с помощью данной лексемы описывается нормативно-правовой акт, принятый государственной властью как общеобязательное требование. Существуют различия в толкованиях закона с юридической точки зрения, с позиций общечеловеческих ценностей и с точки зрения науки. Однако в толковании закона с позиций этих подходов сохраняется общая тенденция понимать закон как общеобязательное правило, инструкцию, непреложную истину в природе. Такое понимание закона также способствует унификации этого термина в разных языках, устраниет возможности неоднозначного толкования и использования данного термина.

Тенденция к моносемичности терминов в пределах своей терминосистемы (3) связана с вышеописанной характеристикой (2). Наличие дефиниции и тенденция к моносемичности взаимосвязаны и призваны исключить неоднозначное понимание терминов. Если рассматривать вышеописанную структуру лексического значения слова *закон*, то она включает 6 вышеописанных значений [6], которые условно можно разбить на три сферы функционирования: государственный закон, моральный закон, закон науки. Показательно, что в работе «Константы: Словарь русской культуры» [8, с. 593] Ю.С. Степанов указал на эти сферы, причисляя их к особенностям русской лингвокультуры: а) в виде установленных государством правил и ограничений свободы (государственные законы), б) моральных правил и установок, совпадающих также с нормами религии (нравственный закон, «неписаный закон», «божий закон»), в) законов науки. Несмотря на актуализацию различных сфер деятельности и вышеобозначенную многозначность *закон* как термин моносемичен в пределах своей терминосистемы.

Следующая характеристика термина – (4) отсутствие экспрессии – также последовательно реализована в языковом знаке *закон*. Этому способствует сфера функционирования термина – юридический дискурс. В рамках данного дискурса значение термина максимально нейтрально, непредвзято, содержит четкость формулировок. Анализируемые примеры употребления термина *закон* отличаются отсутствием экспрессии, оценочного субъектного отношения. При этом экспрессия и субъектная оценка в структуре лексического значения слова *закон* может проявляться в случае отображения «наивных» знаний носителей русской

лингвокультуры о нормах и законах жизнедеятельности общества (ср. примеры употребления лексемы *закон* в составе фразеологических единиц: *кулачное право*; *Шемякин суд*; *Нужда свой закон пишет*).

Стилистическая нейтральность (5), характерная для терминов, соотносится с обозначенной выше чертой – с отсутствием экспрессии. Наиболее типичной сферой функционирования термина *закон* является официально-деловой стиль. В случае использования термина *закон* в массмедиативных текстах, при описании процедур принятия, внедрения, функционирования законов происходит перенос черт официально-делового стиля в публицистический: четкость, ясность, однозначность, отсутствие экспрессии и субъективной оценки. Однако при анализе и рассмотрении частных случаев, а также интерпретации государственных актов допустима субъективная оценочность: «*скандальный закон*», «*Управляемая Конституция*», «*Закон мешает курорту*».

Проанализировав лексему *закон* с позиций вышеобозначенных черт, мы можем заключить, что данная языковая единица обладает всеми характеристиками, присущими терминам, соответствует требованиям, предъявляемым к данной группе языковых знаков. При этом следует отметить, что перечисленные черты целесообразно классифицировать в две группы, составляющие элементы которых образуют устойчивые связи по семантическому и стилистическому признакам. Первая группа объединяет системность; наличие дефиниции, тенденцию к моносемичности в пределах своей терминосистемы. Эти критерии являются семантическими чертами терминов. Вторая группа включает отсутствие экспрессии и стилистическую нейтральность. Эти критерии относятся к числу стилистических, так как характеризуют термины как языковые знаки с точки зрения лингвостилистики.

Проанализировав основные признаки и характеристики терминов на примере понятийно-терминологической сферы «Закон», можно прийти к выводу, что *закон* как языковой знак соответствует всем критериям, предъявляемым к терминам. Данные критерии целесообразно разделить на семантические и стилистические. При этом термин *закон* занимает центральное место в терминосистеме юриспруденции и включает три терминосферы. Перспективой исследования является описание структуры терминосферы юриспруденции, в которую входит термин «Закон». Элементы трёх терминосфер (государственный закон, нравственный закон, закон науки) могут исследоваться как с точки зрения научных знаний, так и с точки зрения примитивной, донаучной картины мира, в которую включены данные термины. При этом будет прослеживаться связь и взаимоотношения между парадигмами научного и донаучного знаний, представлений и оценок с точки зрения лингвокультурологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авербух К.Я. Общая теория термина / К.Я. Авербух. – Иваново : Изд-во «Ивановский гос. ун-т», 2004. – 252 с.
2. Бирих А.К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь : ок. 6000 фразеологизмов / СПбГУ; Межкаф. словарный каб. им. Б.А. Ларина; А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова ; под ред. В.М. Мокиенко. – 3-изд., испр. и доп. – М. : Астрель : АСТ : Хранитель, 2007. – 926 с.
3. Володина М.Н. Теория терминологической номинации / М.Н. Володина. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1997. – 180 с.
4. Кодухов В.И. Введение в языкознание : Учеб. для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 Рус. яз. и лит. / В.И. Кодухов ; 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Просвещение, 1987. – 288 с.
5. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М. : Сов. энцикл., 1990. – 685 с. (указатель к словарю составлен С.А. Крыловым).

6. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистических исследований ; Под ред. А.П. Евгеньевой. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/08/ma152942.htm> (дата обращения: 02.07.2020).
7. Сорокина Э.А. Когнитивные аспекты лексического проектирования (к основам когнитивного терминоведения) / Э.А. Сорокина : АДД. – 2007. – Моск. гос. обл. ун-т. – М., 2007. – 45 с.
8. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. ; изд. 3-е, испр. и доп. – М. : Академический проект, 2004. – С. 591–620.
9. Kleines Wörterbuch: Kleines Wörterbuch sprachwissenschaftlicher Termini / Herausgeber Rudi Conrad; Auoren Brigitte Bartschhaft, Rudi Conrad Wolfgang Heinemann et al. – Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1975. – 306 S.

Поступила в редакцию 23.08.2020 г.

TERM AS A LANGUAGE SIGN: ITS BASIC SIGNS AND CHARACTERISTICS (ON THE EXAMPLE OF THE CONCEPT-TERMINOLOGICAL SPHERE "LAW")

Iu.Iu. Zhukov

The article analyzes the main aspects of the concept and classification of the term as a language sign. The material served as examples of the use of terms of the conceptual and terminological sphere "Law". Various approaches to the interpretation of the term and the basic requirements which the term must meet from the point of view of linguistics are considered. The author analyzes the compliance of these criteria with the term "law" as a language mark.

Key words: term, term system, law, jurisprudence, law.

Жуков Юрий Юрьевич.

ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков».

Преподаватель кафедры романо-германской филологии.

E-mail: zhukov_i_1990@mail.ru

Zhukov Iurii Iuriyevich.

Gorlovka's Institute for Foreign Languages.

Lecturer of Romanic and Germanic Philology Department.

E-mail: zhukov_i_1990@mail.ru

АНГЛО-ШОТЛАНДСКАЯ НАРОДНАЯ БАЛЛАДА «ПРЕКРАСНАЯ МАРГАРЕТ И МИЛЫЙ ВИЛЬЯМ» В ПЕРЕВОДЕ П.И. ВЕЙНБЕРГА

© 2020. *А.В. Кузьмина*
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье анализируется англо-шотландская народная баллада «Fair Margaret and Sweet William» («Прекрасная Маргарет и милый Вильям») и ее прочтение русским поэтом-переводчиком П.И. Вейнбергом. В работе освещена история создания подлинника и перевода баллады, проанализированы роль и функции языковых средств разных уровней в выражении идеино-тематического содержания баллады, отмечены переводческие удачи и потери.

Ключевые слова: баллада, перевод, поэтика, компаративный анализ, Вейнберг.

Старинной англо-шотландской балладе «Fair Margaret and Sweet William» («Прекрасная Маргарет и милый Вильям») принадлежит особая роль в истории романтизма. Ее сюжет, повествующий о любви, которая оказалась сильнее страданий и смерти, в различных вариациях стал известен во многих англоговорящих странах. Баллада неоднократно становилась предметом рассмотрения зарубежных ученых, среди которых Д. Аткинсон [16], Х. Шилдс [22], Б. Бронсон [18], Т. Коффин [19]. Существует несколько переводов этой баллады на русский язык, первый из которых принадлежит поэту-переводчику П.И. Вейнбергу. Изучением переводческого наследия П.И. Вейнберга занимались такие исследователи, как Ю.Д. Левин [10], Л.Л. Нелюбин [11], Д.Н. Жаткин [8], Т.В. Корнаухова [9], К. Тарановский [12], М. Янкович [15]. Тем не менее, насколько нам известно, системный анализ перевода этой баллады П.И. Вейнбергом отсутствует.

Цель данной статьи заключается в проведении компаративного лингвостилистического и поэтического анализа англо-шотландской народной баллады «Прекрасная Маргарет и милый Вильям» и ее перевода П.И. Вейнбергом.

Баллада «Fair Margaret and Sweet William» («Прекрасная Маргарет и милый Вильям») стала известна сравнительно рано. Впервые она появляется в лубочном издании 1720 г., которое послужило источником для последующих публикаций. Однако широкую популярность ей принес сборник Томаса Перси «Памятники старинной английской поэзии» («Reliques of Ancient English Poetry», 1765), в котором баллада была перепечатана без существенных изменений [1, с. 473].

Интересно, что еще в начале XVII в. в пьесе Фрэнсиса Бомонта и Джона Флетчера «Рыцарь пламенеющего пестика» («The Knight of the Burning Pestle», 1607 г.) упоминаются строки, похожие на содержащиеся в балладе: «When it was growne to darke midnight, / And all were fast asleepe, / In came Margarets grimely Ghost, / And stood at Williams feete» [17, с. 50]. Как отмечает Л. Аринштейн, это свидетельствует о «широкой известности баллады в период ее устного бытования» [1, с. 473].

В балладе повествуется о юноше Вильяме и девушке Маргарет, которые любили друг друга. Вильям изменил своей возлюбленной и женился на другой. В день их свадьбы Маргарет, сидя у окна, видит Вильяма с его невестой и умирает от несчастной любви. Ночью Вильяму является призрак Маргарет, а во сне он видит залитое кровью брачное ложе. Наутро Вильям отправляется в дом Маргарет и целует тело умершей

девушки. Тоскуя по ней, он умирает от горя на следующий день. Вильяма и Маргарет хоронят в одной церкви, и из их могил вырастают шиповник и роза, которые тянутся под самый свод и сплетаются между собой в любовный узел.

Существует множество версий и обработок баллады. Одну из наиболее известных приписывают шотландскому поэту Дэвиду Моллету, который взял за основу своего произведения четыре строки из пьесы Бомонта и Флетчера. В.Э. Вацуро указывает, что баллада «Прекрасная Маргарет и милый Вильям» вошла и в немецкую литературу – через творчество Гельти и Бюргера. Кроме того, ее популяризировал Гердер своими «Голосами народов в песнях» («Wilhelms Geist» и «Wilhelm und Margret») [2, с. 274].

На русский язык впервые баллада была переведена П.И. Вейнбергом под названием «Вильям и Маргарита (Шотландская народная баллада)» и напечатана в «Отечественных записках» за 1868 г. [4].

П.И. Вейнберг (1831–1908) был одним из ведущих русских поэтов-переводчиков второй половины XIX века. Он познакомил русских читателей с произведениями Гейне, Гете, Лессинга, Шекспира, Шиллера, Шелли, Гюго и многих других зарубежных писателей и поэтов. По словам Ю.Д. Левина, переводы Вейнберга предназначались, прежде всего, для расширявшегося круга читателей, «которым по незнанию языка оригинал был недоступен. Таким читателям нужна прежде всего полная информация о переведенном произведении, и достоинством перевода в их глазах является достоверность, а достоинством переводчика – добросовестность» [10]. Это во многом обусловило переводческую стратегию П.И. Вейнберга. По его мнению, «переводчику надо добиваться лишь того, чтобы переводной текст оказал такое же воздействие на своих читателей, как и оригинал» [Цит. по: 15, с. 200]. Для этого «хороший переводчик обязан стремиться как можно точнее передать мысли, настроение и все важные (не только положительные) детали исходного текста (эпитеты, образные выражения), так как они отражают художественные особенности оригинального произведения» [Цит. по: 15, с. 200]. Чтобы в полной мере передать содержание оригинала, П.И. Вейнберг, по замечанию Ю.Д. Левина, стремился «сделать главную мысль стихотворения ясной и понятной», при этом не уделяя «особого внимания внешней поэтической форме» [10].

Т.В. Корнаухова пишет, что поводом к созданию перевода баллады «Вильям и Маргарет» послужил «интерес П.И. Вейнберга как переводчика к шотландскому устному народному творчеству», достаточно стабильный, но при этом нерегулярный, «о чем свидетельствуют, с одной стороны, появление его новых переводов шотландских баллад на протяжении длительного времени – в 1860–1890-е гг., а с другой – единичность этих переводов» [9, с. 69].

В результате сравнительного лингвостилистического и поэтологоческого анализа были выявлены следующие особенности его перевода баллады «Прекрасная Маргарет и милый Вильям».

Тонический стих, свойственный английской народной поэзии, П.И. Вейнберг передает пятистопным хореем. При этом мажорный лад и некоторая шутливость хорея нейтрализуется достаточно длинной стихотворной строкой. М. Гаспаров указывает на связь пятистопного хорея с русской народной былиной [7, с. 83]. Д.А. Холина, в свою очередь, отмечает, что в славянской культуре за пятистопным хореем закрепилась скорбная, минорная тематика, его можно встретить в стихотворениях о жизненном пути, а также о любви и смерти [13, с. 191].

Английский вариант характеризуется частым использованием аллитерации, традиция которой восходит к древнеанглийской поэзии, где она играла ту же роль, какую в современной поэзии играет рифма. В балладе «Вильям и Маргарита» можно

найти отголоски этого старинного аллитерационного стиха: «*Deal on, deal on, my merry men all*», «*I dreamt a dream, my dear ladyè*», «*And my bride-bed full of blood*», «*brown bride*», «*leave of my ladiè*». В переводе не было сделано акцента на звукописи; фонетические стилистические приемы применяются П.И. Вейнбергом лишь эпизодически. Так, можно отметить скопление свистящих и шипящих звуков в сцене, где дух Маргарет приходит к спящему Вильяму. Здесь это помогает создать ощущение приглушенного, еле слышного шепота: «*Милый друг, ты спишь теперь иль слышишь, / Что стою я здесь перед тобой?*».

На принадлежность англо-шотландской баллады к старинному народному творчеству указывают такие лексические, грамматические и синтаксические особенности, как архаизмы (*methinks, yonder*), устаревшие формы существительных (*brethren, combe, ladie, mone*), местоимений (*thy, thee*) и глаголов («*She hath lost her cherry red*»), формы перфекта с вспомогательным глаголом «*be*», присущие среднеанглийскому («*When day was come and night was gone*»), балладные эпитеты (*sweet William, fair Margaret, golden hair, cherry red, true love*), тавтологические подлежащие, характерные для английского народно-песенного творчества («*Two lovers they sat on a hill*»). Напевность и мелодичность усиливается в балладе благодаря параллелизмам и повторам:

- «*I see no harm by you, Margarèt, / And you see none by me*»;
- «*Deal on, deal on, my merry men all, / Deal on your cake and your wine*»;
- «*I dreamt a dream, my dear ladyè, / Such dremes are never good*»;
- «*Fair Margaret dyed to-day, to-day, / Sweet William dyed the morrow*».

Во многих случаях П.И. Вейнберг удачно воспроизводит эти синтаксические приемы:

- «*Ты во мне не видишь недостатков, / Я в тебе не вижу тоже их*»;
- «*Пополам делите эти вина, / Яства эти – тоже пополам: / Часть раздать у ней на погребеньи, / Часть сберечь к моим похоронам.*»;
- «*И её на верхних хорах церкви, / А его на нижних погребли; / У нея из груди вышла роза, / У него – терновник...*».

Придавая балладе более возвышенный и литературный характер, переводчик время от времени прибегает к старославянской лексике. Если в подлиннике «все люди проснулись» («*all men wak'd from sleep*»), то в переводе «*восстали все от сна*»; в оригинале Вильям выставляет для поминок Маргарет пирог и вино («*your cake and your wine*»), в переводе же он предлагает «*яства*». Встречается в переводе П.И. Вейнберга и народно-поэтическая лексика: «*волоса чесала золотые*», «*грусть-тоска*». Особенno «*поэтическим и вместе с тем емким*» называет Т.В. Корнаухова фольклорный образ сырой земли, которым П.И. Вейнберг заменил образ могилы и савана: «*Бог спаси тебя на брачном ложе, / А меня – в земле моей сырой*» [9, с. 76].

Сложно сказать определенно, колорит какой страны воссоздает в своем переводе П.И. Вейнберг. Главная героиня баллады – Маргарет – названа русским именем Маргарита только в заглавии и первом стихе, в остальных же случаях используется немецкий вариант имени (Гретхен). Возможно, таким образом переводчик делает аллюзию на Маргариту из «Фауста» Гете, где также поднимается тема запретной, не узаконенной церковью любви. Возлюбленного Маргарет П.И. Вейнберг в первой публикации перевода 1868 г. называет Вильгельмом [4] – именем, имеющим немецкое происхождение. Однако уже в сборнике Н.В. Гербеля «Английские поэты в биографиях и образцах» 1875 г. главный герой носит традиционное английское имя Вильям [3]. Пейзаж, описанный П.И. Вейнбергом, также скорее вызывает ассоциации с лесистыми

ландшафтами Германии и овеянным легендами лесом Шварцвальд: если в подлиннике Вильям и Маргарет сидели на холме (*«they sat on a hill»*), то в переводе они *«в лес пошли и сели там под тень»*.

Образы главных персонажей баллады также претерпевают некоторые изменения в переводе. В подлиннике подчеркивается знатное происхождение Маргарет (например, она расчесывает свои волосы расческой из слоновой кости), в то время как в переводе не делается акцент на ее социальном статусе. Если в английском варианте у Маргарет желтые волосы (*«yellow hair»*), то в русском тексте они золотые (*«Волоса чесала золотые / Утром Гретхен в комнате своей»*). Это может служить аллюзией на *«Лорелею»* Г. Гейне, к переводу которой П.И. Вейнберг уже обращался в 1862 г.: *«На скале высокой села / Дева, чудная краса, / В золотой одежде, чешет / Золотые волоса»* [5, с. 74–75].

В английском варианте баллады Вильям, увидев мертвую Маргарет, хочет поцеловать ее. При этом он называет ее *«несчастным трупом»* (*«I ne'er made a vow to yonder poor corpse»*). Такое грубое обращение к объекту любви, вероятно, можно объяснить тем, что раннее слово *«corpse»* имело несколько другое значение. Согласно Оксфордскому словарю, в среднеанглийском языке (XI–XV вв.) оно использовалось в отношении *«тел живых людей и животных»* (*«denoting the living body of a person or animal»*) [21]. Не учитя эту подробность, П.И. Вейнберг прибегает к дословному переводу, из-за чего в балладу привносится чрезмерный натурализм и психологическая недостоверность: *«Но ни в чем / Трупу я несчастному не клялся / Никогда, ни ночью и ни днем!»*. Примечательно, что в русской версии Маргарет теряет для Вильяма даже признаки пола: *«Я хочу взглянуть на мертвца...»* (Ср. *«Pray let me see the dead»*).

При сравнении подлинника и оригинала заметна разница и в концептуальных оттенках. В английском варианте смерть и тоска соседствуют с радостями любви и удалью. Не случайно жена Вильяма описывается как веселая и смуглая (*«jolly brown bride»*), его слуги (по аналогии с товарищами Робин Гуда) названы веселыми молодцами (*«merry men»*), а дух Маргарет, прияя ночью к возлюбленному, желает ему радость на брачном ложе (*«God give you joy of your gay bride-bed»*). Таким образом, баллада строится на контрасте между погребальным ложем Маргарет и брачным ложем Вильяма. В переводе этот контраст теряется, а акцент сделан, прежде всего, на религиозной составляющей: П.И. Вейнберг опускает слова, обозначающие радостные эмоции (*«jolly»*, *«merry»*, *«gay»*, *«joy»*), а Маргарет в его версии желает Вильяму спасения души (*«Бог спаси тебя на брачном ложе, / А меня – в земле моей сырой»*).

После смерти Маргарет и Вильяма погребают в одной церкви. Эта деталь представляется особенно примечательной, так как раньше обычно хоронили в церковной ограде, в самом же храме хоронили святых или выдающихся людей. Можно предположить, что умершие от любви герои воспринимались как святые в народном сознании. Эта идея еще больше подчеркивается в переводе. Так, в подлиннике Маргарет умерла от чистой верной любви (*«Fair Margaret dyed for pure true love»*), в то время как у П.И. Вейнберга она погибла *«от любви святой»*.

Через время на могилах Вильяма и Маргарет вырастают роза и шиповник. Эта подробность полна говорящей символики. Так, роза является универсальной эмблемой любви, а шиповник во многих культурах считается растением, которое растет на границе своего и чужого мира. Согласно А.Н. Веселовскому, союз цветов или деревьев, вырастающих и сплетающихся на могилах влюбленных, символизирует неодолимую силу любви и имеет интернациональный характер [6, с. 117]. Похожий мотив встречается уже в легенде о Тристане и Изольде, из могил которых вырастают роза и

виноградная лоза, либо шиповник и молодой дуб. В балладе о Вильяме и Маргарет эта идея неразрывного посмертного союза еще более подчеркивается благодаря упоминанию любовного узла (*«true lover's knot»*) – узел, который является символом любви и преданности. Выглядит этот узел как горизонтальная восьмерка [14, с. 82], которая в данном произведении может символизировать бесконечность чувств главных героев.

При переводе П.И. Вейнберг заменяет шиповник (*«briar»*) на терновник. Как отмечает Т.В. Корнаухова, при этом частично меняется смысл, скрытый в цветочной символике оригинала. Если шиповник «подразумевает тайную, скрытую любовную тягу, неодолимое желание, за которое расплачиваются жизнью», то терновник «считается символом мучений» [9, с. 76]. Возможно, выбрав такой вариант перевода, П.И. Вейнберг хотел представить Вильяма и Маргарет как мучеников во имя любви.

Примечательно, что здесь происходит синтез языческого и христианского сознания на образном уровне. Роза и шиповник, выросшие на могилах влюбленных, отражают языческие представления о том, что сущность и жизненная сила человека может перейти в растения. Они тянутся ввысь и дорастают до самого свода, тем самым нарушая привычный порядок в храме и прославляя неустановленную церковью любовь. Сочетание древесной и храмовой символики еще отчетливей ощущается в переводе, что обусловлено различиями между готической и православной архитектурой. Если на сводах готического храма отсутствуют какие-либо изображения, то под куполом православной церкви расположены иконы Иисуса Христа и святых. Поэтому выросшие до самого купола терновник и роза поднимаются на образном плане до уровня божественного. Тенденция к «беатификации» главных героев видна и в заключительных строках перевода. Если в английской версии сплетенные растения на могилах возлюбленных вызывали восхищение людей (*«made all people admire»*), то в русском варианте они воспринимались как чудо (*«Это чудо долго видел свет»*).

К недочетам перевода можно отнести глагольные рифмы (заплела-пришла, пришла-унесла, погребли-пошли) и «слова-подпорки» (*«Я иду к прекрасной ГРЕТХЕН – это / И жена позволила моя, «никогда, ни ночью и ни днем»*), *«Вот пришел он в дом к прекрасной ГРЕТХЕН, / Стукнул ТУМ у двери он кольцом, / И ее семь братьев, отворивши / Эту дверь, его впустили в дом»*, *«А сестру не трогай ТЫ у нас»*. Неуместным является и частое использование анжабеманов, не характерных для стиля народной поэзии. Однако в заключительных строфах присутствие переносов можно назвать оправданным, так как здесь они служат для создания художественного эффекта: с их помощью усиливается впечатление стремительного роста шиповника и розы: *«И пошли / Вверх рости. Под самый купол церкви / Забрались – исходу больше нет»*.

Встречаются в переводе и некоторые смысловые неточности. Так, в оригинале Вильям, прежде чем объявить Маргарет о своей женитьбе на другой девушке, говорит ей, что они никогда не причиняли друг другу зла (*«I see no harm by you, Margaret / And you see none by me»*). В этих строках описывается прощание и прощение друг друга. В переводе же Вильям сообщает, что не видит у Маргарет недостатков, что делает его решение отвергнуть Маргарет непонятным для читателя: *«Ты во мне не видишь недостатков, / Я в тебе не вижу тоже их»*. В подлиннике Вильям, прия в дом умершей Маргарет, говорит своим слугам, чтобы они выставили пироги и вино для поминок девушки (*«Deal on, deal on, my merry men all, / Deal on your cake and your wine»*). П.И. Вейнберг, вероятно, неправильно истолковав значение глагола *«to deal»*, переводит эти строки следующим образом: *«Пополам делите эти вина, / Яства эти –*

тоже пополам: / Часть раздать у ней на погребеньи, / Часть сберечь к моим похоронам».

Еще одна неточность в переводе была вызвана, скорее всего, опечаткой в английском варианте баллады. В первых изданиях сборника Т. Перси Вильяму снится сон, будто в его светлице полно рыжих свиней (*«I dreamt my bower was full of red swine»*). Однако уже в переиздании этого сборника 1839 г. в текст было внесено изменение: теперь Вильям видит во сне, как его светлица залита красным вином (*«I dreamt my bower was full of red wine»*). Редактор сообщил, что эту правку подсказала ему «одна достойная леди, которая много раз слышала эту балладу в раннем детстве» (*«Since the first edition some improvements have been inserted, which were communicated by a lady of the first distinction, as she had heard this song repeated in her infancy»*) [20, с. 225]. Очевидно, в распоряжении П.И. Вейнберга было раннее издание сборника Т. Перси, что привело к появлению несуразной для балладного стиля детали: «Вижу я свиней пунцовых много / И в крови мой брачный полог весь».

Несмотря на отдельные недостатки и неточности, перевод П.И. Вейнберга стал еще одной вехой в начале В.А. Жуковским перенесении англо-шотландских баллад на русскую почву. По словам Т.В. Корнауховой, переводы Вейнбергом английских и шотландских баллад «во многом подготовили зарождение того значительного интереса к этим произведениям, который вылился уже в XX в. в перевод целых балладных циклов, издание их отдельными книгами» [9, с. 80].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аринштейн Л.М. Комментарии / Л.М. Аринштейн // Английская и шотландская народная баллада: Сборник / Сост. Л.М. Аринштейн. – М.: Радуга. – 1988. – С. 455–511.
2. Вацуро В.Э. Т.П. Каменев и готическая литература / В.Э. Вацуро // Русская лит. XVIII века и ее международные связи. – Л., 1975. – С. 271–277.
3. Вейнберг П.И. Вильям и Маргарита. Шотландская народная баллада / П.И. Вейнберг [Электронный ресурс] // Английские поэты в биографиях и образцах / Сост. Н.В. Гербель. – Спб.: Типография А.М. Потомина, 1875. – Режим доступа: http://az.lib.ru/w/weinberg_p_i/text_1883_ballada_olderfo.shtml
4. Вейнберг П.И. Древнеанглийские и шотландские стихотворения / П.И. Вейнберг [Электронный ресурс] // Отечественные записки. – 1868. – Т. CLXXIX. – №7. – Отд. I. – С. 1–8. – Режим доступа: <https://books.google.com.ua/books?id=HBAVAAAAYAAJ>
5. Вейнберг П.И. «Что бы значило такое...» / П.И. Вейнберг [Электронный ресурс] // Полное собрание сочинений Генриха Гейне / Подъ редакцієй и съ биографическимъ очеркомъ Петра Вейнберга – 2-е изд. – Т. 5. – СПб.: Издание А. Ф. Маркса, 1904. – С. 74–75. – Режим доступа: <https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%A1%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%BB%D1%86%D0%BC:Heine-Volume-5.pdf/75>
6. Веселовский А.Н. Тристан и Изольда / А.Н. Веселовский // Веселовский А.Н. Избранные статьи. – Л.: Худож. лит., 1939. – С. 117–131
7. Гаспаров, М. Избранные труды / М. Гаспаров. – Том III. О стихе. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 608 с.
8. Жаткин Д.Н., Корнаухова Т.В. Творчество П.И. Вейнберга в восприятии русских писателей начала XX в. / Д.Н. Жаткин, Т.В. Корнаухова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2014. – № 3 (31). – С. 126–143.
9. Корнаухова, Т.В. Творчество П.И. Вейнберга в контексте русско-английских литературных связей XIX – начала XX века : дис. ... канд. филол. наук / Корнаухова Т.В. ; Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского. – Саратов, 2014. – 377 с.
10. Левин Ю.Д. П.И. Вейнберг / Ю.Д. Левин [Электронный ресурс] // Русские переводчики XIX в. и развитие художественного перевода. – Л.: Наука, 1985. – Режим доступа: http://az.lib.ru/w/weinberg_p_i/text_0270.shtml
11. Нелюбин Л.Л., Хухуни Г.Т. П.И. Вейнберг как переводчик и теоретик перевода / Л.Л. Нелюбин, Г.Т. Хухуни // Нелюбин Л.Л., Хухуни Г.Т. Наука о переводе (история и теория с древнейших времен до наших дней). – М.: Флинта; МПСИ, 2006. – С. 295–299.

12. Тарановский К. Русские двусложные размеры. Статьи о стихе / К. Тарановский. – М.: Языки славянской культуры, 2010. – 552 с.
13. Холина Д.А. О семантике стихотворного размера: семиотический, интертекстуальный, переводческий аспекты (на примере переводов У.Б. Йейтса на русский язык) / Д.А. Холина // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2012. – № 2. – С. 190–193.
14. Шарафадина К.И. «Алфавит флоры» в образном языке литературы пушкинской эпохи: источники, семантика, формы / К.И. Шарафадина,. – Петербургский ин-т печати, 2003. – 309 с.
15. Янкович М. Состояние перевода в России во второй половине XIX века / М. Янкович // *Studia Slavica Savariensia*. – 2016. – №1–2. – С. 194–202.
16. Atkinson David. 'William and Margaret': An Eighteenth-Century Ballad / David Atkinson // *Folk Music Journal*. – Vol. 10, No. 4. – 2014. – Pp. 478–511. – URL: <https://www.jstor.org/stable/43590036?seq=1>
17. Beaumont Francis. The Knight of the Burning Pestle / Francis Beaumont [Electronic Resource]. – University of California Press, 1968. – 123 pp. – URL: https://books.google.com.ua/books?id=a4D5XQwC_vcC
18. Bronson Bertrand Harris. The Traditional Tunes of the Child Ballads / Bertrand Harris Bronson. – Vol. 2. – Princeton University Press, 2015. – 586 pp. – URL: <https://books.google.com.ua/books?id=cgrWCgAAQBAJ>
19. Coffin Tristram P. Fair Margaret and Sweet William / Tristram P. Coffin // The British Traditional Ballad in North America. – Philadelphia: The American Folklore Society, 1950. – URL: [https://archive.org/details/britishtradition007732mbp\(mode/2up](https://archive.org/details/britishtradition007732mbp(mode/2up)
20. Fair Margaret and Sweet William [Electronic Resource] // Thomas Percy. Reliques of Ancient English Poetry. – London: Templeman, 1839. – P. 225–226. – URL: <https://books.google.com.ua/books?id=mR5LAAAAAcAAJ>
21. Oxford Advanced Learner's Dictionary. – URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/>
22. Shields Hugh. The Dead Lover's Return in Modern English Ballad Tradition / Hugh Shields // Jahrbuch für Volksliedforschung. – №17. – 1972. – Pp. 98–114. – URL: <https://www.jstor.org/stable/847175?seq=1>

Поступила в редакцию 31.05.2020 г.

**THE ENGLISH-SCOTTISH FOLK BALLAD «FAIR MARGARET AND SWEET WILLIAM»
TRANSLATED BY P.I. VEINBERG**

A.V. Kuzmina

The work is aimed at the comparative linguo-stylistic and poetological analysis of the English-Scottish folk ballad “Fair Margaret and Sweet William” and its translation made by P.I. Veinberg. In the article the story of creation and translation of the ballad is highlighted, the functions of linguistic means of different levels in expressing the conception of the ballad are analyzed, the translator’s accomplishments and drawbacks are pointed out.

Key words: ballad, translation/interpretation/interpretation, comparative analysis, poetics, Veinberg.

Кузьмина Александра Викторовна.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
Аспирант кафедры зарубежной литературы,
ассистент кафедры английской филологии.
E-mail: a.shersh@bk.ru

Kuzmina Aleksandra Viktorovna.
Donetsk National University.
Postgraduate student at the Department of Foreign Literature, teaching assistant at the Department of English Philology.
E-mail: a.shersh@bk.ru

ОБРАЗНЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ ЛИЦА ПО ПРИЗНАКУ «ХАРАКТЕР» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

© 2020. A. C. Ососкова
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Данная статья посвящена изучению образной номинации человека в русском языке. Даны определения ключевых понятий, проведен анализ семантики и структуры образных наименований лица по признаку «характер». Рассмотрены основные способы образования образных наименований (семантическая деривация и структурные способы), установлены метафорические модели.

Ключевые слова: образность, образные существительные-наименования лица, семантический признак, метафорическая модель.

В живом общении, художественных произведениях, публицистике активно используется образная лексика. Она отличается экспрессивностью и оценочными проявлениями говорящего к предметам и явлениям окружающей действительности. Если сравнивать культуру Запада и Востока, то первая ориентирована на рассудок, в то время как восточнославянская культура – на чувство. Так, именно русский язык по праву считается одним из самых эмоциональных благодаря множеству лексических и грамматических единиц, служащих выражению богатого спектра эмоций. Польский лингвист А. Вежбицкая в своих работах уделяет внимание семантике русского языка и подчеркивает, что русский язык делает акцент на чувства и накладывает собственную классификацию на эмоциональный опыт человека [5].

А. А. Потебня и Ш. Балли положили начало исследованию образности в лексико-семантическом аспекте. И только в конце XX – начале XXI вв. теория образности оформилась в отдельное направление современных лингвистических учений. Представители Томской лингвистической школы О. И. Блиновой и Е. А. Юриной занимаются комплексным изучением образной лексики русского языка [4; 19; 20]. Изучение семантической природы образных средств представлено в работах О. Л. Бессоновой, А. С. Ососковой, А. Л. Кораловой, М. С. Лебедевой, Е. Ф. Пефтиевой [3; 10; 12; 13]. Значительный вклад в разработку основ образности внесла В. К. Харченко, которая разграничила категории оценочности, образности, экспрессии и эмоциональности в семантической структуре слова [18]. С позиции метафорического и метонимического переносов образность исследовалась в трудах Н. Д. Арутюновой, В. Г. Гак, Г. Н. Скляревской, В. Н. Телия [1; 6; 14; 15; 16]. Выделение номинативного аспекта в изучении языка (А. И. Смирницкий, Е. Курилович, Н. Д. Арутюнова, Т. В. Булыгина, В. Г. Гак, Г. В. Колшанский, Б. А. Серебренников, Д. Н. Шмелёв и др.) привело исследователей к его разработке с разных теоретических позиций.

Актуальность статьи связана с повышенным интересом к проблемам образности русского языка и метафоризации в аспекте выражения национальной языковой картины мира. В то же время, изучение единиц языка с позиции его антропоцентричности позволяет рассмотреть языковую личность в ее социальном, интеллектуальном, эмоциональном и речемыслительном проявлениях, поскольку с позиции современной лингвистики человек является важным звеном между реальным миром и языком, передающим знания об этой действительности.

В качестве *объекта* исследования нами были выбраны русские образные существительные-наименования лица по признаку «характер» (далее – ОСНЛ), например, *сорока* – разг. о болтливом человеке, *сухарь* – разг. о неотзычивом человеке, *размазня* – о вялом, нерешительном человеке.

Предметом исследования являются семантические и структурные особенности русских ОСНЛ.

Цель исследования – изучение структурно-семантических особенностей образных наименований лица в русском языке. Поставленная цель исследования предполагает решение следующих *задач*:

- дать определение следующих понятий, которые используются в нашем исследовании: «образность», «ОСНЛ», «характер»;
- выделить особенности семантики русских ОСНЛ по признаку «характер»;
- определить морфологические особенности изучаемых лексем в русском языке.

Цель и *задачи* работы обусловили использование следующих *методов исследования*: метод компонентного анализа, словообразовательный метод, элементы количественного анализа.

Материалом исследования послужили 250 русских образных наименований лица по признаку «характер», отобранных методом сплошной выборки из следующих словарей: *Словарь русского языка* А. П. Евгеньевой [8], *Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный* Т. Ф. Ефремовой [9].

Образность – это лексико-семантическая категория, которая обозначает одно явление в ассоциативной связи с другим явлением на основе их сходства [20, с. 27]. Она может быть присуща как отдельному слову, так и целому высказыванию. Следовательно, образная языковая единица вызывает в сознании образ обозначаемого явления посредством эмоционального проявления. Самым мощным образным средством выступает метафорический тип переноса.

Под ОСНЛ по признаку «характер» понимается существительное, которое приобретает семантическую двуплановость и более широкое значение в результате выражения одного предмета через другой [10]. И. Р. Гальперин отмечает, что, образное значение таких лексических единиц раскрывается при взаимодействии словарного и контекстуального значения [7, с. 125–126].

Критериями отбора материала исследования послужили лексикографические пометы, указывающие на наличие компонента коннотации в структуре лексического значения слова:

1. семантические (образ., перен.);
2. экспрессивные (презр., пренебр., неодобр., бран., груб.);
3. стилистические (разг., прост., шутл., устар., народно-поэт., книжн.)

Также нами были выделены специальные маркеры, указывающие на человека, в поведении которого проявляются те или иные черты характера.

1. о + прилагательное + человеке;
2. прилагательное + человек;
3. человек с;
4. человек как;
5. тот, кто;
6. человек, который.

Этимологический анализ значения понятия «характер» показывает данное слово происходит от греческого *kharakter* ‘штамп’, ‘клеймо’ и рассматривается как

совокупность психических, духовных свойств человека, обнаруживающихся в его поведении.

В зависимости от характера оценки русские образные наименования лица по признаку «характер» делятся на пейоративы (отрицательная оценка) и мелиоративы (положительная оценка). В связи с этим выделяется бинарная оппозиция «положительные-отрицательные черты характера». Часто, это определяет когнитивные модели поведения – инвективные и ласкательно-эмпативные.

Таблица 1
Характер оценки ОСНЛ в русском языке

Тип оценки	Кол-во	%
Негативная оценка (-)	205	82
Положительная оценка (+)	45	18
Всего	250	100%

Как видно из количественных данных, представленных в таблице 1, ОСНЛ с негативной оценкой отличаются большей численностью (82 % против 18 %), что объясняется привычкой людей видеть в окружающих недостатки, но не замечать их достоинств.

Таблица 2
Количественная характеристика ОСНЛ, вербализующих отрицательные черты характера в русском языке

Семантический признак	Кол-во	%	Примеры
Жестокость	19	9	<i>живодер</i> – 1. Тот, кто профессионально занимается убоем животных и сдирает с них шкуру. 2. О жестоком человеке, мучителе.
Никчемность	18	9	<i>слизняк</i> – 1. То же что слизень. 2. Разг. презр. О безвольном, бесхарактерном, ничтожном человеке.
Бесхарактерность	18	9	<i>баба</i> – 1. Прост. Замужняя крестьянка, а также вообще женщина из простонародья. 2. Перен. разг. О робком слaboхарактерном мужчине.
Злобность	14	7	<i>мегера</i> – 1. Богиня мщения в греческой мифологии. 2. Злой человек.
Грубость	9	5	<i>животное</i> – 1. Всякое живое существо, исключая растения. 2. Разг. О человеке грубом, с низменными инстинктами.
Болтливость	9	5	<i>сорока</i> – 1. Птица сем. Вороновых, с белыми перьями в крыльях, издающая характерный крик – стрекотание. 2. Разг. О болтливом человеке.
Вероломность	8	4	<i>Иуда</i> – 1. Один из двенадцати апостолов Иисуса Христа, который предал учителя за 30 сребреников. 2. (прост. презр.) Предатель, изменник.
Бездушность	7	3	<i>дуб</i> – 1. Крупное, лиственное дерево сем. буковых, с плотной древесиной, имеющее плоды — желуди. 2. Разг. О нечутком, тупом человеке.
Жадность	6	3	<i>жила</i> – 1. Обиходное название кровеносных сосудов, сухожилий. 2. Прост. презр. Скупой, прижимистый человек, скряга.

Тунеядство	6	3	<i>паразит</i> – 1. Биол. Растение или животное, живущее на поверхности или внутри другого организма и питающееся за счет последнего, обычно принося ему вред. 2. Тот, кто живет чужим трудом; тунеядец.
Хитрость	5	2	<i>лиса</i> – 1. Хищное млекопитающее сем. псовых с длинным пушистым хвостом, а также мех его. 2. Перен. Хитрый, льстивый человек (разг.).
Лицемерность	5	2	<i>Фарисей</i> – 1. Представитель общественно-религиозного течения в Иудее во 2 в. До н. э. – 2 в. н. э., отличавшийся фанатизмом и лицемерным исполнением правил благочестия. 2. Перен. Лицемер.
Нелюдимость	5	2	<i>бука</i> – 1. Фантастическое существо, которым пугают детей. 2. О нелюдимом, угрюмом человеке.
Вспыльчивость	5	2	<i>кипяток</i> – 1. Кипящая или только что вскипевшая горячая вода. 2. Разг. О горячем, вспыльчивом человеке.
Другие	71	35	<i>колпак</i> – 1. Головной остроконечной, овальной и т.п. формы. 2. Прост. О простодушном, недалеком человеке.
Всего	205	100 %	

Количественные данные, представленные в таблице 2, свидетельствуют о том, что ОСНЛ, вербализующих отрицательные черты характера в русском языке, отличаются большим разнообразием семантических признаков.

Ядро образного лексико-семантического поля формируют семантические признаки, которые объективируют следующие отрицательные черты характера: *жестокость, никчемность, бесхарактерность, злобность*. Периферию формируют семантические признаки, которые характеризуются средней частотностью использования: *грубость, болтливость, вероломность*. Наиболее низкой частотностью употребления характеризуются следующие семантические признаки: *бездушность, жадность, тунеядство, хитрость, лицемерность, нелюдимость, вспыльчивость*.

Большая часть существительных данной группы являются стилистически сниженными единицами речи, на что указывают пометы разг.-сниж., разг, прост.: *дичок* ‘перен. разг. о нелюдимом, стеснительном ребёнке, подростке’. Также следует отметить, что среди пейоративов есть лексемы, в значении которых сочетается несколько сем. Приведем несколько примеров: а) “интеллект + упрямый”, например, *ишак* – 1. Осел. 3. Бран. Об упрямом, глупом человеке; б) “злой + сварливый”, например, *ведьма* – 1. В сказках, народных поверьях: злая волшебница. 2. Перен. Прост. Злая, сварливая женщина.

ОСНЛ, объективирующие положительные черты характера менее числены и не отличаются большим разнообразием семантических признаков: сема «величественность» (18 ОСНЛ, 40%), сема «упорство» (4 ОСНЛ, 9%), другие (15 ОСНЛ, 33%). Интересно, что в дефиниции мелиоративов комбинируются несколько сем, которые дают оценку характеру человека и его внешности: *ангел* ‘перен. о человеке как воплощении **красоты, доброты**’; *богиня* ‘перен. о **красивой и величественной женщине**’; *орел* ‘о человеке, отличающемся мужественной **красотой или удалью, отвагой, смелостью**’. Можно проследить тенденцию: на положительное восприятие человека окружающими влияют не только его поведение и духовные качества, но и эстетические характеристики внешности. Также зафиксировано сочетание нескольких семантических признаков в образном значении: *рыцарь* ‘самоотверженный, великодушный и благородный человек’.

Одним из самых продуктивных средств создания образного значения является метафора. Существует целый ряд семантических классификаций (А. П. Чудинов, Г. Н. Скляревская, О. А. Вербицкая и др). В основе нашего исследования лежит подход Г. Н. Скляревской, которая выделяет следующие **модели метафорического переноса**:

1. **Человек** → **человек** (урод, кумушка, мужик, лакей, няня);
2. **Животное** → **человек** (барбос, ворона, змея, бирюк, животное, коза, орел);
3. **Предмет** → **человек** (тюфяк, кисель, колпак, кремень, ноль, пила);
4. **Ирреальное существо** → **человек** (фурия, Кошечка, ангел).

ОСНЛ по признаку «характер» – полисемантичны и имеют два и более значений, одно из которых денотативное (прямое), а второе – коннотативное (переносное, образное). Рассмотрим, как может устанавливаться связь между образным и базовым значением в контексте:

1. в результате ассоциативного переосмысливания понятия:

образное значение лексической единицы *художник* ‘разг. о злом, язвительном, коварном человеке’ основывается на ассоциациях с внешним видом данного животного, тело которого покрыто острыми иглами.

2. в ходе генерализации значения:

а) развивается от первого ЛСВ слова

лирик – 1) автор лирических произведений; лирический поэт; 2) разг. Человек, в характере которого преобладает лирическо-поэтическая настроенность;

б) развивается от второго ЛСВ слова

урод – 1) человек с некрасивой, безобразной внешностью; 2) человек с какими-л. дурными свойствами характера.

Образная семантика слова реализуется и на уровне морфем:

1. модель “существительное + суффикс → ОСНЛ” (спартанец);
2. модель “глагол + суффикс → ОСНЛ” (диктатор);
3. модель “прилагательное + суффикс → ОСНЛ” (хищник);
4. модель “существительное + существительное → ОСНЛ” (Баба-Яга);
5. модель “прилагательное + глагол → ОСНЛ” (живодер);
6. модель “существительное + глагол → ОСНЛ” (людоед);
7. модель “прилагательное + существительное → ОСНЛ” (*пустозвон*).

Словообразовательные способы не способствуют возникновению образности, но отдельные аффиксальные форманты способны поддерживать образность лексической единицы. Суффиксы субъективной оценки **–аш**, **–яй**, **–ок**, **–чик** в лексемах **торгаш**, **слоняй**, **щенок**, **живчик** придают словам эмоциональную окраску и разговорно-бытовой характер.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Артюнова Н. Д. Теория метафоры / Н. Д. Артюнова. – М. : Прогресс, 1990. – 512 с.
2. Балли Ш. Французская стилистика / Ш. Балли. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 392 с.
3. Бессонова О. Л. Стереотипные представления о национальном характере англичан и русских / О. Л. Бессонова, А. С. Осоксова // Лингвокультурные аспекты концептуальных исследований: сборник научных статей к 70-летнему юбилею доктора филологических наук, профессора В. А. Масловой / отв. ред. М. В. Пименова. – Санкт-Петербург: СПбГЭУ, 2018. – С. 124–129 (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 16).
4. Блинова О. И. Образность как категория лексикологии / О. И. Блинова // Экспрессивность лексики и фразеологии. – Новосибирск: НГУ, 1983. – С. 3–11.
5. Вежбицкая А. А. Язык. Культура. Познание. / А. А. Вежбицкая. – М. : Русские словари, 1996. – 416 с.
6. Гак В. Г. Метафора: универсальное и специфическое / В. Г. Гак. // Метафора в языке и тексте. – М. : Наука, 1988. – С. 11–26.

7. Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка / И. Р. Гальперин. – М. : Либроком, 2012. – 376 с.
8. Евгеньева А. П. Словарь русского языка / А. П. Евгеньева. – М. : Русский язык, 1999. – Т. 1 : А – Й. – 702 с.; Т 2. : К–О. – 736 с.; Т. 3 : П – Р. – 752 с.; Т. 4 : С – Я. – 800 с.
9. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка / Т. Ф. Ефремова. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.efremova.info/> (дата обращения: 21.09.2020).
10. Коралова А. Л. Семантическая природа образных средств в современном английском языке: автореф. дис. канд. филол. наук : 10.02.04. – М., 1975. – 10 с.
11. Кубрякова Е. С. Теория номинации и словообразование / Е. С. Кубрякова. – М. : Изд-во ЛИБРОКОМ, 2010. – 83 с.
12. Лебедева М. С. Образные аспекты семантики имени существительного в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. – М., 1981. – 28 с.
13. Пефтиева Е. Ф. Образность в семантической структуре существительных-наименований лица [Текст] / О. Ф. Пефтиєва // Типологія мовних значень у діахронічному та зіставному аспектах : наук. журнал / [відп. ред. В. Д. Каліущенко]. – Донецьк. – 2006. – Вип. 13. – С. 180–192.
14. Скляревская Г. Н. Метафора в системе языка / Г. Н. Скляревская – СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2004. – 166 с.
15. Телия В. Н. Вторичная номинация и ее виды / В. Н. Телия // Языковая номинация : виды наименований. – М. : Наука, 1977. – С. 129–221.
16. Телия В. Н. Метафора в языке и тексте / В. Н. Телия – М. : Наука, 1988. – 176 с.
17. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка / А. Н. Тихонов – М. : Русский язык, 1985. – Том 1 – 854 с.; Том 2 – 885 с.
18. Харченко В. К. Разграничение оценочности, образности, экспрессии и эмоциональности в семантике слова / В. К. Харченко // Русский язык в школе. – 1976. – № 3. – С. 66–71.
19. Юрина Е. А. Комплексное исследование образной лексики русского языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук : спец. 10.02.01. – Томск, 2005. – 47 с.
20. Юрина Е. А. Образное слово в составе комплексных единиц образного строя языка [Текст] / Е. А. Юрина // Образный строй языка. – Томск: Том, 2005. – С. 12–58.
21. Ярцева В. Н. Лингвистический энциклопедический словарь / В. Н. Ярцева. – М.: Большая рос. энцикл., 2002. – 709 с.

Поступила в редакцию 26.08.2020 г.

FIGURATIVE NOUNS DESIGNATING A PERSON ACCORDING TO CHARACTER IN THE RUSSIAN LANGUAGE

A.S. Ososkova

The article deals with figurative nomination of a person in the Russian language. The definitions of key concepts are given, the semantics and structure of figurative nouns **denoting a person** on the basis of "character" is analyzed. The main methods of figurative nouns formation (semantic derivation and structural methods) are considered, metaphorical models are ascertained.

Key words: figurativeness, figurative nouns denoting a person, semantic property, metaphorical model.

Ососкова Анна Сергеевна.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

Ассистент кафедры английской филологии.

E-mail: a.ososkova@donnu.ru

Ososkova Anna Sergeevna.

Donetsk National University.

Assistant of the English Philology Department.

E-mail: a.ososkova@donnu.ru

СТРУКТУРНЫЕ И КОМПОЗИЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЮМОРИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ В ЖАНРЕ СТЕНДАП-КОМЕДИИ

© 2020. *A.M. Решетарова*

ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»

В статье предпринята попытка обобщить существующие точки зрения на историю становления стендапа как юмористического жанра, также рассматривается структура шутки и композиционные особенности текстов, принадлежащих жанру стендап-комедии.

Ключевые слова: юмористический дискурс, стендап-комедия, жанр, шутка.

Введение. В настоящее время все большую популярность приобретают исследования особого жанра юмористического дискурса – стендап-комедии. Существуют исследования зарубежных и отечественных авторов, посвященные данному явлению (например, работы Н.Ю. Горлышкиной и К.Б. Свойкина, Н.Р. Зариповой, О.К. Лобовой, Е.В. Манжелеевской, С.А. Панченко, I.B. Brodie, O. Double, C.F. Manwell, J. Schwarz и др.).

Причина популярности стендапа кроется в новых направлениях лингвистических поисков, которые он открывает, будучи жанром массовой культуры и отражая современные культурные тенденции. Стендап выступает эффективным каналом передачи специфической, культурно-ориентированной информации, оставаясь при этом понятным и узнаваемым. Процессы глобализации, стартовавшие в середине прошлого века, повлекли изменения, в результате которых зародилось и продолжает развиваться единое культурное пространство. Можно говорить о том, что современная массовая культура приобретает признаки универсальности, поэтому ее механизмы распознаются представителями разных лингвокультур. В этом смысле изучение стендап-комедии предоставляет возможность внести определенный вклад в развитие теории юмора.

Целью данной статьи является попытка обобщить существующие точки зрения на историю становления стендапа как юмористического жанра и проанализировать композиционные особенности комедийных текстов жанра стендап-комедии. Данная проблема находится в русле актуальных исследований, поскольку юмористический дискурс во всем разнообразии его жанров открывает широкие возможности для организации коммуникации – как межличностной, так и межкультурной.

Основная часть. Изучение юмора представляет интерес не только потому, что ему достаточно сложно дать чёткое определение, но и потому, что чувство юмора у всех людей разное. Психологи (например, М.Г. Ярошевский, А.В. Петровский, Р. Корсин, А. Ауэрбах), исследовавшие юмор в целом и чувство юмора в частности, сошлись во мнении, что чувство юмора – это сложное, синтетическое качество личности, состоящее из совокупности различных свойств. Таким образом, одни и те же события и явления у разных людей могут либо вызвать смеховую реакцию, либо нет. Более того, один и тот же человек в разных условиях может воспринимать одно и то же событие как смешное или как несмешное.

Одной из форм юмора является словесный юмор, или «юмор в устной форме» («verbally expressed, humor», термин G. Ritchie [8]). Именно такой юмор продуцирует

стендап-комедия. Анализ источников, в которых описывается стендап, свидетельствует о том, что четкого универсального определения этому явлению еще не предложено. «Стендап – это все, что человек делает, если он называет это стендапом», – говорят практики [2]. Общие формулировки предлагают, как правило, и теоретики. Данный жанр юмористического дискурса представляется слишком объемным и многогранным как для выведения однозначного определения, так и для создания единой его классификации. Американский журналист Ричард Зоглин (Richard Zoglin) как автор книг об известном комике Бобе Хоупе (Лесли Таунс Хоуп) и «самом шокирующем комике» Ленни Брюсе определяет стендап следующим образом: “Comedy that generally is delivered by a solo performer speaking directly to the audience in some semblance of a spontaneous manner” [10] – «Комедия, исполняемая обычно одним актером, который напрямую говорит с аудиторией, имитируя неподготовленную речь» (здесь и далее *перевод наш. – А.Р.*). Нужно отметить, что Ленни Брюс, никогда не скрывавший, что известен скорее как человек скандальный и непочтительный, однажды на шоу Стива Аллена определил себя как «семантический капкан дурного вкуса». В настоящее время данное определение применимо, на наш взгляд, к стендапу в целом, а не только к отдельно взятой личности комика.

Стендап – это форма самовыражения комика, его эмоциональная интерпретация происходящего. Шутки строятся на основе мировосприятия автора. Для создания «семантического капкана» и усиления комического эффекта факты излагаются в утрированном виде. В этом смысле стендап близок к карикатуре – т. е. юмористическое изображение (или чаще сатирическое) создается путем чрезмерного преувеличения и заострения тех или иных черт объекта, неожиданных сопоставлений и уподоблений. Карикатура, как и стендап, изображает злободневные социальные, общественно-политические или бытовые явления; ее объекты – это реальные люди или характерные типажи людей. Отличается лишь форма: графическая либо словесная. В стендап-комедии отражаются основные характерные признаки других жанров, входящих в национальные юмористические дискурсы: клоунады, комического мюзикла, водевиля, фарса, интермеди, пародии и других.

Попытки классифицировать тексты жанра стендапа неоднозначны, так как авторы классификаций опираются на разные критерии. Так, согласно О.К. Лобовой [3], в репертуар стендап-комика входят юмористические монологи, ванлайнеры и импровизации. Выделяют также комедию абсурда, комедию наблюдений, комедию ненависти, комедию в образе и без, жесткий стендап, чистый стендап, музыкальный стендап и т. д. Несмотря на разные подходы, авторы этих и подобных классификаций едины в том, что принимая разнообразные формы и используя разные декорации и вспомогательные средства, стендап имеет в своей основе *шутку* и нацелен на получение смеховой реакции аудитории. Как известно, шутка является одной из разновидностей устного юмора. Рассмотрим структуру шутки в стендап-комедии.

Согласно точке зрения венгерского лингвиста Роберту Хецрону (Robert Hetzron), шутка – это “a short humorous piece of literature in which the funniness culminates in the final sentence” [6, с. 65-66] – «короткое юмористическое литературное произведение, самая смешная часть которого сосредоточена в конечном предложении». Большинство исследователей (например, G. Ritchie, Julia M. Taylor, Lawrence J. Mazlack) едины во мнении, что шутка состоит из двух частей – так называемых сетапа (от англ. *a setup*) и панчлайна (от англ. *a punchline*). Сетап является первой частью шутки (заявзка), обычно это большая часть текста, которая порождает определенные ожидания. Шутка не может существовать без сетапа. Панчлайн – это та самая изюминка – намного более

короткая часть шутки (развязка), вызывающая определенный конфликт восприятия, разрушающий ожидания и, тем самым, вызывающий смеховую реакцию.

Согласно подходу американского социолога Харви Сакса (Harvey Sacks), шутка состоит из трех частей: предисловия (англ. *preface or framing*), повествования (англ. *telling*) и реакции (англ. *response*) [9]. Однако большинство выступающих стендап-комиков придерживаются двухкомпонентных построений. Вначале сетап, где комик рассказывает историю, и далее панчлайн, который разрушает ожидания.

Существуют еще два элемента стендап-комедии, к которым прибегают не все комики, но которые также используются – колбеки (от англ. *callbacks*) и актерская игра (англ. *acts-out*). Колбеки – это элемент выступления, когда один панчлайн повторяется снова через какой-то промежуток времени, но уже с другим сетапом [7, с. 38]. В таком случае панчлайн должен быть кратким и запоминающимся, чтобы аудитория вспомнила его спустя какое-то время. Иногда это случается не в рамках одного шоу, а спустя продолжительное время. В свою очередь, актерская игра – это применение стендап-комиком актерского антуража – говорить голосом другого человека, изображать чужую мимику, жесты, поведение и т. д.

Рассмотрим разновидности текстов, в которых используются шутки: юмористические монологи, ванлайнеры и импровизации.

Юмористический монолог. Согласно «Словарю русского языка» С.И. Ожегова, монолог – «это речь одного лица, обращенная к слушателям или к самому себе» [4, с. 550]. Во время монолога человек рассказывает историю, в которой одно событие плавно вытекает из другого. Все стендап-комики используют монологи в своих выступлениях.

Ванлайнеры. Слово происходит от английского *one-line joke*, т. е. дословно «шутка в одну реплику». Онлайн-словарь *Cambridge Dictionary* дает следующее определение: *one-liner – is “a joke or a clever and funny remark or answer that is usually one sentence long”* – «шутка или остроумное и забавное замечание длиною в одно предложение» [5].

Импровизация – это текст, который создается во время выступления. Импровизация прямо противоположна заготовленным для выступления шуткам. Обычно шутки, которые стендап-комики транслируют со сцены, тестируются заранее на фокус-группе в специальном зале, и в результате этой проверки комик опускает несмешные шутки из своего выступления (над которыми зал не смеется или смеется слабо), и оставляет самые удачные.

Чаще всего стендап-комик вынужден импровизировать из-за так называемых хеклеров (от англ. *heckler*). Хеклер – это “someone who interrupts a public speech or performance with loud, unfriendly statements or questions” [5] – «человек, прерывающий выступающего громкими, оскорбительными или насмешливыми комментариями, выкриками или вопросами». Он «бросает вызов» стендап-комику в надежде привести в замешательство, опозорить или унизить выступающего. Некоторые стендап-комики легко справляются с хеклерами, некоторым это дается сложнее.

Заключение. Подводя итоги, отметим, что разные типы текстов стендапа, их композиционное многообразие позволяют комику продуцировать шутки как особые разновидности устного юмора. Перспективой нашего исследования является описание механизма функционирования жанра стендап и его лингвостилистических особенностей в рамках исследования юмористического дискурса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баженов Е. «ПроStandUp. Про шутки» [Электронный ресурс] / Е. Баженов. – Режим доступа : <https://carambatv.ru/prostandup/about-jokes/> (дата обращения: 10.03.20).

2. Долгополов А. Александр Долгополов про стендап, Воронеж и гастроли [Видеозапись] [Электронный ресурс] – 2018. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=wrCF2Rgoiw&t=135s> (дата обращения: 02.05.2020).
3. Лобова О.К. Англомовна стендап-комедія як жанр комічного інституційного дискурсу : автореф. дис. ... канд. філол. наук : 10.02.04 «Германські мови» / О.К. Лобова. – Харків, 2013 . – 20 с.
4. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов. – 4-е изд., доп. – М. : Азбуковник, 2000. – 940 с.
5. Cambridge English Dictionary [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/английский/> (дата обращения: 07.05.2020).
6. Hetzron R. On the structure of punchlines / Robert Hetzron // Humor: International Journal of Humor Research. – 1991. – 4 (1). – P. 61–108.
7. Miller K.E.L. The Unuttered Punch Line: Pragmatic Incongruity and the Parsing of “What’s the Difference” Jokes [Electronic resource] / K.E.L. Miller. – Режим доступа: <http://www.truman.edu/majors-programs/majors-minors/english-major/> (дата обращения: 07.05.2020).
8. Ritchie G. Describing Verbally Expressed Humour / Graeme Ritchie // Proceedings of AISB Symposium on Creative and Cultural Aspects and Applications of AI and Cognitive Science. – Birmingham, 2000. – P. 71–78.
9. Sacks H. Some technical considerations of a dirty joke / Harvey Sacks // In Studies in the Organization of Conversational Interaction (Jim Schenkein, ed.). – New York, Academic Press, 1978. – P. 249–270.
10. Zoglin R. Stand-up comedy [Electronic resource] / Richard Zoglin // Encyclopaedia Britannica. – Режим доступа: <https://www.britannica.com/art/stand-up-comedy> (дата обращения: 05.05.2020).

Поступила в редакцию 22.05.2020 г.

STRUCTURAL AND COMPOSITIONAL FEATURES OF HUMOROUS TEXTS IN THE GENRE OF STAND-UP COMEDY

A.M. Reshetarova

The article attempts to summarize the existing points of view on the history of stand-up as a humorous genre. Structural and compositional features of stand-up comedy are considered, with the anatomy of a joke being described.

Key words: humorous discourse, stand-up comedy, genre, joke.

Решетарова Анна Максимовна.

ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков». Аспирант кафедры общего языкознания и славянских языков.

E-mail: a.reshetarova@yandex.ua

Reshetarova Anna Maksimovna.

Gorlovka Institute for Foreign Languages. Postgraduate student of Department of General Linguistics and Slavic Languages.

E-mail: a.reshetarova@yandex.ua

ЭККЛЕЗИОНМИЯ ДИЛОГИИ ИВАНА ШМЕЛЕВА «ЛЕТО ГОСПОДНЕ» И «БОГОМОЛЬЕ»

© 2020. Е.С. Синенко
ГОО ВПО «Донецкая академия внутренних дел МВД ДНР»

Употребление названий культовых сооружений в художественном произведении – новый аспект изучения экклезионимии. На материале романа «Лето Господне» и повести «Богомолье» И.С. Шмелева анализируются онимы этого разряда. Экклезионимы в произведениях И.С. Шмелева не только служат для обозначения места, где разворачиваются события, но и “работают” на их стилистику и поэтику, придавая тексту ярко выраженную православную эстетику.

Ключевые слова: экклезионим, экклезионимия, поэтика.

Новизна проблемы – употребление названий культовых сооружений в художественном произведении – ставит перед исследователем задачи не столько выявления такого материала в языке художественной литературы, сколько выработки методики изучения поэтики онимов этого разряда. Так, в статье «Экклезионимы и их характеризующие определения в творчестве А.С. Пушкина» Л.Н. Гуковой и Л.Ф. Фоминой предпринята попытка наряду с историко-лингвистическим анализом названий храмов (*Петропавловский собор* в Петропавловской крепости Санкт-Петербурга, *колокольня Ивана Великого* и др.) и монастырей (*Александро-Невская Лавра*, *Троице-Сергиева Лавра*, *Ипатьевский монастырь* и др.) определить авторское отношение к указанным объектам через рассмотрение характеризующих определений как средства создания художественного эффекта. Авторы приходят к выводу, что названия православных сооружений интересны «как маркеры того пространственного диапазона, где разворачиваются изображаемые писателем события», а их художественные характеристики, представляющие индивидуально-авторское восприятие этих объектов, «экспрессивно-выразительны, возвышенны и поэтичны или содержат скрытую образность, выявляемую при целостном художественно-интерпретационном подходе» [1].

Для анализа мы выбрали роман «Лето Господне» и повесть «Богомолье» И.С. Шмелева. Эти произведения содержат богатый материал для изучения экклезионимии, т. к. повествуют о жизненном укладе православной России рубежа веков. Характеризуя роман «Лето Господне», Ильин называет его лирической поэмой о встрече «міроосвящающего православія съ разверстой и отзывчиво-нежной детской душой», которая превращается в эпическую поэму «о Россіи и объ основахъ ея духовнаго бытія» [2, с. 177]. Описание «святой Руси» через детское мировосприятие находит продолжение и в «Богомолье».

Экклезионимы в текстах произведений встречаются в двух формах. Во-первых, это неофициальные, разговорные варианты наименований, которые автор вложил в прямую речь героев произведений и маленького Ивана, от чьего имени ведется повествование в дилогии: «Все соборы собрались, Святители-Чудотворцы... Спас-на-Бору, Иван-Великий, Золота Решетка...» [6, с. 14], «Звонкают и цепляются хоругви: от Спаса в Наливках, от Марона-Чудотворца, от Григория Неокесарийского, Успения в Казачьей, Петра и Павла, Флора-Лавра, Иоакима и Анны» [6, с. 93], «Вон на

горку подняться – как на ладоньке вся *Троица*» [5, с. 41], «В Вифанию-то свезу!.. к Черниговской прикажите, купцы!..» [5, с. 55].

В состав разговорных вариантов входят:

1) отагионимная часть, представленная именем святого/святых: от Трифона–мученика [6, с. 104], под горкой, у Константина-Елены [6, с. 17], от Соловецких Угодников [6, с. 122], у Ивана-Воина [6, с. 152], «В голубой башенке – Великомученик Пантелеимон» [5, с. 17], «успел побывать у Саввы Преподобного» [5, с. 41];

2) отэортонимная часть, выраженная в большинстве случаев названием христианского праздника: «Муха на Успенский села» [6, с. 182], «А где же Чудов?» [6, с. 182], «Успенский, Благовещенский, Архангельский... Ах и хорошие же соборы наши... душевые!» [5, с. 17];

3) отыконимная часть: «ушел к Казанской» [6, с. 42], «А сейчас он у всеошной в Донском» [6, с. 90], «Иверская открыта» [5, с. 17], «к Черниговской кого за полтинник?» [5, с. 56];

4) наряду с посвящением, указание на месторасположение храма: у Николая-Чудотворца, у Каменного Моста [6, с. 14], Спас-на-Бору [6, с. 14], «у Николы-на-Угрии я побывал» [6, с. 197], дьякон от Спаса в Наливках [6, с. 128], у Марона, на Якиманке [6, с. 155], от Троицы-Шаболовки, Успения в Казачьей [6, с. 202];

5) апеллятив, указывающий на какую-либо отличительную черту, например, Золота Решетка [6, с. 14], так именуется Собор Спаса Нерукотворного Образа, или Спас за Золотой решёткой (уточнение за Золотой решёткой получило, т. к. храм отгораживала от улицы кованая медная решётка, покрытая сусальным золотом); «тыщи с-под Девичьего навалются» [6, с. 40] (Новодевичий Богородице-Смоленский монастырь посвящен Смоленской иконе Божией Матери «Одигитрия», однако официальное его название вытеснено отапеллятивным именем, указывающим на состав его обитателей).

Еще одна группа представлена контаминированным именем: «золотится Иван Великий» [6, с. 17] (Иван – от посвящения храма в честь святого Иоанна Лествичника, Великий – отапеллятивное название, указывающее на отличительную черту храма-колокольни, высота которого составляла 81 метр), «идем к Троице-Сергию» [5, с. 15] (вариант, образованный путем соединения официального названия обители – во имя святой Троицы Живоначальной и наименования по имени основателя монастыря – преподобного Сергия Радонежского).

Во-вторых, это полуофициальные, нейтральные варианты, в состав которых входит номенклатурный термин: «в Архангельском Соборе почивают» [6, с. 14], у Храма Христа Спасителя [6, с. 17], «то Симонов монастырь, старинный!..<...>Девичий монастырь это» [6, с. 41], «Отец в Донской монастырь поехал» [6, с. 92], Вознесенского монастыря [6, с. 93], церкви Николы на Берсеновке [6, с. 93], от Страстного монастыря [6, с. 104], в Успенском соборе, в Кремле [6, с. 129], под храмом Василия Блаженного [6, с. 150], «его домина как раз супротив Зачатиевского монастыря, в тупичке» [6, с. 168], «наклеена картинка – "Троице-Сергиева лавра"» [5, с. 2], часовня Николая Чудотворца, у Каменного моста [5, с. 16], «На память о Лавре Сергия Преподобного» [5, с. 64], в соборе Троицы [5, с. 71], в Вифанском монастыре [5, с. 72].

В отдельных экклезионимах номенклатурный термин и посвящение культового сооружения “срастаются” в единое целое, образуя вариант употребления имени, характерный для разговорной речи: «плотину у храм-Спасителя перешивают» [6, с. 33], «на Иван-Великую колокольню лазили» [6, с. 155], «показывает на колокольню-Троиц» [5, с. 52].

Основная функция экклезионимов в произведениях указательно-локализующая: «наши все в Вознесенском монастыре» [6, с. 9], «А сейчас он у всеошной в Донском, и

Горкин тоже» [6, с. 90], от Страстного монастыря, от Зачатиевского, от Вознесенского из Кремля [6, с. 104], «Трезвонят у Казанской, у Ивана–Воина» [6, с. 152], «А она на церковном дворе живет, у Марона, на Якиманке» [6, с. 155], «Стали приходить батюшки: о. Виктор, еще от Иван–Воина, старичок, от Петра и Павла, с Якиманки, от Троицы–Шаболовки, Успения в Казачьей» [6, с. 202], «В монастыре, у Троице–Сергия, три дня кормят задаром всех бедных богомольцев» [5, с. 20], «Извошики у гостиницы предлагают свезти в Вифанию, к Черниговской» [5, с. 60], «от Спаса–в–Наливках дьякон, которого встретили мы под Троицей» [5, с. 65], «В соборе Троицы мы молимся на старенькую ризу Преподобного» [5, с. 71], «В Вифанском монастыре, в церкви, – гора Фавор!» [5, с. 72].

Отметим некоторые особенности употребления экклезионимов в каждом из указанных произведений.

В романе «Лето Господне» немаловажную роль играют церковные постройки для создания образа православной Москвы, поэтому осознанное знакомство маленького Ивана с городом, с Кремлем осуществляется через указание на наиболее значимые для православного человека городские ориентиры – соборы, монастыри, церкви и т. д. и их описание: «Гляди, Кремль–то наш, нигде такого нет. Все соборы собрались, Святители–Чудотворцы... Спас–на–Бору, Иван–Великий, Золота Решетка...» [6, с. 14]. При описании церковных сооружений для создания красочного “игрушечного”, по выражению героя произведения, облика Москвы экклезионим употребляется в сочетании с определением, называющим цвет культового объекта: «Я вижу всю игрушечную Москву, а над ней золотые крестики.

– Вон Казанская наша, башенка–то зеленая! – указывает Горкин. – А вон, взля–то ее, белая–то... Спас–Наливки. Розовенькая, Успенья Казачья... <...> Риз Положение... а за ней, в пять кумполочек, розовый–то... Донской монастырь наш <...> А под нами–то, за лужком... белый–красный... кака колокольня–то с узорами, с кудерьками, а?! Девичий монастырь это. Кака Москва–то наша...!» [6, с. 41]. Или же описание города по дороге на яблочный рынок: «Едем по пустынной Якиманке, мимо розовой церкви Ивана Воина, мимо виднеющейся в переулке белой – Спаса в Наливках, мимо желтеющего в низочке Марона, мимо краснеющего далеко, за Полянским Рынком, Григория Неокесарийского. И везде крестимся» [6, с. 46].

В повести «Богомолье» описано посещение персонажами произведения, среди которых главное место принадлежит маленькому Ивану, одного из самых почитаемых монастырей – Троице–Сергиевой Лавры. Интерес вызывает образ Троицы, которая предстает в трех ипостасях: колокольня–Троица, собор Троицы и Лавра–Троица.

В начале повествования маленький герой повести слышит, как Горкин, его наставник, просит отпустить его «к Сергию преподобному сходить помолиться» [5, с. 1], видит под крышкой сундучка картинку “Троице–Сергиева лавра”, узнает, что и отец не против поехать в монастырь, т. к. давно не был у Троицы, а потом начинаются сборы к Троице–Сергию. По дороге мальчик слышит разговоры взрослых о Троице, но «какая она, Троица» не имеет четкого представления, поэтому создает собирательный образ из того, что ему, ребенку, известно о Троице – большая церковь с иконой «Троица», расположенная далеко в лесу: «... какая она, Троица? Золотая и вся в цветах? Будто дремучий бор, и большая–большая церковь, и над нею, на облачке, золотая икона – Троица» [5, с. 42]. Подходя к обители, когда все богомольцы «вздыхают и ахают, поминают Троицу», Иван не видит ее, так как его воображаемый образ не совпадает с тем, что открывается перед ним: «Я спрашиваю – да где же Троица?! Горкин не слышит, крестится. Антипушка говорит:

— Да вон она, вся тут и есть Троица!» [5, с. 44].

Первым возникает образ *колокольни-Троицы*. На пути в обитель маленький Иван узнает, что с Поклонной горы, называемой «у Креста», в ясный день видно *Троицу*: «стоит над борами колокольня, как розовая свеча пасхальная, и на ней огонечек – крестик» [5, с. 36]. Поэтому «у Креста» он ищет «колоколенку – розовую свечу, пасхальную» [5, с. 41], а потом рассказывает отцу, что «видел сейчас свечу... розовую свечу, пасхальную<...>колоколенку – Троицу, – “как розовая свеча, пасхальная!”» [5, с. 41]. После того как ребенок увидел колокольню, образ изменяется: «розовая свеча пасхальная» трансформируется в «высокую розовую колокольню сияющей золотой верхушкой» [5, с. 43–44].

Пожалуй, образ *колокольни-Троицы* является центральным. Из окон дома, где остановились богомольцы, на улице – везде Ваня наблюдает, как колокольня “смотрит” на них, “гуляет” с ними. К тому же, колокольня – это первый объект, входящий в комплекс Троице-Сергиевой Лавры, который попадает в поле зрения персонажей повести: «*Троицу* увидал? Я взбегаю и вижу...*Троица*?.. Блеск, голубое небо – и в этом блеске, в голубизне, *высокая розовая колокольня с сияющей золотой верхушкой!*» [5, с. 43–44] и далее: «Глядим – а меж лесочками, как раз где белая дорога идет, *колокольня-Троица* стоит, наполовину видно, – будто в лесу игрушка» [5, с. 46]; и она же – последнее, что герой видит, покидая пределы Лавры: «Видно между лесочками, позади, в самом конце дороги: стоит *колокольня-Троица*, золотая верхушка только, будто в лесу игрушка. Прощай!..» [5, с. 78]. *Розовая, высокая, с сияющей золотой верхушкой, будто в лесу игрушка* и, наконец, *великая* – вот определения, которые регулярно встречаем при упоминании *колокольни-Троицы*: «отовсюду видно розоватую колокольню-*Троицу*» [5, с. 47], «стал креститься на розовую колокольню-*Троицу*» [5, с. 52], «высокая колокольня-*Троица* смотрит из-за берез» [5, с. 54], «Над стенами – розово-белыми – синие, пузатые купола с золотыми звездами и великая колокольня-*Троица*» [5, с. 56].

По мнению Е.Г. Рудневой, благодаря «совмещению реального и духовного, преломленного сквозь детское восприятие», такие ключевые слова, как «розовая колокольня – Троица – свеча пасхальная – красная зорька», приобретают символическое значение в повести, «утверждая радость бытия и христианскую истину, православное представление о человеке и непрерывность культурной традиции» [4, с. 65].

Далее появляется в повести образ *Лавры-Троицы*. В отличие от наименования колокольни, представляющего из себя экклезионим-сращение, в составе которого посвящение (во имя *Троицы*) дублирует падежную форму номенклатурного термина (*колокольня*): *колокольня-Троица* (именительный падеж = именительный падеж), *на колокольню-Троицу* (винительный падеж = винительный падеж), *от колокольни-Троицы* (родительный падеж = родительный падеж), при назывании обители посвящение опускается и монастырь именуется как *Лавра*: «А тут уж и Посад виден, и *Лавра* вся открывается, со всеми куполами и стенами» [5, с. 46], «Кривую есть где поставить, и от *Лавры* недалеко» [5, с. 46], «Он ведет меня через площадь, к *Лавре*» [5, с. 57], «Валит народ из *Лавры*, валит и в *Лавру*, в воротах давка» [5, с. 63], «в *Лавру* сейчас идем» [5, с. 62], «В *Лавре* благовестят к вечерням» [5, с. 69] и т. п. Отмечается лишь три употребления экклезионима-сращения *Лавра-Троица*, два из которых относятся непосредственно к монастырю: «округ колокольни-то, за стенами... владение большое, самая *Лавра-Троица*» [5, с. 44] – знакомство Вани с окрестностями при подходе к обители, «Видно всю *Лавру-Троицу*: светит на нас крестами» [5, с. 78] – прощание с монастырем. А еще *Лавра-Троица* – это деревянная модель обители, которую главный герой видит в игрушечном ряду под стенами Лавры: «Всякое тут деревянное точенье: <...> И сама *Лавра-Троица*, высокая розовая колокольня, со всеми церквами, стенами, башнями, — разборная» [5, с. 77].

Определение *розовый*, помимо колокольни, относится и к монастырю: «*розовые* стены Лавры» [5, с. 54], «*Вижу на картинке розовую Лавру*» [5, с. 56], «*розовая*, утренняя Лавра весело блестит крестами» [5, с. 62], «*Лавра весело золотится и нежно розовеет*» [5, с. 75].

Розовому цвету придается особое значение в творчестве Шмелева, о чём пишут Т.В. Марченко, Е.Г. Руднева, О.С. Мерцалова. Действительно, это не только цвет стен Лавры и колокольни, но и цвет, символизирующий далёкое прошлое, детские впечатления и мировосприятие. Главный герой, уже взрослый человек, «*доныне видит, слышит и чувствует*» былое. Эти воспоминания связаны с образом колокольни-Троицы, от которой идет свет, благодаря которому все видится в розовом: «*кресты, подрагивающие блеском, церковки, главки, стены, блистающие стекла*», его рубашка, «*розоватый пиджак отца*», «*просфора на железной вывеске, розовато-пшеничная – на розовом длинном доме, на просфорной*», «*золотистые и розовато-бледные просфоры на чистых длинных столах*», «*розовые сучки на лавках и на столах*», «*воздух кажется розовым, и призывающий звон, и небо*» [5, с. 64].

Сердцем Троице-Сергиевой Лавры является *Троицкий собор*, так как именно на его месте, как известно из истории, была воздвигнута Сергием Радонежским Троицкая церковь, которая дала начало обители и позднее стала ее соборным храмом. Упоминается *собор Троицы* реже, нежели колокольня и Лавра. Представляет он собой маленьку белую церковь, «*с золотой кровлей и одинокой главкой*». Однако именно она и есть, по словам героев повести, «*самая Троица, Троицкий собор*» [5, с. 58], «*самая Троица тут Живоначальная наша... соборик самый*» [5, с. 44], в котором хранятся мощи преподобного Сергия Радонежского, «*его соборик*», по выражению Горкина. Именно из-за того, что его мощи хранятся в Троицком соборе, его также именуют собором Преподобного: «*Внизу люди кажутся мошками, а собор Преподобного – совсем игрушечный*» [5, с. 71].

Отметим, что, Лавра также неоднократно называется по имени основателя обители преподобного Сергия Радонежского: «*хочу вот к Сергию преподобному сходить помолиться*» [5, с. 1–2], «*И на дворе, и по всей даже улице известно, что мы идем к Сергию преподобному, пешком*» [5, с. 8], «*“Не к Преподобному ли изволите?” – и сами радостно говорят, что и они тоже к Преподобному, если Господь сподобит*» [5, с. 20], «*Дорога наша святая, по ней и цари к Преподобному ходили*» [5, с. 31], «*На память о Лавре Сергия Преподобного... приобретите для обиходца вашего, что позрится*» [5, с. 64], «*Примите благословение обители Преподобного на дорожку, для укрепления*» [5, с. 76].

Наименование монастыря по имени его основателя характерно для русской эклезионимии. Такой способ именования носит неофициальный характер и типичен для разговорной речи православных. Так, у Шмелева встречаем: «*уснул побывать у Саввы Преподобного*» [5, с. 41] (полное наименование – *Саввино-Сторожевский мужской монастырь в честь Рождества Пресвятой Богородицы*), «*Навагу везут в Москву с далекого Беломорья, от Соловецких Угодников*» [6, с. 122] (*Спасо-Преображенский Соловецкий монастырь* носит неофициальное название *в честь преподобных Зосимы и Савватия*). В контексте произведения такой способ обозначения места паломничества позволяет читателю проникнуться мыслью, что богомольцы «*идут в гости*» к Преподобному. Происходит отождествление места со святым, чьи мощи там почивают.

Следует сказать и о мотиве «игрушечности», который имеет место в дилогии. Так, в романе «Лето Господне» рассматривая «*всю игрушечную Москву*», Ваня видит «*золотой куполок храма Христа Спасителя, игрушечного совсем*» [6, с. 41]. В «Богомолье» же этот мотив усиливается. В Сергиевом Посаде паломники ищут *игрушечника Аксенова*, который владеет «*игрушечным заведением*», чтобы

остановиться в его доме. Это рождает в душе маленького героя радость: «и Троица, и игрушки, и там-то мы будем жить» [5, с. 47]. Кроме того, у Троицы находятся игрушечные ряды – «игрушечное самое гнездо»: «от Преподобного повелось: и тогда с ребятенками стекались. Большим – от святого радость, а несмысленным – игрушечка: каждому своя радость» [5, с. 77]. Здесь же, в рядах, ребенок видит игрушечную Лавру-Троицу, в самой обители с высоты колокольни Троицкий собор кажется ему «совсем игрушечным», а встречает и провожает богомольцев колокольня-Троица – «будто в лесу игрушка». Таким образом, отмечается еще один ассоциативно-символический ряд: игрушка, игрушечный – Троица – радость – праздник.

Экклезионимы в произведениях И.С. Шмелева не только служат для обозначения места, где разворачиваются события, но и “работают” на их стилистику и поэтику, придавая тексту ярко выраженную “христианскую”, более того, православную эстетику.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гукова Л.Н. Экклезионимы и их характеризующие определения в творчестве А.С. Пушкина [Электронный ресурс] / Л.Н. Гукова, Л.Ф. Фомина. – Режим доступа : <http://kds.eparhia.ru/bibliot/konferencia/ligvistika/fominaigykova/> (дата обращения: 05.05.2020).
2. Ильин И.А. О тьме и просветлении. Книга художественной критики. Бунин. Ремизов. Шмелев / И.А. Ильин. – Мюнхен :Типографія Обители преп. Іова Почаевскаговъ Мюнхен—Оберменцинг, 1959. – 196 с.
3. Мерцалова О.С. Художественная объективация цветового восприятия в произведениях И.С. Шмелева и Б.К. Зайцева 1920-1930-х гг. : Автореф. дисс. ... канд. филол. наук : спец. 01.01.01 «Русская литература» / О.С. Мерцалова. – Орел, 2007. – 22 с.
4. Руднева Е.Г. Магия словесного разнообразия / Е.Г. Руднева // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. – М. : АМАВЕСТ, 2002. – № 4. – С. 60–65.
5. Шмелев И.С. Богомолье [Электронный ресурс] / И.С. Шмелев. – Режим доступа : <https://librebook.me/bogomole> (дата обращения: 05.05.2020).
6. Шмелев И.С. Лето Господне [Электронный ресурс] / И.С. Шмелев. – Режим доступа : <http://www.wco.ru/biblio/books/shmelyov2/Main.htm> (дата обращения: 05.05.2020).

Поступила в редакцию 06.05.2020 г.

THE ECCLESIONYMY IN DILOGY LETO GOSPODNE AND BOGOMOLYE BY IVAN SHMELYOV

E. S. Sinenko

The use of names of cult buildings in fiction is a new aspect in studying ecclesionymy. This type of onyms is analyzed on the basis of the novel *Leto Gospodne* and the novella *Bogomolye* by Ivan Shmelyov. Ecclesionyms in Ivan Shmelyov's works do not only name the places, where the action is set but also render the author's stylistic and poetic message adding up to the pronounced Orthodox aesthetics of the text.

Key words: ecclesionym, ecclesionymy, poetics.

Синенко Екатерина Станиславовна.

ГОО ВПО «Донецкая академия внутренних дел МВД ДНР».

Старший преподаватель кафедры русского языка и иностранных языков.

E-mail: sinenko.ye@yandex.ru

Sinenko Ekaterina Stanislavovna.

Donetsk Academy of Internal Affairs of Ministry of Internal Affairs of the Donetsk People's Republic.

Senior Lecturer of Russian and Foreign Languages Department.

E-mail: sinenko.ye@yandex.ru

ЧЕРНИГОВ – ДОСЛАВЯНСКОЕ ИМЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОРОДА

© 2020. *О. Д. Федченко*

В статье рассматривается этимология Чернигова. В совокупности с ранее проведенными исследованиями, сделан вывод, что древнерусское сообщество определялось балтской языковой средой. В данном контексте было выяснено, что Чернигов имеет балтскую этимологию – в основе слова *kernike* с притяжательным суффиксом *-ov*. Значение топонима связано с невысокой горной местностью, на которой и возник город. Данный анализ позволяет предположить, что славянизация топонима происходила в период первой палатализации.

Ключевые слова: Русь, Чернигов, Десна, балты, славяне.

Введение. Чернигов – один из древнейших русских городов. Впервые город упоминается в русских летописях по 907 году, когда Олег включил Чернигов в число получателей дани от греков: «...даёти оуглады на Рускіе города първоє на Кіевъ также и на Черниговъ и на Переїславъ и на Полтескъ и на Ростовъ и на Любечъ и на прочає город...» [6]. Упоминание Чернигова вторым после Киева позволил исследователям предполагать, что город был крупным, экономически важным древнерусским центром [1, с. 52]. Также историки не отрицают наличие княжеского стола в Чернигове первой половины X в. (до 968 г.) [1, с. 57]. В таком контексте можно был сделан вывод, что Чернигов упоминается арабскими географами, как Дж.рбад (Дж.р.ваб, Дж.р.авт, Х.рдаб, Х.зан, Хурдаб, Хордаб) [3, с. 34]. В частности, сочинение неизвестного автора «Худуд ал-‘Аlam мин ал-Машрик ила-л-Магриб» («Границы мира с востока на запад»), датированное примерно 982 годом, так определяет сей град: «Река Рута входит в предел русов и течёт к саклабам. Затем она достигает города Хурдаб, относящегося к саклабам...», «Город, в котором он (глава глав) живёт, называется Дж.р.ваб; три дня в месяц там бывает торг, там продают и покупают...»; «Хордаб — большой город и место пребывания царя». Первая буква славянского корня *чес-* (*чор-*) передается арабскими географами как *дж/х/ч*. В то же время,озвучная ретрансляция названия Чернигова в Хордаб (Хурдаб) обусловлена его маркированием по-арабски как «большой город». Чернигов отнесен и в скандинавских сагах, как один из крупных центров Древней Руси. Город идентифицируется как *Surnes* [11, с. 45].

При этом, стоит отметить, что на основе изучения топонимов, упоминаемых в трактате Константина Багрянородного «De administrando imperio», Т̄ернгудуа – это не Чернигов, а Чернъгород [14, с. 31]. Как отмечал М. Н. Тихомиров, Чернъгород в действительности существовал на Рпени (река Ирпень) как особое поселение. В то же время, в работе византийского императора древнерусские топонимы определены Киевской землей, территорией лендзян и кривитенов (полян и горян) – пактиоты руси, но не Черниговской землей.

В целом, освоение Черниговской земли, как отмечают археологи, началось еще в эпоху палеолита (известные археологические центры в Посемье, Подесенье). По мнению исследователей, поселение возникло в скифский период в VII-II вв. до н. э., когда в бассейне Десны жили племена, которых греки называли меланхлены, или «черные плащи» [16, с. 384]. В дальнейшем на данной территории появились племена восточных славян, и с формированием древнерусской государственности город стал

превращаться в крупный административно-торговый центр [1, с. 44], что, собственно, и отражали средневековые хронисты и географы.

Основная часть. Несмотря на столь почтенный возраст Чернигова, до сих пор это название не имеет удовлетворительной этимологии. Исследователи ограничиваются, можно сказать, народной этимологией. Основным мотивом многих лингвистов выступает происхождение от *антропонима* то ли князя Черного, то ли княгини Черной. Согласно легенде, князь боролся с хазарами, а княгиня бросилась в этом месте из терема, чтобы не достаться супостатам [3, с. 466-467]. Другие пытаются привязать топоним к некоему понятию *чернига*, выдавая его за обозначение *чернозема*, проводя далее параллели с цветообозначением «черный» [2, с. 186; 5, с. 460]. Третьяи предлагают в основу названия города положить этоним – упомянутых «черных плащей», однако, не объясняя, кто переводил термин с греческого и в чем был смысл славянам заимствовать чужое непонятное слово [16, с. 384].

Впрочем, В. А. Никонов высказывает мнение, что название города могло быть ассилировано из древней неизвестной формы [3, с. 467]. При этом, согласимся частично с выводом М. Фасмера, который считал, что в основе лежит «*чернига*» (но не личное имя, а, как указывает В. П. Нерознак, топооснова) с притяжательным суффиксом *-ов* [2, с. 186; 9, т. 4, с. 345]. Вместе с тем, видим, что все предложенные конструкции натыкаются на неразрешимую проблему отсутствия слова «*чернига*» в славянских языках, заставляя исследователей предлагать лишь «гипотетические» варианты.

Древность города указывает, что в основе названия должен быть признак, определяющий географическое положение объекта на местности. Путник или путешественник должен был иметь основные ориентиры, которыми и могли выступать гидронимы и топонимы, для локализации своего места нахождения в пространстве. Археологические раскопки показали, что на территории Чернигова в VII-IX веках существовало несколько поселений, связываемых с племенами северян [4, с. 225]. Несколько возвышающихся родовых крепостей в дальнейшем и были объединены под княжеским управлением. Таким путем воедино собирались разрозненные на местных возвышенностях укрепленные поселения с формированием древнерусских городов Киев, Искоростень и другие. Сам город расположен на коренном берегу Десны, а окрестный пейзаж составляют невысокие возвышенности – горы и холмы (Вал, Елецкие и Болдины горы и другие). При этом, береговая изрезанность оврагами разделяет рассматриваемую территорию на несколько отдельных и в то же время сгруппированных невысоких плато.

Обращает на себя внимание, что славяне, в основном, давали имена городам по названиям рек или антропонимам (Полоцк, Севск, Витебск, Владимир, и т. д), тогда как дославянское население – по особенностям местности (Вциж, Каравчев, Стародуб и т. д.), в этом отношении характерна пара дославянского городища Кветунь (значение топонима от *kvitein, kvyteti* - на возвышенности в безмятежном месте [7, т. 5, с. 384; 12, с. 61]) и уже рядом возникшего славянского – Трубчевск (по гидрониму Трубеж). В то же время, изучение гидронимов В. Н. Топоровым и О. Н. Трубачевым в работах «Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья» и «Названия рек Правобережной Украины» указывает, что на рассматриваемой территории присутствовали балтоязычные племена [8]. Наглядным примером такого подхода служат древние топонимы и гидронимы соседней Брянской области, подавляющее большинство из которых имеет балтскую этимологию [10; 12]. Таким образом, этимологию Чернигова следует искать в балтской языковой среде.

Как выше было отмечено в основе лежит компонент *черниг-*, что позволяет предположить наличие корня *kirn-*, происходящего от индоевропейского корня **ker-*. В данном случае мы сталкиваемся с широким спектром значений – куст, пень, гроздья, роща,

резать и т. д. [7, т. 4, с. 15-18]. Многочисленны примеры и с вокализмом корня *e* и расширителем *-n-*, среди которых *kirno*, *kerna*, *kernike*, *kernukas* со значением карлик (т. е. низкорослый), связка, место, где что-то растет обильно и т. д. Следовательно, можно заключить, что в нашем случае определена местность, изрезанная с невысокими <холмами> (как пеньки), расположенных кучно (как гроздь). Такое понимание достаточно точно соответствует окружающему пейзажу у Чернигова, стоящего на холмах по окраине возвышенности, тянувшейся от Днепра к Десне и переходящей в низменность, что, собственно, и могли видеть плывущие по Десне путники, приближаясь к городу (см. карту).

Первый звук [ч] является результатом первой палатализации [к']>[č']. Тогда объясняется и притяжательный суффикс *-ов*, указывающий на расположение города на *черниге* – южнославянская огласовка слова *kernike* (местность с кучным расположением невысоких холмов, горок). Аналогичная словообразовательная модель встречается и в близком по значению топониме Каравеев, в котором имеем притяжательный суффикс с основой *kerēcia* [12, с. 61].

В балтийской топонимике корень *kīrn-* в аблауте *karn-/kern-* распространен довольно широко – *Karno*, *Karnites*, *Kernys*, *Kernine*, *Kernave*, *Kirne*, *Kyrnen* и другие [7, т. 3, с. 233–234, т. 4, с. 15]. В то же время рассмотренная славянская огласовка указывает, что аналогичную этимологию может иметь, например, населенный пункт в Киевской области – Черняхов, давший название Черняховской археологической культуры позднеримского периода II–IV вв., которую затем сменила зарубинецкая культура. Топонимы с изученной основой (*kern-*) широко распространены и среди древнерусских городов – Чернь (на Днепре в Киевской земле), Черница (из списка Залесских), Чернен (из списка Польских), Чернов (из числа Литовских), Чырнъсь, Чернечьсь [2, с. 186].

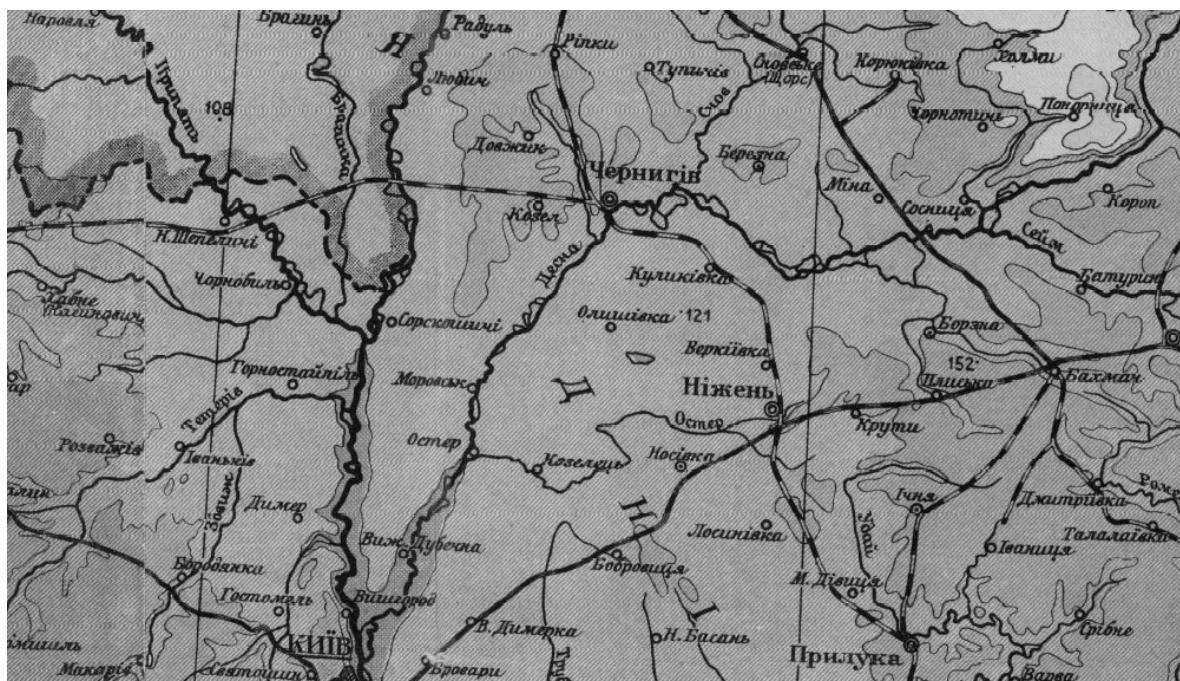

Рис. 1. Физическая карта окрестностей Чернигова [15]

Заключение. Можно сделать определенные выводы. Прежде всего, мы вновь отмечаем, что первоначально Древняя Русь представляла территорию, на которой существовала балтоязычная общность, в дальнейшем претерпевшая трансформацию в славянскую. Топоним Чернигов имеет балтскую этимологию и обозначает невысокую горно-холмистую местность, на которой возник город. Этот пейзаж является

отличительной особенностью на окружающей низменности. Огласовка топонима указывает, что процесс славянизации в данном регионе происходил в период первой палatalизации в V–VII веках [17, с. 251–252].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зайцев А. К. Черниговское княжество X—XIII в.: избранные труды / А. К. Зайцев. – М.: Квадрига, 2009. – 226 с.
2. Нерознак В. П. Названия древнерусских городов / В. П. Нерознак. – М.: Наука, 1983 – 209 с.
3. Никонов В. А. Краткий топонимический словарь / В. А. Никонов. – М.: Мысль, 1966. – 509 с.
4. Поляков А. Н. Древнейшие русские города и начало цивилизации / А. Н. Поляков. – ВОГУ, 2007. – № 4. – С.21–27.
5. Поспелов Е. М. Географические названия мира: Топонимический словарь / Е. М. Поспелов. – М. : Русские словари; Астрель; АСТ, 2002. – 512 с.
6. ПСРЛ. Т. 1-2. СПб., 1908, Ленинград, Издательство Академии Наук СССР 1926-1928. URL: litopys.org.ua
7. Топоров В. Н. Прусский язык. Словарь / В. Н. Топоров. – М.: Издательство "Наука", 1975–1990. Т. 1–5.
8. Трубачев О. Н. Труды по этимологии: Слово. История. Культура. Т. 4. / О. Н. Трубачев. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. – 696 с.
9. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. – М.: "Прогресс", 1986-1987, в 4 томах.
10. Федченко О. Д. Древние гидронимы и топонимы Брянской области / О. Д. Федченко. – Вестник экспериментального образования. – 2019. – № 1 (18). – С. 30–42. URL: <http://www.ppacademy.ru/wp-content/uploads/2019/03/118.pdf>
11. Федченко О. Д. Историческая география Руси в скандинавских сагах / О. Д. Федченко. – Научная гипотеза. – 2018. – № 8. – С. 43–64. URL: <http://gipoteza-journal.ru/archive/article0051>
12. Федченко О. Д. Происхождение названий древних городов Брянской области / О. Д. Федченко. – История и археология: материалы IV Международной научной конференции. – Санкт-Петербург: Свое издательство, 2017. – С. 56–63. URL: <https://moluch.ru/conf/hist/archive/243/12651/>
13. Федченко О. Д. Русь: путь из варяг в персы / О. Д. Федченко. – Гуманитарная парадигма. – 2018. – № 2(5). – С. 27–36. URL: <http://humparadigma.ru/art/2018/05/04-Fedchenko.pdf>
14. Федченко О. Д. Самбатас – Вышгород: Русь у Константина Багрянородного / О. Д. Федченко. – Гуманитарная парадигма. – 2018. – № 1 (4). – С. 28–33. URL: <http://humparadigma.ru/art/2018/03/05-Fedchenko.pdf>
15. Физическая карта украинских и смежных земель. Укл. В. Кубиевич – М. Кулицкий. Львов, 1939. URL: http://www.etomesto.ru/map-ukraine_1939-fizicheskaya/
16. Янко М. Т. Топонімічний словник України: Словник-довідник / М. Т. Янко. – Київ: Знання, 1998. – 430 с.
17. Shevelov G. Y. A Prehistory of Slavic / G. Y. Shevelov. – Carl Winter Universitätsverlag, Heidelberg, 1964. – 662 p.

Поступила в редакцию 20.05.2020 г.

CHERNIGOV AS A PRE-SLAVIC NAME OF AN ANCIENT RUSSIAN CITY

O.D. Fedchenko

The article discusses the etymology of Chernigov. With reference to the previous research, it has been stated that the Old Russian community was influenced by the Baltic language environment. In this context, it has been found out that Chernigov has a Baltic etymology. It is derived from the word *kernike*, which is combined with the possessive suffix *-oв*. The meaning of the toponym is associated with the low mountainous terrain, on which the city was founded. The analysis suggests that the Slavization of the toponym took place during the first palatalization.

Key words: Russia, Chernigov, Desna, Balts, the Slavs.

Федченко Олег Дмитриевич.
Независимый исследователь.
Россия, Брянск.
E-mail: yukby@yandex.ru

Fedchenko Oleg Dmitrievich.
Independent researcher.
Russia, Bryansk.
E-mail: yukby@yandex.ru

ДЕШИФРОВАЛЬНЫЕ СТИМУЛЫ АББРЕВИАТУРНОЙ ГРУППЫ «АВИА»

© 2020. *A.O. Халабузарь*
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В работе рассматриваются дешифровальные стимулы, используемые для текстовой дешифровки сложносокращённых апеллятивов, входящих в аббревиатурную группу «авиа». Автор описывает данные единицы как систему лемм и токенов, представляющих три ономасиологические модели: презентативную, релятивную и модификативную. Даются статистические сведения об использовании дешифровальных стимулов.

Ключевые слова: аббревиатура, дешифровальный стимул, лемма, модификатив, презентатив, релятив, токен.

Объектом рассмотрения в нашей работе являются сложносокращённые апеллятивы, входящие в аббревиатурную группу «авиа». Под сложносокращёнными апеллятивами здесь понимаются «нарицательные лексемы, связанные мотивационными отношениями со словосочетаниями и включающие в свой состав эквиваленты не менее двух слов этих словосочетаний, как минимум один из которых является неинициальным абброконструктом (сокращенным эквивалентом)» [12, с. 104], например слово *авиапромышленность*, связанное мотивационными отношениями со словосочетанием *авиационная промышленность*. В одну аббревиатурную группу входят сложносокращённые слова, имеющие одинаковый абброконструкт находящийся в абсолютной препозиции, то есть начинающиеся с данного абброконструкта. В аббревиатурную группу «авиа», по данным картотеки Толково-эквивалентного словаря сложносокращённых слов русского языка (далее – Словарь), создаваемого коллективом Экспериментальной лаборатории исследований тенденций аббревиации (далее – Лаборатория) при кафедре русского языка Донецкого национального университета, входят 272 узульных слова, отобранных по специальным методикам путём сплошной выборки из текстов, размещенных в сети интернет. За пределами словаря остались окказиональные аббревиатуры, индекс употребления которых составляет менее 500 упоминаний.

Аббревиатурная группа «авиа» уже не раз становилась объектом рассмотрения учёных. В работе А.А. Бурыкина описывается история вхождения слов с абброконструктом *авиа-* в словари русского языка [1]. В цикле работ Ю.С. Дубковой описываются особенности аббревиатурного поля «авиация» [4], производится сопоставительный анализ семантики слов с компонентами *авиа-* и *аэро-* [3] и т.д. Отметим, что результатом исследований Ю.С. Дубковой и её научного руководителя проф. А.В. Петрова стало издание «Аббревиатуры тематической группы "Перемещение по воздуху" в языке и речи: материалы к словарю» [5], в котором также представлены сложносокращённые слова с конструктом *авиа-*.

Следует указать на отличия нашего исследования от упомянутых работ. Целью предлагаемой статьи является синхронное описание системы дешифровальных стимулов сложносокращённых слов аббревиатурной группы «авиа».

Разграничение диахронного и синхронного подходов является базовым принципом теории Лаборатории. Сущность этого различия состоит в том, что

диахронный подход определяет аббревиатуру как слово, образованное от словосочетания, а синхронный – как слово, имеющее на актуальном срезе языка словосочетания, связанные с ним мотивационными отношениями, независимо от того, какие деривационные отношения с точки зрения диахронии реализуются в аббревиатурной паре «слово – словосочетание». Как показали исследования В.И. Теркулова (см. общее изложение результатов в [10]), среди слов, имеющих одинаковый абброконструкт, отмечаются как слова, возникшие в результате замещения этим абброконструктом компонента производящего словосочетания, например *авиатопливо*, в котором *авиа-* замещает слово *авиационное* производящего словосочетания *авиационное топливо*, так и слова, которые только имитируют конечную структуру аббревиатуры, например квазиаббревиатуры, созданные путём прямого присоединения абброконструкта (аббромуорфемы) *авиа-* к производящему слову, например *авиатакси*, образованное от слова *такси*, сложнопроизводные слова, например *авиамоделизм* – производное от слова *авиамодель* и т.д.¹

Однако наряду с универбализацией, представляющей собой процесс свёртывания словосочетания в слово [8], в языке действует и процесс псевдоунивербализации – развёртывания словосочетания на базе слова [9]. В этом случае действует стереотип восприятия слов с абброконструктами: носитель языка стремится дешифровать их при помощи стереотипных моделей дешифровки и использовать вторичные синтаксические эквиваленты в текстах в качестве синонимов. Именно поэтому для слова, например, *авиатакси* в эквивалентных текстах появляется дешифровка *авиационное такси*: *В службах авиатакси, как правило, используются воздушные транспортные средства небольшой вместимости – Авиационное такси экономит время заказчиков, позволяя в кратчайшие сроки перемещаться в отдалённые регионы страны и в труднодоступные места* (<http://aerocgl.ru/stati/cto-takoe-aviataksi-i-kak-ego-zakazat>). Как отмечает А.И. Бровец, «наличие на актуальном срезе языка эквивалентных словосочетаний у диахронных аббревиатур, для которых они являются производящими, и у диахронных квазиаббревиатур, от которых они были произведены путём псевдоунивербализации, стирает в синхронии различия между аббревиатурами и квазиаббревиатурами» [2, с. 491].

Появление вторичных эквивалентов (псевдоунивербализация) отмечается не только для квазиаббревиатур, но и для исконных аббревиатур. Например, для слова *авиакорпорация* в текстах отмечаются эквиваленты *корпорация авиационной промышленности*, *авиационная корпорация*, *авиакосмическая корпорация*, *авиапромышленная корпорация*, *авиационно-промышленная корпорация*, формирующие его гнездо эквивалентности. Определить, какое из этих словосочетаний стало источником для универбализации, а какие возникли вследствие псевдоунивербализации, достаточно сложно, однако для синхронного среза языка это не важно: важно то, что язык предоставляет возможность множественной эквивалентностной трактовки сложносокращённых слов, и эта множественность обеспечена наличием в сознании носителей языка дешифровальных стимулов, которые определяются как способы «развёртывания сокращённого конструкта аббревиатуры» [2, с. 491], то есть «слово или сочетание слов, которое осознаётся носителями языка как эквивалент абброконструкта и может быть использовано ими для его замены в эквивалентном словосочетании» [11, с. 44]. В.А. Рязанова считает дешифровальный стимул отражением «имплицитных знаний носителя языка, которые стимулируют возможность разной дешифровки сложного слова» [7, с. 110]. Именно большое

¹ О принципах разграничения аббревиатур и квазиаббревиатур разных типов см. [Теркулов 2017].

количество дешифровальных стимулов одного абброконструкта обеспечивают возможность существования многокомпонентных гнёзд эквивалентности одной аббревиатуры.

Для описания дешифровальных стимулов аббревиатур нами используются понятия «токен» и «лемма». Под токеном понимается речевая реализация дешифровального стимула, а под леммой – «словарная» единица, объединяющая однотипные токены. Например, лемма **авиация** объединяет токены *авиацией* (*авиаобстрел – обстрел авиацией*); *авиации* (*авиагарнизон – гарнизон авиации*); *авиация* (*авиасвязь – авиация связи*); *в авиации* (*авиаслужба – служба в авиации*); *для авиации* (*авиатопливо – топливо для авиации*); *от авиации* (*авиашум – шум от авиации*); *по авиации* (*авиаинспектор – инспектор по авиации*). Работа с аббревиатурной группой «авиа» показала необходимость введения дополнительно понятий «сублемма» и «субтокены» для обозначения развернутых интерпретативных (модификативных, см. ниже) разновидностей лемм и токенов. Например, для леммы «авиация» отмечаются сублеммы **авиация** (см. выше); **военная авиация**: *военной авиации* (*авиакорпус – корпус военной авиации*), *в военной авиации* (*авиаслужба – служба в военной авиации*), для *военной авиации* (*авиаоборудование – оборудование для военной авиации*); **гражданская авиация**: *в гражданской авиации* (*авиасоглашение – соглашение в гражданской авиации*), *гражданской авиацией* (*авиаруководство – руководство гражданской авиацией*), *гражданской авиации* (*авиаинспектор – инспектор гражданской авиации*), для *гражданской авиации* (*авиапространство – пространство для гражданской авиации*), *за гражданской авиацией* (*авианадзор – надзор за гражданской авиацией*), *о гражданской авиации* (*авиасоглашение – соглашение о гражданской авиации*), *по гражданской авиации* (*авиасоглашение – соглашение по гражданской авиации*); **область авиации**: *в области авиации* (*авиаспециалист – специалист в области авиации*), *в области гражданской авиации* (*авиауслуги – услуги в области гражданской авиации*); **помощь авиации**: *с помощью авиации* (*авиаопрыскивание – опрыскивание с помощью авиации*).

Всего для аббревиатурной группы «авиа» обнаружено 42 леммы, 59 сублемм и 158 токенов. Выделение дешифровальных стимулов обеспечивается констатацией их употребления в так называемых эквивалентных текстах, то есть в текстах, в которых аббревиатура и её эквивалент употребляются как абсолютные синонимы. Например, подтверждение использования дешифровального стимула *в области авиации* для развертывания слова *авиаспециалист* мы находим в следующем примере: – Считавшийся крупным **специалистом в области авиации**, Ульянин неоднократно возглавлял комиссии по приемке аэропланов и моторов для них русского и иностранного производства – Авторитет его как *авиаспециалиста* был очень высок (<http://www.strizhi.ru/cgi-bin/YaBB.pl?num=1201024387/all>).

Дешифровальные стимулы распределяются по трём ономасиологическим типам: презентативному и двум интерпретативным – релятивному и модификативному.

Базовый тип – презентативный дешифровальный стимул, «представленный относительным прилагательным с квалификативной семантикой и характеризующийся наименьшей степенью когнитивного усилия» [2, с. 492]. В нашем случае это стимул представленный сублеммой **авиационный, -ая, -ое**. Он используется во всех гнёздах эквивалентности (272 употребления). Сублемма представлена четырьмя группами токенов: *авиационный* (*авиагигант – авиационный гигант*) – 124 употребления, *авиационная* (*авиадвигатель – авиационный двигатель*) – 86 употреблений; *авиационное* (*авиазвено – авиационное звено*) – 55 употреблений; *авиационные* (*авиауслуги – авиационные услуги*) – 7

употреблений. Использование презентатива является стереотипным и, в принципе, малоинформационным: мы можем только определить по нему, что обозначаемый сложносокращённым словом объект как-то связан с авиацией.

Уточнение семантики презентативного дешифровального стимула осуществляется при помощи релятивных дешифровальных стимулов, которые, «обозначая обобщённо объект номинации, реализуют дополнительную актантную семантику» [6, с. 46]. Для аббревиатурной группы «авиа» релятивные стимулы объединяет сублемма *авиация* (127 употреблений), представленная падежно-числовыми формами *авиации* (*авиагарнizon – гарнizon авиации*) – 87 употреблений, реализующих обычно посессивное значение; для *авиации* (*авиатопливо – топливо для авиации*) – 22 употребления, реализующих дестинативное значение; *по авиации* (*авиаинспектор – инспектор по авиации*) – 7 употреблений, реализующих каузативное значение; *авиацией* (*авиабстрел – обстрел авиацией*) – 6 употреблений, реализующих агентивное значение; *в авиации* (*авиаслужба – служба в авиации*) – 3 употребления, реализующих агентивное значение; *авиация* (*авиасвязь – авиация связи*) – 1 употребление, реализующее объектное значение; *от авиации* (*авиашум – шум от авиации*) – 1 употребление, реализующее каузативное значение. Как видим, релятивный дешифровальный стимул используется более чем в два раза реже, нежели презентативный дешифровальный стимул.

Модификативные дешифровальные стимулы уточняют лексическую семантику аббревиатуры, дают её альтернативную трактовку. Например, сложносокращённое слово *авиабезопасность* имеет презентативный эквивалент *авиационная безопасность* и релятивный эквивалент с посессивной семантикой *безопасность авиации*, обозначающие любые формы обеспечения безопасности работы авиации. В качестве модификатива для данного слова выступает эквивалент *безопасность авиаперевозок*, который реализует гипонимическое значение «безопасность грузов и людей, находящихся на борту воздушного судна»: Эксперты Совета безопасности России и генерального секретариата по обороне и национальной безопасности Франции обсудили в Москве вопросы *безопасности авиаперевозок* – Ранее сообщалось, что премьер-министр Великобритании Дэвид Кэмерон собирается обсудить *авиабезопасность* на встрече с президентом России Владимиром Путиным (https://www.gazeta.ru/politics/news/2016/06/23/n_8798183.shtml).

Мы различаем два типа модификативов: сублеммный и леммный.

Сублеммные модификативы включают в свой состав базовую лемму. Например, для леммы *авиация* сублеммными модификативами являются *военная авиация*: *военной авиации* (*авиакорпус – корпус военной авиации*), *в военной авиации* (*авиаслужба – служба в военной авиации*), для *военной авиации* (*авиаоборудование – оборудование для военной авиации*); *гражданская авиация*: *в гражданской авиации* (*авиасоглашение – соглашение в гражданской авиации*), *гражданской авиацией* (*авиаруководство – руководство гражданской авиацией*), *гражданской авиации* (*авиаинспектор – инспектор гражданской авиации*), для *гражданской авиации* (*авиапространство – пространство для гражданской авиации*), за *гражданской авиацией* (*авианадзор – надзор за гражданской авиацией*), о *гражданской авиации* (*авиасоглашение – соглашение о гражданской авиации*), *по гражданской авиации* (*авиасоглашение – соглашение по гражданской авиации*); *область авиации*: *в области авиации* (*авиаспециалист – специалист в области авиации*), *в области гражданской авиации* (*авиауслуги – услуги в области гражданской авиации*); *помощь авиации*: *с помощью авиации* (*авиаопрыскивание – опрыскивание с помощью авиации*).

Леммные модификативы реализуют токены одной леммы. Например, нами отмечается леммный модификатив *авиакомпания*, представленный токенами *авиакомпании* (*авиаагент* – *агент авиакомпании*); *авиакомпаний* (*авиасервис* – *сервис авиакомпаний*), с *авиакомпанией* (*авиасоглашение* – *соглашение с авиакомпанией*), с *авиакомпаниями* (*авиасоглашение* – *соглашение с авиакомпаниями*).

Модификативы обычно входят в гнездо эквивалентности как элементы, дополняющие презентативный и, часто, релятивный дешифровальный стимул. Например, в гнезде эквивалентности слова *авиаагентство* представлены:

1) презентатив *авиационное агентство*: *Авиационное агентство «Байкальская Виза Авиа»* — оформление виз, авиа и жд билеты, горящие и оздоровительные туры – Наше *авиаагентство* поможет вам организовать незабываемый отдых за рубежом (<https://www.irk.ru/tourism/yp/firms/17127/>);

2) релятив *агентство авиации*: Напомним, что ранее в 2009 FAA (Федеральное агентство авиации США) изменили свои правила и инструкции, позволив "любительской" ракетной технике проводить запуски на высоту 93 мили (150 км) (<https://kuban.aif.ru/science/details/485860>) – Совсем недавно FAA (федеральное агентство США) зарегистрировало компанию *Wing Aviation* в качестве авиакомпании (http://transaviacompany.com/novosti/news_post/dostavka-gruzov-bespilotnymi-letatelnymi-apparatami);

3) леммный модификатив *агентство авиаперевозок*: Агентство авиаперевозок «Надежда» работает на российском рынке уже более 15 лет – Покупку или бронирование подошедших вам авиабилетов вы осуществляете самостоятельно на сайте авиакомпании или авиаагентства через ваш электронный кошелек или пластиковую карту (<https://www.liveinternet.ru/users/tiketke/page33.shtml>);

4) сублеммный модификатив агентство гражданской авиации: Колумбийское агентство гражданской авиации сделало официальное заявление о трагедии, произошедшей утром с рейсом Санта Крус – Медельин– Колумбийское авиаагентство сделало официальное заявление (<https://m.footballhd-news.com/allnews/drugoenews/163159-stali-izvestny-prichiny-krusheniya-samoleta-v-kolumbii.html>)

В ряде случаев, правда, отмечается главенствующая роль модификатива в формировании гнезда эквивалентности. Например, для слова *авиакасса* основным эквивалентом является словосочетание *касса по продаже авиабилетов*, а презентатив *авиационная касса* имеет очень низкий индекс употребления: оно отмечается в интернет-текстах в 200 раз реже, чем аббревиатура.

Итак, в аббревиатурной группе «авиа» представлено 42 леммы, 59 сублемм и 158 токенов дешифровальных стимулов, под которыми подразумеваются способы дешифровки абброконструктов. Нами разграничены презентативы, релятивы, леммные и сублеммные модификативы. Базовыми дешифровальными стимулами для аббревиатурной группы «авиа» являются токены презентативной леммы *авиационный* и релятивной леммы *авиация*. В последующих работах предполагается описать ономасиологические и формальные структуры дешифровальных моделей аббревиатурной группы «авиа».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бурыкин А.А. Об истории слов с компонентами авиа- и аэро- в русском языке конца XIX – начала XX века / А.А. Бурыкин // Словарь русского языка XIX века. Проблемы. Исследования. Перспективы. – СПб., 2003. – С. 28–38.

2. Бровец, А.И. Дешифровальный стимул сложносокращённого слова: к проблеме определения и описания / А.И. Бровец // Рустика. – 2019. – Т. 17. – № 4. – С. 487–501.
3. Дубкова Ю.С. Корреляция иноязычных основ (на материале композитов с заимствованными основами авиа- и аэро-) / Ю.С. Дубкова // Вестник Вятского государственного университета. – 2017. – № 11. – С. 195–198.
4. Дубкова Ю.С. Понятие аббревиационной идеографии / Ю.С. Дубкова // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2018. – № 2. – С. 76–86.
5. Дубкова Ю.С. Аббревиатуры тематической группы «Перемещение по воздуху» в языке и речи: материалы к словарю / Ю.С. Дубкова, А.В. Петров. – Симферополь: Полипринт, 2019. – 222 с.
6. Михайлова Е.Н. Принципы выделения релятивных дешифровальных стимулов на материале аббревиатурной группы «газо» / Е.Н. Михайлова, В.И. Теркулов // Донецкие чтения 2017: русский мир как цивилизационная основа научно-образовательного и культурного развития Донбасса : Материалы Международной научной конференции студентов и молодых ученых. Посвящена 80-летию ДонНУ. Под общей редакцией С.В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2017. – С. 46–48.
7. Рязанова В.А. Мутантные аббревиатурно-композитные группы в словообразовательной системе языка / В.А. Рязанова // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2017. – № 6. – С. 108–116.
8. Теркулов В.И. Универбализация: постановка проблемы / В.И. Теркулов // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Филология, история, востоковедение. – 2010. – № 3. – С. 135–142.
9. Теркулов В.И. Типология псевдоунивербализаций в русском языке / В.И. Теркулов // Вестник Волгоградского государственного университета. – Серия 2: Языкоизнание. – 2013. – № 3. – С. 55–62.
10. Теркулов В.И. Сложносокращённые слова: синхронный и диахронный аспекты описания / В.И. Теркулов // Вестник Московского университета. – Серия 9: Филология. – 2017. – № 6. – С. 73–97.
11. Теркулов В.И. Прогнозирование эквивалентных отношений для сложносокращённых слов / В.И. Теркулов // Русское слово. Сб. научных трудов к юбилею доктора филологических наук, профессора кафедры русского языка и методики его преподавания Волгоградского государственного социально-педагогического университета В.И. Супруна. Вып.6 / Под ред. Е.И. Алещенко. – Волгоград: Изд-во ООО РА «Фортесс», 2018. – С. 42–54.
12. Теркулов В.И. Сложносокращенные апеллятивы как автономная разновидность аббревиатур / В.И. Теркулов // Рустика. – 2020. – Т. 18. – № 1. – С. 97–112.

Поступила в редакцию 22.06.2020 г.

DECODING PATTERNS OF THE ABBREVIATION GROUP "AVIA"

A.O. Halabuzar

The article addresses the description motivators used for text decoding of compound appellatives, which are part of the abbreviation group "avia". The author describes these units in terms of the system of lemmas and tokens representing three onomasiological patterns: presentative, relative and modificational. The analysis is supported by the corresponding statistical data.

Key words: abbreviation, decription motivator, lemma, modifier, presentative, relative, token.

Халабузарь Алла Олеговна.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». Ассистент кафедры русского языка.
E-mail: a.halabuzar@donnu.ru

Halabuzar Alla Olegovna.

Donetsk National University.
Assistant of the Russian Language Department.
E-mail: a.halabuzar@donnu.ru

РЕЦЕНЗИИ

УДК 801.731

РЕЦЕНЗИЯ НА УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ Т.Н. ФЕДУЛЕНКОВОЙ «ФРАЗЕОЛОГИЯ: ХРЕСТОМАТИЯ» (Архангельск, САФУ им. М.В. Ломоносова, 2017. 172 с.)

© 2020. А.М. Поликарпов¹, Д.В. Калиш²

¹ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова»

²ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых»

Рецензия на издание, которое включает извлечения из наиболее актуальных работ авторитетных специалистов, отражающих важные вехи в развитии отечественной фразеологии, дает возможность более полного представления о разработке основных проблем в истории фразеологии как отрасли языкоznания.

Ключевые слова: фразеология, хрестоматия, актуальные проблемы.

При составлении хрестоматии весьма нелегко избежать субъективизма в отборе и оценке работ по определенной области знания. Знакомство с данной книгой убеждает нас в стремлении составителя к тому, чтобы, публикуя извлечения из наиболее актуальных в настоящее время работ известных российских лингвистов-фразеологов, дать возможно более полное представление читателю о разработке соответствующей проблемы в истории фразеологии как отрасли языкоznания. Рецензируемая хрестоматия включает одиннадцать работ, которые отражают определенные вехи в развитии отечественной фразеологии как самостоятельной лингвистической дисциплины и могут быть интересны студентам в ее освоении.

Работа А.В. Кунина «Слова-сопроводители и контекст» (с. 6–13) привлекла внимание составителя хрестоматии своей полемикой с лингвистами, отстаивающими статус слов-сопроводителей как слов свободного употребления. На ряде конкретных примеров автор доказывает, что «слово-сопроводитель» является единственным элементом обязательного фразеологического окружения. Приведенная А.В. Кунинным аргументация убеждает читателя, что слова-сопроводители не являются словами свободного употребления, а, напротив, входят в состав фразеологизмов, то есть являются их компонентами. Если так называемых «слов-сопроводителей» несколько, то они представляют либо синонимы, либо фразеологические варианты (*беречь (хранить) как зеницу ока, глядеть (смотреть) во все глаза, копаться (разбираться) как свинья в апельсине, погибнуть (пропасть) ни за понюшку табаку*), для которых, как известно, характерно абсолютное тождество сигнifikативно-денотативного и коннотативного аспекта значения и взаимозаменяемость в контексте. Поскольку фразеологическая единица существует в единстве своих вариантов, то в подобных случаях нет никаких оснований выделять «слова-сопроводители» и наречные фразеологизмы.

Несостоятельность теории «слов-сопроводителей» объясняется отрицанием словности компонентов ФЕ, забвением глубоких мыслей, высказанных академиком В.В. Виноградовым по поводу семантической когерентности ФЕ.

Непосредственным продолжением идей о вариативности ФЕ является работа Г.И. Краморенко «Фразеологические варианты в идиоматике современного немецкого

языка» (с. 14–36). Принимая во внимание достижения англистов в области изучения варианты ФЕ и ее дифференциации с синонимией ФЕ, автор на материале современного немецкого языка показывает, что фразеологические варианты не только совпадают по значению, но и имеют общность в структуре, образе, лексическом составе, различаясь, в основном, лексическим оформлением одного-двух компонентов.

Значимость данной работы состоит в том, что автор пытается решить следующие важные в области фразеологической варианты задачи: а) показать богатство и разнообразие проявления фразеологической вариации существительных и глаголов в идиоматике немецкого языка; б) выяснить, в каком взаимоотношении находятся варьируемые компоненты и какие изменения вносятся этой вариацией во фразеологическую единицу в целом; в) определить факторы, содействующие наличию и широкому распространению фразеологических вариантов в языке; г) уточнить, в каких условиях возможен тот или иной вид вариации; д) определить, какова связь между традиционной устойчивостью и традиционной изменчивостью состава фразеологизмов; е) выяснить, имеет ли фразеологическая вариация системный характер, и в каком отношении она находится к проблеме расширения и совершенствования фразеологического состава языка.

Включение в книгу работы А.М. Мелерович «Языковая мотивировка фразеологического значения и фразеологическая абстракция» (с. 37–44) обусловлено интересом лингвистов к проблемам семантического анализа фразеологических единиц. Автор показывает, что многократное воспроизведение словесных комплексов в различных контекстах с абстрагированным от единичных ситуаций, типизированным значением есть важнейший признак и условие их фразеологизации. Основные показатели фразеологизации словесного комплекса – закрепление его в системе языка в функции обозначения того или иного класса явлений и обусловленная этим стабилизация его значения и формы, его устойчивость и семантическое преобразование. Изучение механизма формирования фразеологического значения, свойств его мотивированности и абстракции в соотношении с семантикой составляющих фразеологизм языковых элементов – необходимый этап в установлении зависимости между структурой плана содержания и плана выражения ФЕ.

Важность работы А.М. Мелерович и В.М. Мокиенко «Знаковый аспект фразеологической семантики» (с. 45–51) состоит в том, что при исследовании семантической структуры ФЕ авторы исходят из общности основных типов семантических элементов в структуре единиц языковой номинации разных уровней. Такая трактовка языковой номинации позволяет рассматривать номинативную функцию как глобальное свойство ФЕ, поскольку в их значении тем или иным образом отражаются различные элементы действительности. При этом номинативная функция ФЕ не только специализирует фразеологическое значение как значение особого типа, но и во многом обеспечивает постоянное взаимодействие фразеологизмов с единицами других языковых уровней. Выявление особенностей номинативной структуры ФЕ на таком межуровневом фоне ведет к определению их места в системе языковых знаков, способствует раскрытию природы фразеологического значения и установлению семантической специфики ФЕ в этой системе.

Основная специфика фразеологического уровня по сравнению с другими определяется как «добавочностью смысла» (по Б.А. Ларину), так и структурно-семантическими ограничениями, вытекающими из компликативной сущности фразеологической единицы. Такая компликативность порождена внутренней динамичностью фразеологической системы, регулируемой оппозициями, имеющими системный и универсальный характер.

Включенная в хрестоматию работа Н.Л. Шадрина «К понятию дистрибуции фразеологических единиц» (с. 52–66) привлекает внимание читателя авторской трактовкой понятия дистрибуции ФЕ. Полемизируя с Ю.С. Степановым и Дж. Лайонзом, автор настаивает на неадекватности отождествления дистрибуции слова и фразеологической единицы. Понятие дистрибуции ФЕ должно быть шире, чем понятие их сочетаемости. В объем понятия дистрибуции ФЕ включается не только их сочетаемость, но и соотнесенность, сцепление и присоединение, что позволяет квалифицировать дистрибуцию фразеологизмов как совокупность всех видов их связи с окружающим контекстом.

Полемизируя с В.Л. Архангельским, Н.Л. Шадрин указывает, что при определении дистрибуции ФЕ следует исходить из критерия языковой нормы, что обеспечит понимание дистрибуции как совокупности не всех окружений, а лишь тех, которые встречаются при узуральном употреблении фразеологизмов, тем более, что дистрибутивный анализ имеет дело не с речевой деятельностью в целом, а с регулярностями определенных признаков речи, регулярностями, которые заключаются в повторяемости этих признаков относительно друг друга в пределах высказываний.

Работа Е.В. Ивановой «Какого цвета пословичная картина мира?» (с. 67–88) посвящена описанию и сопоставлению концептуализации цвета в английской и русской пословичных картинах мира. Исследование пословичного восприятия цвета предполагает, во-первых, реконструкцию концептов цвета на основе признаково-характеристик, вычленяемых при анализе когнитивного пространства пословиц. Понятие пословичного когнитивного пространства (или когнитивной структуры), лежащего в основе пословичной картины мира, отличается от понятия семантического поля. При описании семантического поля отношения между языковыми единицами устанавливаются на основе их значения. Семантика внутренней формы во внимание не принимается, а языковая оболочка существования единиц семантического пространства определяет дискретность его распределения. При описании когнитивного пространства в равной мере учитывается значение и внутренняя форма языковой единицы. Главная задача состоит в выделении отрезков знания, когнитем, из которых слагаются пословичные концепты и прототипы.

Концептам цвета свойственна в русской ПКМ большая детализация и конкретизация, чем в английской, что связано с большим количеством пословиц с цветообозначениями в русском пословичном корпусе. Преобладание цветовой характеристики в русских пословицах по сравнению с английскими автор объясняет более конкретным, детализированным характером концептуализации мира в русских пословицах, меньшим количеством абстрактных концептов на уровне внутренней формы.

Вопрос о принципиальной возможности выделения фразеологических оборотов в качестве единиц перевода поднимается Н.Л. Шадриным в его работе «Фразеологизм и вопрос о единице перевода» (с. 89–98). Такая необходимость возникает вследствие того, что принадлежность фразеологизмов к единицам перевода отнюдь не является самоочевидной. Автор убедительно доказывает, что сегментация текста на единицы перевода производится не по признаку соотнесенности с принятыми единицами или уровнями языковой иерархии, а по степени той важности, которую приобретает передача семантической и стилистической информации, содержащейся в отдельных элементах исходного текста, для достижения общей адекватности перевода. Следовательно, выделение единиц перевода осуществляется не по формальному, а по функциональному принципу: подлежат передаче элементы оригинала, имеющие собственную семантическую или стилистическую функцию, сохранение которой важно с точки зрения полноценности перевода.

Неотъемлемой частью хрестоматии является работа И.С. Хостай «Системно-функциональные характеристики фразеологических единиц библейского происхождения в английском языке» (с. 99–118), в которой поднимаются следующие вопросы: а) выделение и описание полного корпуса библейской фразеологии современного английского языка; б) рассмотрение основных номинативных характеристик ФБ; в) изучение лингвистического статуса прототипов ФБ и их классификация; г) анализ путей и особенностей фразеологизации прототипов ФБ, а также характера отношений между ФБ и их прототипами; д) определение места ФБ в системе современного английского языка и описание основных системных характеристик этих единиц номинации; е) изучение функциональных характеристик фразеологизмов библейского происхождения в современной англоязычной художественной и публицистической литературе.

В работе Е.Ф. Арсентьевой «Критический анализ русско-английских фразеологических словарей» (с. 119–138) рассматриваются наиболее важные вопросы двуязычной фразеографии, такие, например, как особенности презентации фразеологического материала, построения словарной статьи, избрание системы помет, подбор иллюстративных примеров, отбор английских фразеологических эквивалентов или объяснений для каждой русской идиомы, стремление указать функционально-стилистические характеристики ФЕ, полнота представляемого языкового материала, наличие грамматической информации о включенной в словарную статью фразеологической единице, приведение в ряде случаев синонимичной идиомы (*с легким сердцем – с легкой душой*).

В структуре хрестоматии важную роль играет работа Т.Н. Федуленковой «Фразеология и типология» (с. 139–148), в которой автор обосновывает типологическую релевантность фразеологии. Принимая во внимание такие особенности сопоставительного анализа фразеологии, как опосредованность, многоплановость, аппроксимативность, в качестве типологических признаков фразеологии автор называет следующие: а) структурная организация фразеологических единиц, б) характер лексического состава фразеологических единиц, в) характер морфологического оформления компонентов ФЕ, г) тип зависимости компонентов фразеологических единиц, д) степень устойчивости фразеологических единиц, е) корреляция семного состава компонента со значением фразеологических единиц, ж) тип смысловой модификации фразеологических единиц, з) характер транспарентности внутренней формы фразеологических единиц, и) отношение фразеологической единицы к структурно-семантической моделированности, к) уровень фразеологической абстракции.

Хрестоматийная подборка завершается работой В.Н. Телия «Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры» (с. 149–163). В первой части данной работы выделяются первоочередные, с точки зрения автора, задачи изучения фразеологии в контексте культуры, а во второй – предпринята попытка обосновать методологические основания, адекватные исследованию взаимодействия языка и культуры на материале фразеологии.

В заключение дается *Предметный указатель* (с.164–170), где приводится около трехсот терминов и терминологических сочетаний из области фразеологии, семантики и семасиологии с указанием страниц хрестоматии, на которых упоминаются эти термины или дается их трактовка.

Актуальность данной книги не вызывает сомнения, так как в нее включены извлечения из научных работ отечественных лингвистов, в которых подняты самые насущные проблемы современной фразеологии, а именно:

- а) проблемы взаимоотношения слов-сопроводителей и контекста,
- б) проблема варианта и тождества в фразеологии,
- в) проблема языковой мотивировки фразеологического значения,
- г) проблема фразеологической абстракции,
- д) проблема актуализации единичных денотатов ФЕ,
- е) проблемные вопросы дистрибуции фразеологических единиц,
- ж) проблемы фразеологии как объекта перевода,
- з) проблемы системных и функциональных характеристик фразеологических единиц библейского происхождения,
- и) проблемы фразеографии и принципы составления двуязычных фразеологических словарей,
- к) проблемы типологической релевантности фразеологии,
- л) методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры.

Посвященное светлой памяти профессора В.Д. Аракина и профессора А.В. Кунина, рецензируемое издание несет в себе высокий научный потенциал, отличается продуманным отбором хрестоматийного материала и может служить настольной книгой как будущим специалистам по фразеологии, так и преподавателям вузов, которые готовятся читать лекции студентам по этой академической дисциплине.

Поступила в редакцию 06.08.2020 г.

REVIEW OF THE TEXTBOOK BY T.N. FEDULENKOVA "PHRASEOLOGY: TEXTBOOK"

A.M. Polikarpov, D.V. Kalish

The review of the book, which includes extracts from the most relevant works of authoritative specialists, reflecting important milestones in the development of Russian phraseology, makes it possible to more fully understand the development of the main problems in the history of phraseology as a branch of linguistics.

Key words: phraseology, textbook, topical issues.

Поликарпов Александр Михайлович.

Доктор филологических наук, профессор. ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова». Заведующий кафедрой перевода и прикладной лингвистики Высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации.

E-mail: polikarpov.ling@yandex.ru

Polikarpov Alexander Mikhailovich.

Doctor of Philology, Professor. Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov. Head of the Department of Translation and Applied Linguistics of the Higher School of Social and Human Sciences and International Communication. E-mail: polikarpov.ling@yandex.ru

Калиш Дарья Валерьевна.

ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых». Студентка Гуманитарного института. E-mail: solitude07@gmail.com

Kalish Daria Valerevna.

Vladimirsky State University named after the Stolz brothers. Applicant at the Humanitarian Institute. E-mail: solitude07@gmail.com

РЕЦЕНЗИЯ НА ДИССЕРТАЦИОННУЮ РАБОТУ
А.М. ГОРОХОВОЙ «РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ БРИТАНСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО
ХАРАКТЕРА В ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОМ ФОНДЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА»
НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ
НАУК ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ 10.02.04 – ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ
(Н. НОВГОРОД, 2017)

© 2020. *Т.Н. Федуленкова, М.С. Курганова*
ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет
имени А.Г. и Н.Г. Столетовых»

В рецензируемой диссертации, проводя чёткое разграничение молекулярной и планетарной моделей национальной идентичности, А.М. Горохова выводит принцип единого индуктивного моделирования данного явления и выявляет свойственные ему универсальные признаки. Исследование расширяет знания в области лингвокультурологии, лингвистики, психолингвистики.

Ключевые слова: культуроцентрическая доминанта, моделирования национальной идентичности, ассоциативное картирование, паремия.

Рецензируемая диссертация выполнена в русле культуроцентрической доминанты лингвистических исследований начала нынешнего века, способствующей интерпретации языковых явлений в тесной корреляции с культурной составляющей и национальной идентичностью [3, с. 86–99]. Общеизвестно, что как узкоспециальная исследовательская категория британская национальная идентичность привлекает гибридным характером и симбиотическим существованием элементов культурного наследия, которые были привнесены на Британские острова извне. В истории филологии доминантные элементы «английскости» многократно систематизировались и иллюстрировались [7; 5; 6]. Новаторство исследования А.М. Гороховой состоит в том, что именно ей удалось разработать и предложить способ моделирования и анализа ядерных и периферийных компонентов британского национального характера сквозь призму продукта жизнетворчества нации, а именно, сквозь призму ее лингвистического пласта [4, с. 47].

Данная работа посвящена изучению феномена британского национального характера и ассоциативному картированию его компонентов, полученных на основе анализа паремиологического фонда современного английского языка, представляющего одну из наиболее статичных форм лингвистической проекции этномаркированных констант, ключевыми компонентами которого выступают пословицы. Исследование отражает национально-культурную специфику британского лингвосоциума и представляется перспективным с точки зрения как дальнейшего развития теории межкультурной коммуникации и расширения теоретических знаний о британской картине мира, так и с точки зрения решения целого ряда прикладных задач, связанных с систематизацией, наглядной визуальной презентацией лингвистической проекции базовых черт британской идентичности и дифференциацией ядра и периферии системы «britанский национальный характер».

Приветствуя настойчивое стремление лингвистов к моделированию национальной идентичности конкретного этноса в условиях глобальной межкультурной интеграции, автор смело обращается к наименее разработанной форме моделирования британского национального характера, а именно, к ментальному картированию его конструктов на

основе квантитативного индекса частотности их упоминания в паремиологическом фонде английского языка, создает развернутую ментально-ассоциативную карту каждого конструкта и выводит конечную планетарно-молекулярную модель «английскости», что свидетельствует об актуальности и инновационном характере данной работы.

Диссертация оставляет благоприятное впечатление благодаря осознанности цели и взвешенной формулировке задач исследования, стремлению автора наиболее полно описать изучаемое явление. Последовательно решая предусмотренные задачи, А.М. Горохова

а) выделяет пословицы из круга смежных единиц паремиологического фонда,

б) разрабатывает методологический аппарат описания и классификации избранных этномаркированных единиц паремиологического фонда,

в) определяет стадии генезиса учения о пословице в культуроцентристической, фольклористической, лингвокультурологической, психологической, лингводидактической, когнитивной и лингвистической проекциях,

г) уточняет ключевые факторы формирования национального характера, в целом, и британского национального характера, в частности, определяет место национального характера в третичной оппозиции «национальный характер» – «менталитет» – «стереотип»,

д) выявляет специфику квантитативной и аксиологической презентации компонентов британской национальной идентичности в паремиологическом фонде,

е) производит классификацию универсальных системообразующих черт понятия «национальный характер» в междисциплинарном ключе и проблемных полей, связанных с изучением данного феномена.

Предлагая новый взгляд на взаимообусловленность национальной идентичности и паремиологического фонда языка, подтверждающий их тесную корреляцию, автор демонстрирует новаторский, творческий подход к описанию этих интенсивно изучаемых феноменов культуры и языка [2, с. 240].

Отличительная черта диссертационного сочинения состоит в подходе к процессу моделирования британского национального характера и его лингвистической проекции с позиций когнитивистики, что позволяет автору в конкретной, визуальной форме обобщить и систематизировать полученные металингвистические данные.

Достоверность результатов исследования обеспечивается следующими факторами: а) презентативной теоретической и методологической базой, представленной трудами отечественных и зарубежных исследователей (свыше 230-ти публикаций, из которых 40,4% составляют англоязычные источники), б) солидной подборкой языкового материала, послужившего в качестве объекта исследования и его скрупулезным анализом, в) творческим применением комплекса релевантных современных методов лингвистического анализа: интерпретативного, дефиниционного, фразеологического, статистического, которые успешно сочетаются с методом ментального картирования, г) конструктивно-критическим подходом к анализируемому теоретическому материалу, логическим его изложением, г) способностью к продуцированию обобщающих заключений, д) визуализацией выводов в форме наглядных приложений [1, с. 183–204].

Применение названного когнитивного метода в контексте этнопсихологии позволяет автору иллюстрировать сложную, многоуровневую ассоциативную структуру и отдельных компонентов национального характера, и конечной модели системы «britанский национальный характер». Вызывает несомненный интерес

искушенного читателя и заслуживает одобрения реализация полипарадигмального подхода к исследованию национального характера и паремиологического фонда языка.

О теоретической значимости диссертации свидетельствует тот бесспорный факт, что исследование А.М. Гороховой расширяет знания сразу в нескольких направлениях современной лингвистики:

а) в области лингвокультурологии: автор доказывает, что паремиологический фонд английского языка выступает транслятором и источником моделирования картины мира британского лингвосоциума,

б) в области когнитивной лингвистики: автор убедительно показывает, что иллюстрация компонентов британского национального характера и его итоговая модель подчиняется когнитивной методике ментального картирования,

в) в области психолингвистики: автор рассматривает с позиций прецедентности пословицу, дающую представление о психологических и поведенческих механизмах функционирования этноса.

Практическая ценность исследования определяется возможностью использования его теоретических выводов и иллюстративных материалов в практике преподавания таких дисциплин, как «Английский язык», «Лингвострановедение», «Межкультурная коммуникация», «Фразеология английского языка». Экспериментальные данные и разработанные модели визуализации компонентов национальной идентичности могут стать основой специального курса для учебных заведений лингвистической направленности, а также внедряться при изучении и описании иных лингвокультурных традиций.

Научная новизна, теоретическая и практическая значимость логично соотносятся с выносимыми на защиту положениями, которые представляются вполне теоретически обоснованными, апробированы в ходе работы и соответствуют заявленным задачам. Диссертационное исследование выполнено на основе богатой эмпирической базы, включающей свыше девяти сотен этномаркированных единиц паремиологического фонда английского языка, отобранных методом сплошной выборки из современных аутентичных собраний пословиц.

В структурном отношении диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, библиографии, включающей список использованных словарей и источников иллюстративного материала, и 22 весьма информативных приложений.

Теоретическое обоснование феномена «национальный характер» подчиняется основному вектору авторского внимания в первой главе. На основе детального анализа трактовок данного термина в исследовательском корпусе различных наук автор выводит принцип единого индуктивного моделирования национальной идентичности и выявляет свойственные данному явлению универсальные признаки, на основе которых формулирует системное определение понятия «национальный характер». Сравнивая национальный характер со смежными явлениями, автор обнаруживает его переходную сущность, обеспечивающую корреляцию между национальными стереотипами и национальным менталитетом как абстрактной, бессознательной формацией. Авторская аргументация убеждает нас в том, что процесс формирования национального характера подчинен закономерному воздействию комплекса факторов, вследствие чего британский национальный характер представляет собою разнородную, амбивалентную структуру, для большинства элементов которой характерна полярность. Выявленные автором – на основе критического анализа теоретического материала – проблемные поля, определяющие национальный характер, также свидетельствуют об амбивалентности идентичности.

Обращение диссертанта к паремиологическому фонду английского языка отнюдь не случайно. Оно продиктовано таким свойством паремий и их базовых компонентов пословиц, как плоскость преломления национального характера. Автор видит перспективность пословиц не только как объекта лингвокогнитивного исследования, но и как убедительного иллюстративного материала, наделенного такими характеристиками, как мудрость, поучительность, лаконичность, реалистичность, метафоричность, фоно-ритмическая организация, особая стилистика и грамматическая структура, и, наконец, прецедентность.

Новаторской работой диссертанта представляется выявление стадий генезиса в эволюции учения о пословице в мировой лингвистике и наглядная их визуализация посредством развернутых графических изображений, что обнаруживает талант автора к релевантной интерпретации и образному представлению результатов аналитического труда.

В качестве несомненного достоинства работы отмечаем наличие кратких резюмирующих выводов, завершающих каждый раздел главы и отражающих принятую в исследовании точку зрения. Обращает на себя внимание тщательность и научная добросовестность автора при идентификации ключевых понятий, как-то: паремиологический фонд, пословица, национальный менталитет, национальный стереотип, национальный характер.

Вторая глава исследования интересна тем, что в ней вводится новаторский механизм визуальной презентации национальной идентичности в форме молекулярной и планетарной моделей. И с этой точки зрения работа представляет бесспорную творческую удачу.

В данной главе последовательно и профессионально, с позиции лингвиста, раскрываются методологические принципы анализа репрезентации британского национального характера в паремиологическом фонде английского языка посредством ментального картирования. Диссертант ярко иллюстрирует ступени ментального картирования отдельного конструкта, например, «Умеренность», и сопровождает их подробным комментарием.

Подробно описывая процесс и критерии отбора фактического материала, автор аргументированно представляет непосредственные результаты трехступенчатого анализа паремиологического фонда современного английского языка. Последовательно применяя метод ментального картирования, автор группирует ряд выявленных полей вокруг 10 тематических единств: сдержанность, эмпиризм, классовость, энергичность, упорядоченность, честная игра, джентльменство, традиционализм, свободолюбие, этноцентризм. При этом для каждого тематического единства приводятся иллюстративные примеры пословиц и создается индивидуальная ментальная карта, учитываяшая степень ассоциативного разветвления конструкта.

Подытоживая результаты анализа эмпирической базы исследования, автор приходит к аргументированному выводу о фундаментальной роли трех системообразующих элементов британского национального характера – «Умеренности», «Джентльменстве» и «Упорядоченности», которые именуются ядерным потенциалом. Остальные элементы, составляющие периферию («Эмпиризм», «Свободолюбие» «Классовость», «Энергичность», «Честность», «Традиционализм», «Обосображенность»), по заключению диссертанта, имеют тенденцию группироваться и интегрироваться в базовую триаду.

Творческая самостоятельность исследователя прослеживается в поиске новых методик, а продуманная структурированность изложения промежуточных, поэтапных результатов исследования способствует пониманию авторской позиции.

Диссертационное исследование А.М. Гороховой характеризуется рядом несомненных отличительных достоинств, в том числе:

- а) наличие солидной теоретической базы,
- б) объем и основательность критериев отбора эмпирической базы,
- в) четкость структуры, последовательность и логичность изложения теоретических основ, методики и результатов исследования,
- г) грамотное оформление и наглядная, творческая презентация результатов исследования в виде схем, диаграмм и отдельных приложений.

В целом диссертационное сочинение А.М. Гороховой представляет собой оригинальное, серьезное, творческое исследование, в котором последовательно и компетентно решаются поставленные задачи и достигаются обозначенные цели.

Детальное ознакомление с текстом диссертационного исследования позволяет, тем не менее, сформулировать ряд вопросов.

Во-первых, автор проводит чёткое разграничение молекулярной и планетарной моделей национальной идентичности. По результатам же исследования эмпирической базы приводится гибридная планетарно-молекулярная модель, что аргументируется полученными квантитативными показателями и равноценной аксиологической значимостью радиантов системы. Чем объясняется данный феномен?

Во-вторых, как автор может объяснить минимальный квантитативный коэффициент толерантности (0,33 %) в паремиологическом фонде английского языка, носители которого, по убеждению многократно цитируемого А.М. Гороховой британского антрополога К. Фокса, отличаются весомой долей эксцентричности и независимости, предполагающей толерантную социальную среду?

В-третьих, на каком основании автор включает в конструкт «Свободолюбие» развитое чувство юмора, толерантность и противоречивость?

Обращая внимание читателя на уточняющий либо дискуссионный характер заданных нами вопросов, подчеркнем, что диссертационная работа А.М. Гороховой представляет собой самостоятельное, целостное, завершенное исследование, отвечающее современному уровню развития лингвистики. Представленные выводы по каждой главе и заключение отличаются четкостью и ясностью, охватывают весь проанализированный материал, отражают способность автора видеть дальнейшую перспективу исследования в области лингвокультурологии, психолингвистики и когнитивной лингвистики как в синхронической, так и в диахронической проекциях.

Автор логично и аргументированно обосновывает собственный подход к проблематике исследования, при необходимости ссылаясь на предшественников, но при этом критически осмысливая их достижения. Положения, выносимые на защиту, и декларируемые пункты новизны обоснованы и доказаны.

Инновационный характер диссертационного исследования, его результативность и аргументированность, отточенность стиля делают его надежным источником информации и образцом лингвистического, культурологического и когнитивного анализа, так необходимого современным молодым ученым.

Считаем возможным рекомендовать данную работу для использования в учебном процессе на специальных факультетах иностранных языков и их преподавания в университетах и педагогических и гуманитарных институтах при подготовке специалистов в области английского языка и перевода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горохова А.М. Репрезентация британского национального характера в паремиологическом фонде английского языка: дис. ... канд. филол. наук (10.02.04 – герм. яз) / А.М. Горохова. – Н. Новгород, 2017. – 204 с.

2. Курганова М.С. Рецензия на книгу: Кузьмина Н.А. Интертекст: тема с вариациями. Феномены языка и культуры в интertextуальной интерпретации (М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2018, 272 с.) / М.С. Курганова, Н.Н. Спицына, Т.Н. Федуленкова // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. – № 50(2). – 2019. – С. 240–244.
3. Gläser R. Phraseological Units in Standard Varieties of English as Indicator of Cultural Identity / R. Gläser // Cross-Linguistic and Cross-Cultural Approaches to Phraseology / Ed. T. Fedulenkova. – Arkhangelsk; Aarhus, 2009. – P. 86–99.
4. Gorokhova A.M. British National Identity Mapping Based on the Hybrid Media-Text of Contemporary British Television Series Discourse / A.M. Gorokhova // Scientific enquiry in the contemporary world: theoretical basics and innovative approach. 5th edition. Research articles. Vol. 2. Humanities and Social Sciences. – San Francisco, California: B&M Publishing, 2015. – P. 47–56.
5. Fox K. Watching the English: The Hidden Rules of English Behaviour / K. Fox. – London: Hodder and Stoughton, 2004. – 424 p.
6. Hewitt K. Understanding Britain Today / K. Hewitt. – Oxford: Perspective Publications Ltd., 2009. – 307 p.
7. Langford P. Englishness Identified. Manners and character / P. Langford. – Oxford University Press, 2000. – 389 p.

Поступила в редакцию 13.08.2020 г.

REVIEW OF A.M. GOROKHOVA'S DISSERTATION "REPRESENTATION OF THE BRITISH NATIONAL CHARACTER IN ENGLISH PROVERBS" FOR A CANDIDATE DEGREE IN PHILOLOGY, SPECIALTY 10.02.04 - GERMANIC LANGUAGES (N. NOVGOROD, 2017)

T. N. Fedulenkova, M. S. Kurganova

Addressing the representation of the British national character in the English proverbs the author of the reviewed dissertation makes a clear distinction between the molecular and planetary models of a national identity. A.M. Gorokhova deduces the principle of a single inductive modeling of this phenomenon and reveals its universal features. The study expands the knowledge in the field of linguistic anthropology, linguistics, psycholinguistics.

Key words: culture-centric dominant, modelling a national identity, associative mapping, proverb.

Федуленкова Татьяна Николаевна.

Доктор филологических наук, профессор.
ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых».
Профессор кафедры иностранных языков профессиональной коммуникации.
E-mail: fedulenkova@list.ru

Fedulenkova Tatiana Nikolaevna.

Doctor of Philology, Full Professor.
Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stolletovs.
Professor of the Department of Foreign Languages in Professional Communication.
E-mail: fedulenkova@list.ru

Курганова Маргарита Сергеевна.

ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых».
Студент Педагогического института.
E-mail kurganova-margarita@mail.ru

Kurganova Margarita Sergeevna.

Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stolletovs.
Undergraduate student of the Pedagogical Institute.
E-mail: kurganova-margarita@mail.ru

СЛОВО МОЛОДОМУ УЧЁНОМУ

УДК 811.111

РЕАЛИЗАЦИЯ АКТАНТНОЙ СЕМАНТИКИ В РЕЛЯЦИОННЫХ ДЕШИФРОВАЛЬНЫХ СТИМУЛАХ КАК СРЕДСТВО ТРАКТОВКИ СЛОЖНОСОКРАЩЕННОГО СЛОВА

© 2020. Е.Н. Михайлова
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье рассматривается проблема формирования актантно-числовой семантики сложносокращенных слов. В работе описана роль релятивных дешифровальных стимулов в текстовой реализации аббревиатуры, а также базовые модели эквивалентности, реализующие актантно-числовую семантику сложных слов, определены критерии комплексного описания релятивов.

Ключевые слова: сложносокращенное слово, реляционный дешифровальный стимул, релятив, гнездо эквивалентности.

Введение. Представленное исследование ведётся в рамках разрабатываемой теории Экспериментальной лаборатории исследований тенденций аббревиации («ЭЛИТА»), в основе которой лежит синхронно-эквивалентное описание системы аббревиатур русского языка. Результатом работы сотрудников является «Толково-эквивалентный словарь сложносокращённых слов русского языка» в ходе создания которого используются апробированные процедуры поиска аббревиатур, методики словарной обработки и представления аббревиатурных групп в словаре и прогнозирования интерпретативных и реляционных дешифровальных стимулах.

Вопрос об отношениях мотивированности в аббревиации и композитологии рассматривался в работах Е. С. Кубряковой [3], А. В. Петрова [4], А. В. Чанчиной [8], Е. А. Дюжиковой [2]. Е. С. Кубрякова утверждала, что аббревиатуры находятся на периферии словообразования, т.е. «на рубеже между мотивированными и немотивированными знаками языка» [3, с. 71]. Вместе с этим, по мнению А. В. Петрова, «компоненты сложного слова наследуют категориальные и лексические значения мотивирующих единиц» [4, с. 151]. Таким образом, аббревиация является объективным и закономерным процессом номинации, в котором отражаются семантические отношения словообразовательной мотивированности между эквивалентной синтаксической единицей и сокращением.

Целью нашего исследования является синхронное описание реализации релятивных текстовых эквивалентов в **эквивалентных текстах**, под которыми мы понимаем тексты, где эквивалентность аббревиатурного слова и словосочетания подтверждается либо через их синонимизацию, либо через обозначение ими одного референта [7, с. 22]. Поставленная цель предопределяет следующие задачи: 1) уточнение definиций единиц понятийного аппарата: «сложносокращенное слово», «гнездо эквивалентности», «дешифровальные стимулы» и установление места реляционного дешифровального стимула в типологии дешифровальных стимулов аббревиатуры; 2) определение регулярных релятивных моделей эквивалентности на примере гнезд эквивалентности, входящих в «Толково-эквивалентный словарь сложносокращенных слов русского языка».

Актуальность нашего исследования определяется необходимостью рассмотрения феномена **дeшифровальных стимулов** (далее – **ДС**), который заключается в формировании отношений абсолютной синонимии в направлении от эквивалентного словосочетания к аббревиатуре, создающих возможность множественной текстовой интерпретации аббревиатуры.

Основная часть. В. А. Рязанова определяет дeшифровальный стимул как «имплицитные знания, которые стимулируют возможность разного дeшифрования сложного слова» [6, с. 34]. В качестве **объекта** нашего исследования выступает один из видов **ДС**, реализующий актантную и актантно-числовую семантику аббревиатуры и презентативного дeшифровального стимула – **реляционный дeшифровальный стимул** (далее – **РДС**). **Предметом** работы являются способы реализации релятивов, отражающие особенности семантического наполнения гнёзд эквивалентности **сложносокращённых слов** (далее – **ССС**).

В нашем исследовании мы опираемся на понимание **ССС** как такой единицы, которая, находясь в мотивационных отношениях со словосочетанием, содержит в своем составе более одного эквивалентного компонента, как минимум один из которых является **аббревиационным конструктом** (далее – **АК**) – сокращенным коррелятом какого-либо слова. Например, в **ССС** **бензопила** **АК** **бензо** эквивалентен слову **бензиновый**.

Представленная работа, построенная на принципах **синхронного подхода** (отношения синхронной эквивалентности), позволяет не только устанавливать набор регулярных эквивалентов **ССС**, но и описать возможности их текстовой реализации, источником для формирования которой выступают дeшифровальные стимулы – стереотипы расшифровки **АК**.

Основной единицей синхронного описания **ССС** является **гнездо эквивалентности** (далее – **ГЭ**), формирующееся за счет мотивационных отношений между текстовыми эквивалентами аббревиатуры. Под этой единицей синхронного анализа мы понимаем совокупность словосочетаний, вступающих в эквивалентностные отношения с аббревиатурой и употребляющихся с ней в общих текстах. Например, в **ГЭ** **бензосклад** входят следующие единицы: **склад с бензином**, **склад бензина**, **бензиновый склад**, **склад для бензина**, которые взаимозаменяются с аббревиатурой в текстах: *Он думал, что за сгоревший бензосклад его строго накажут, а может, и отадут под суд – При этом, сбитый им «Юнкерс», упал прямо на склад с бензином, расположенный чуть в стороне от их аэродрома (http://fightersky.ru/novik_ai.php); Партизаны не могли допустить этого: 17 июля 1941 года бензосклад взлетел на воздух – На Кличевском аэродроме после отступления Красной Армии остался склад бензина, который фашисты стали использовать для своих самолетов (https://mogpravda.by/ru/issues?art_id=503); В тексте так и были оставлены штабные сокращения: вместо слов «зенитная артиллерия» стояли буквы «ЗА», вместо «бензиновый склад» было написано «бензосклад»* (Г.А. Семенихин «Летчики», с. 24); *Там ведь полицейская караульная команда, охраняющая бензосклад и железнодорожную ветку, по которой перевозят на аэродром горючее и боеприпасы – На аэродроме было необходимо помещение для 8 аэропланов, мастерская, отапливаемое помещение для хранения моторов, винтов, разного рода приборов и запасных частей, склад для бензина на 480 пудов в железных 10 пудовых бочках (http://militera.lib.ru/prose/russian/velikanov_bd/11.html).*

Организация эквивалентных словосочетаний **ССС** в **ГЭ** позволяет говорить о наличии системности дeшифровок аббревиатур и возможности их упорядочивания.

Основной причиной для появления ГЭ является семантическая тождественность разворачиваемого стимула аббревиатуре. Например, сложносокращенное слово *автохолодильник* формирует несколько ГЭ. Первое, со значением «холодильник, имеющий функцию автоматического размораживания», включает один эквивалент – словосочетание *автоматический холодильник*. Во второе ГЭ, но со значением «устройство, устанавливаемое в автомобиле, предназначенное для обеспечения сохранности продуктов при их транспортировке», входят следующие эквиваленты: *автомобильный холодильник, холодильник для авто, холодильник для автомобиля, холодильник в автомобиль, холодильник для автомобилей, холодильник в авто, холодильник на авто, холодильник в автомобиле*. Такие ССС представляют собой отдельный объект исследований «Экспериментальной лаборатории исследований тенденций аббревиации» – аббревиатурную симультантность.

Следует отметить наличие системного характера в формировании единиц гнезда эквивалентности, о чем свидетельствует текстовая реализация эквивалентных словосочетаний ССС по регулярным структурным схемам ДС. Например, в ходе работы по составлению «Толково-эквивалентностного словаря сложносокращенных слов русского языка» на этапе структурного анализа ГЭ дешифровальные стимулы представляются в виде схем, где **прил.**, **сущ.** указывают на часть речи эквивалентного слова АК, **нескл** – помета, отмечающая несклоняемые существительные, 1, 2 и т.д. – обозначает падеж разворачиваемого АК, например, **1 – Им.п.**, **2 – Род.п.** и т.д. Так, например, в ГЭ ССС *автовольтметр* была обнаружена такая серия формул эквивалентности: прил1ед (*автомобильный вольтметр*), для+сущ2ед (*вольтметр для автомобиля*), для+сущнескл (*вольтметр для авто*), для+сущ2мн (*вольтметр для автомобилей*), в+сущнескл (*вольтметр в авто*), в+сущ4ед (*вольтметр в автомобиль*), в+сущбед (*вольтметр в автомобиле*), на+сущ4ед (*вольтметр на автомобиль*), на+сущ4мн (*вольтметр на автомобили*), на+сущнескл (*вольтметр на авто*), для+прил2ед+сущ2ед (*вольтметр для автомобильного аккумулятора*). Данные формулы отмечаются в ряде ГЭ схожих сложносокращенных слов с ономасиологическим базисом «приспособление», что также позволяет говорить о предсказуемости возникновения эквивалентных словосочетаний в пределах одного ГЭ. Например, в «Толково-эквивалентностном словаре сложносокращенных слов русского языка» для гнезда эквивалентности сложносокращенного слова *автovидеорегистратор* отражена следующая серия дешифровальных стимулов: для+сущ2ед (*видеорегистратор для автомобиля*), прил1ед (*автомобильный видеорегистратор*), для+сущнескл (*видеорегистратор для авто*), для+сущ2мн (*видеорегистратор для автомобилей*), сущ2ед (*видеорегистратор автомобиля*), сущнескл (*видеорегистратор авто*), в+сущ4ед (*видеорегистратор в автомобиль*), в+сущнескл (*видеорегистратор в авто*), на+сущнескл (*видеорегистратор на авто*), сущ2мн (*видеорегистратор автомобилей*).

Наполнение ГЭ ССС обусловлено мотивационными отношениями между эквивалентными аббревиатуре словосочетаниями, что позволяет разграничивать ономасиологические регулярные модели расшифровок абброконструкта (сокращенного эквивалента слова), то есть ДС. Выделение **презентативного и интерпретативного** ДС разграничивает модели текстовой реализации эквивалентности. Под презентативным ДС понимаются такие регулярные формирования эквивалентных словосочетаний, которые реализуют обобщенное значение аббревиатуры в любой ситуации номинации. Например, *автодвижение – автомобильное движение: В Киеве открыто автомобильное движение по мосту Кирпы – Сего дня с 13:00 открыто автомобильное*

движение с левого на правый берег Днепра через Дарницкий железнодорожно-автомобильный мостовой переход (<https://www.minprom.ua/page8/news58037.html>). Ономасиологическая модель реализации презентативов в эквивалентном словосочетании выглядит так: базис и подчиненный ему признак¹, нулевая степень интерпретации, абсолютное семантическое равенство аббревиатуре.

Под интерпретативными ДС мы понимаем такие модели формирования эквивалентных словосочетаний, которые с помощью аналитико-синтетического способа порождают вторичные по отношению к аббревиатуре эквиваленты. Они разделяются на **модификативные** и **релятивные** ДС.

Модификативные ДС – это интерпретативные модели дешифровки аббревиатур, которые за счет распространения их структуры гиперонимируют (расширяют) или гипонимируют (сужают) семантику сложносокращенного слова. Ономасиологическая модель реализации модификативов в эквивалентных словосочетаниях происходит через базис, признак² и подчиненный ему признак¹, возможность признака³. Например, презентативным дешифровальным стимулом для аббревиатуры **автобат** является **автомобильный батальон**, модификатив этого же сложносокращенного слова реализуется в словосочетании **автоматранспортный батальон** [1, с. 14–15].

Главное отличие модификативов от презентативов состоит в том, что они не выступают в текстах в качестве абсолютных синонимов. Между ними возникают привативные семантические отношения с немаркированным компонентом – презентативом: *Автобат «четыре тройки» был расформирован в 2003 году – В мае 1945 года на базе Отдельной автомобильной роты приказом НКВД СССР был сформирован Отдельный автомотранспортный батальон* (<http://www.foto.kg/galereya/3702-otdelnyy-avtomobilnyy-batalon-voyskovaya-chast-3333gorod-osh-vyezd-avtokolonne.html>).

Модификативный ДС со структурной и семантической точки зрения мы считаем производной дешифровкой презентатива по причине гипер- и гипонимичности его семантики. Примером гиперонимии могут быть эквивалентные словосочетания ССС *авторемонт – автомобильный ремонт* (презентатив) и *ремонт автомотранспортных средств* (модификатив), где в первом случае ремонт связан только с автомобилями, а во втором, к транспортным средствам могут быть отнесены и автобусы, и грузовые машины, и трамваи и т.д. Гипонимию можно наблюдать у эквивалентов ССС *бензоинструмент – бензиновый инструмент* (презентатив) и *инструмент с бензиновым мотором* (модификатив), где во втором случае дается указание на средство, обеспечивающее работу инструмента (*мотор*).

Отмечаются случаи, когда презентатив является сокращением модификатива, и тогда возникает вопрос о том, можно ли считать модификативом эквивалентное словосочетание, отличающееся от презентатива только усложненной структурой. Например, аббревиатуре *авторазветвитель* эквивалентны словосочетания *автомобильный разветвитель* (презентатив) и *разветвитель прикуривателя автомобиля* (модификатив), где оба эквивалента употребляются в значении «устройства, соединенного с *автоприкуривателем*, предназначенного для одновременного питания в автомобиле нескольких приборов». Поскольку *авторазветвитель* не может функционировать без *автоприкуривателя*, модификатив не усложняет семантику ССС, а представляет ее в полном объеме, а презентатив, наоборот, в результате действия закона экономии языковых средств усекает один из референтов.

Еще одним примером сужения или уточнения семантики ССС выступает **релятивный ДС** – модель дешифрования аббревиатуры, реализующая актантную и

актантно-числовую семантику как презентатива (*авиационный корпус* – *корпус авиации*), так и модификатива (*автопроезд* – *проезд для автомобильного транспорта* – *проезд для автотранспорта*) по ономасиологической модели: базис и подчиненный ему актантный (актантно-числовой) признак¹. Уровень интерпретации здесь ниже, чем у модификатива, так как в тексте словосочетание и ССС могут выступать в качестве синонимов. Например, слову **авиатехника** эквивалентно словосочетание **техника для авиации**, где зависимое слово реализует реляционную актантную семантику дестинатива, т.е. обозначения назначения объекта: *Пакистан закупает авиатехнику в основном американского и китайского производства* – *Однако это лишь доказывает, что российская техника для авиации отличается долговечностью и следует традициям* (<https://podarilove.ru/samye-krutye-voennye-samolety-v-mire-luchshie-passazhirskie-samolyty-v-mire/>).

Если у релятива актантная (актантно-числовая) реализация презентатива является первичной, то релятивность у модификатива возникает уже в интерпретировании презентативного ДС, т.е. носит вторичный характер. Таким образом, наличие релятивной семантики у обоих ДС выступает как объединяющий фактор в формировании семантики эквивалентов и определяет его промежуточное положение в системе ДС.

Помимо гиперо-гипонимических отношений между ССС и эквивалентными словосочетаниями с релятивной семантикой могут возникнуть ситуации **нейтрализации ДС** – устранения противопоставлений между видами ДС. Такое явление наблюдается при употреблении презентативного и релятивного ДС в одном семантическом падеже по формуле ПДС = ≤2 (и более) РДС и с практически равным балансом индексов употребления, то есть частным от деления индекса употребления аббревиатурного слова на индекс употребления словосочетания. Например, в гнезде эквивалентности *грузодоставка* – *грузовая доставка* > *доставка грузов* > *доставка груза* реляционный дешифровальный стимул нивелирует семантику презентатива благодаря реализации семантики дистрибутива, а в текстах презентатив и релятив выступают в качестве абсолютных эквивалентов сложносокращенного слова: *Доставка грузов* – *сложный процесс, который требует технического оснащения, наличия опытного персонала, профессионального подхода к организации этапов* – *Необходима ли вам грузовая доставка или встреча товара из аэропортов Москвы, мы справимся с максимальной точностью* (<https://www.kt-trans.ru/dostavka-iz-aeroportov.html>).

В подобные отношения вступают релятивы и модификативы, где первые являются средством реализации актантной семантики, но по другой формуле: МДС = РДС, например, *авиагигант* – *авиастроительный гигант* (модификатив) – *гигант авиастроения* (релятив). Дешифровальные стимулы, которые активируют актантную семантику модификатива, мы называем реляционными модификативными стимулами.

Таким образом, всякие дешифровальные стимулы являются источниками текстовой эквивалентности, а самыми продуктивными из них считаются релятивные ДС, занимающие промежуточное положение в системе ДС и являющиеся актантной реализацией как презентатива, так и модификатива.

Проявление гиперо-гипонимических отношений между эквивалентными словосочетаниями и ССС лежит в основе интерпретации семантики аббревиатуры, что приводит к генерализации аббревиатуры по отношению к эквивалентам, наполняющим ГЭ. Под **генерализацией** понимается объединение и вмещение всех частных видовых значений в одной лексеме, имеющей родовое значение. Следует отметить, что

презентатив, выступающий абсолютным синонимом ССС, также реализует генерализацию. Например, ССС *автоаксессуары* является генерализованной аббревиатурой по отношению к своим ДС, которые объективируют ее частные значения: *аксессуары для автомобилей, аксессуары для автотранспорта, аксессуары для автомобиля, аксессуары для автотюнинга, аксессуары для авто, аксессуары к автомобилям, аксессуары на автомобили, аксессуары в авто, аксессуары к авто, аксессуары для тюнинга автомобилей, аксессуары на авто, аксессуары в автомобиль, аксессуары к автомобилю, аксессуары для автомашин, аксессуары на автомобиль, аксессуары автомобиля, аксессуары для тюнинга автомобиля, аксессуары для автомобильного транспорта, аксессуары для автомашины*. Анализируя наполнение представленного ГЭ, мы можем предположить наличие двух видов генерализации: 1) объединение по лексическому значению, включающее его уточнение: *аксессуары для автотранспорта, аксессуары для автотюнинга, аксессуары для тюнинга автомобилей, аксессуары для автомобильного транспорта*; 2) вариативность семантических падежей и числа: *аксессуары для автомобилей, аксессуары для автомобиля, аксессуары для авто, аксессуары к автомобилям, аксессуары на автомобили, аксессуары в авто, аксессуары к авто, аксессуары на авто, аксессуары в автомобиль, аксессуары к автомобилю, аксессуары для автомашин, аксессуары на автомобиль, аксессуары автомобиля, аксессуары для автомашины*.

Заключение. Таким образом, ССС реализует множественность и разнородность значений в пределах одного ГЭ с помощью регулярных моделей дешифрования, среди которых мы выделяем интерпретативный и презентативный. В качестве основной активации актантно-числовой (актантной) семантики выступает релятивный ДС, который трактует видовые значения аббревиатуры.

В дальнейшем мы предполагаем установить закономерности влияния семантики главного слова эквивалентного словосочетания на состав дешифровок ССС, входящих в первый том «Толково-эквивалентного словаря сложносокращенных слов русского языка», посредством квантитативного и ономасиологического анализа. Большой интерес представляет отражение когнитивных процессов, влияющих на генерализацию эквивалентов аббревиатуры и формирование системы релятивных моделей аббревиатуры. Планируется создание иерархической цепочки эквивалентных словосочетаний с помощью пропозициональной методики, что поможет определить этапы формирования гиперо-гипонимических отношений среди дешифровок.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бровец А. И. Интерпретативный дешифровальный стимул / А. И. Бровец // Новые горизонты русистики: научный журнал. – Донецк, 2017. – С. 13–17.
2. Дюжикова Е. А. Аббревиация сравнительно со словосложением (структура англ.яз.) : дисс. ... доктора филол. наук : 10.02.04 / Дюжикова Екатерина Андреевна. – М., 1997. – 340 с.
3. Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова / Е. С. Кубрякова. – М. : Наука, 1981. – 199 с. – (АН СССР, Ин-т языкознания).
4. Петров А. В. Лексико-семантическая соотносительность композитов с мотивирующими единицами в словообразовательном гнезде / А. В. Петров // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Филологические науки: сб. науч. тр. – Вып. 5 (71). Языкознание. – Симферополь : Изд-во ФГАОУ ВО КФУ им. В.И. Вернадского, 2019. – № 4. – С. 150–167.
5. Петров А. В., Дубкова Ю. С. Аббревиатуры тематической группы «Перемещение по воздуху» в языке и речи : Материалы к словарю : учеб.-методич. пособие / под ред. А. В. Петрова. – Симферополь, Полиграф, 2019. – 222 с.
6. Рязанова В. А. Дешифровальный стимул как фактор образования мутантной группы / В. А. Рязанова // Новые горизонты русистики: научный журнал. – Донецк, 2017. – С. 33–37.

7. Теркулов В. И. Материалы к словарю терминов Экспериментальной лаборатории исследования тенденций аббревиации / В. И. Теркулов // Восточнославянская филология: сб. науч. тр. – Вып. 3 (29). Языкоzнание. – Горловка : Изд-во ОО ВПО «ГИИЯ», 2016. – С. 13–25
8. Чанчина А. В. Понятие словообразовательной мотивации в современной лингвистике / А. В. Чанчина // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2007. – № 3. – С. 234–238.

Поступила в редакцию 04.06.2020 г.

**IMPLEMENTATION OF ACTANT SEMANTICS IN RELATIONAL DESCRIPTION STIMULI AS
MEANS OF INTERPRETING A COMPOUND-SHORTENED WORD**

E.N. Mikhailova

The article discusses actant-numerical semantics of compound-shortened words. The paper describes the role of relational decription stimuli in the textual implementation of the abbreviation, as well as the basic equivalence patterns, which implement the compound words actant-numerical semantics. The criteria for the relational words comprehensive description are defined.

Key words: compound-shortened word, relational decription stimulus, relational word, equivalence nest.

Михайлова Екатерина Николаевна.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». Студентка 1 курса магистратуры, специальность: «Русский язык: теоретические и практические аспекты». E-mail: katia200995@mail.ru

Mikhailova Ekaterina Nikolaevna.

Donetsk National University. 1st year Master student, speciality: the Russian language: theoretical and practical aspects. E-mail: katia200995@mail.ru

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9.07

РАЗЛИЧНЫЕ ВАРИАНТЫ РАСЧЕТА Т-КРИТЕРИЯ СТЬЮДЕНТА В ПСИХОЛОГИИ

© 2020. Е.Н. Рядинская, Л.С. Бондарь, К.Б. Богрова
ГОУ ВПО «Донбасская аграрная академия»

В данной статье проанализированы следующие варианты расчета т-критерия Стюдента: алгоритм расчета т-критерия Стюдента, автоматический расчет т-критерия Стюдента, критерия Стюдента для случая независимых выборок: обработка в SPSS. Используя различные варианты расчета т-критерия Стюдента на конкретном психологическом примере обследования двух групп испытуемых, нами выявлена одинаковая статистическая достоверность различий исследуемого психологического признака, соответствующая уровню статистической значимости $p < 0,05$.

Ключевые слова: математические методы в психологии, т-критерий Стюдента, автоматический расчет, независимая выборка, статистическая достоверность.

Введение. Важное значение для доказательства достоверности результатов экспериментальных психологических исследований имеет выбор метода математической обработки. Математические методы для выявления статистической значимости различий выбираются в зависимости от задач и условий психологических исследований [1–4].

Цель статьи: рассмотреть различные варианты расчета эмпирического значения т-критерия Стюдента для доказательства достоверности результатов экспериментальных психологических исследований.

На конкретном примере по методике Л.И. Вансовской «Техника и беглость чтения» ставятся задачи рассмотреть следующие варианты расчета т-критерия Стюдента:

1. Алгоритм расчета $t_{эмп}$ – критерия Стюдента.
2. Автоматический расчет $t_{эмп}$ – критерия Стюдента.
3. $t_{эмп}$ – критерий Стюдента для случая независимых выборок: обработка в SPSS.

Метод решения. Критерий Стюдента (т-критерий) – параметрический критерий.

Данный метод используется для проверки статистической значимости (достоверности) различий двух средних значений изучаемого психологического признака между двумя выборками (группами). Этот метод определяет влияние количественных различий средних арифметических значений и их влияние на качественные различия изучаемого психологического признака. Критерий Стюдента позволяет прямо оценить количественные различия в средних арифметических значениях изучаемого психологического признака между двумя выборками (группами). В формулу расчета эмпирического значения т-критерия Стюдента включаются параметры распределения, то есть «измерение» и «разницы средних значений и их разброса».

Формула для расчета эмпирического значения т-критерия Стюдента:

$$t = \frac{\bar{x}_{\text{grp.}}^I - \bar{x}_{\text{grp.}}^II}{\sqrt{m_I^2 + m_{II}^2}}$$

где $\bar{x}_{\text{ар.}}$ и $\bar{x}'_{\text{ар.}}$ – средние арифметические значения изучаемого психологического признака в каждой выборке.

Расчет $\bar{x}_{\text{ар.}}$ Среднее арифметическое (оценка математического ожидания) вычисляется по формуле:

$$\bar{x}_{\text{ар.}} = M = \frac{\sum x_i}{n}$$

где x_i – каждое наблюдаемое значение психологического признака, количественно измеренного,

i – индекс, указывающий на порядковый номер данного значения психологического признака;

n – количество наблюдений;

\sum – знак суммирования.

M – оценка математического ожидания.

Расчет ошибки средней. Ошибка средней вычисляется по формуле:

$$m = \frac{\sigma}{\sqrt{n}}$$

где σ – стандартное отклонение или среднее квадратическое отклонение в данной выборке.

Оценка σ определяется по формуле:

$$\sigma = \sqrt{\frac{\sum (x_i - \bar{x})^2}{n-1}}$$

где x_i – каждое наблюдаемое значение психологического признака;

\bar{x} – среднее арифметическое значение признака;

n – количество наблюдений в выборке.

После расчета эмпирического значения t -критерия Стьюдента необходимо это значение сравнить с табличным значением $t_{\text{кр}}$ (таблица «Критические значения t -критерия Стьюдента», табл. 10), вычисленным по соответствующей степени свободы v (K), за которую принимается сумма объемов (количество испытуемых) двух сравниваемых выборок, уменьшенная на 2 единицы.

Формула для расчета степени свободы (v):

$$v(K) = (n_1 + n_2) - 2$$

По таблице «Критические значения t -критерия Стьюдента» находим значение $t_{\text{кр}}$ (по v или K) для уровня статистической значимости: $p \leq 0,05$; $p \leq 0,01$; $p \leq 0,001$.

Анализ результатов. Рассмотрим различные варианты расчета эмпирического значения критерия Стьюдента на конкретном примере. По методике Л.И. Вансовской «Техника и беглость чтения» обследовано две группы школьников:

- $n_1 = 11$ испытуемых
- $n_2 = 15$ испытуемых

Задача: выявить статистическую значимость (достоверность) различий в средних арифметических значениях психологического признака «скорость чтения», полученных в двух группах испытуемых школьников.

Условие: 2 группы школьников:

- $n_1 = 11$ испытуемых
- $n_2 = 15$ испытуемых

Статистические гипотезы:

H_0 – скорость чтения в первой группе испытуемых достоверно не превышает скорость чтения во второй группе испытуемых.

H_1 – скорость чтения в первой группе испытуемых достоверно превышает скорость чтения во второй группе испытуемых.

Показатели скорости чтения (слов за минуту) по каждому испытуемому и показатели для расчета эмпирического значения t -критерия Стьюдента представлены в таблицах 1, 2.

Таблица 1

Расчет критерия Стьюдента по методике Л.И. Вансовской
(Техника и беглость чтения)

Первая группа школьников ($n_1 = 11$)				Вторая группа школьников ($n_2 = 15$)			
№ п/п	Скорость чтения	$x_t - \bar{x}_{n_1}$	$(x_t - \bar{x}_{n_1})^2$	№ п/п	Скорость чтения	$x_t - \bar{x}_{n_2}$	$(x_t - \bar{x}_{n_2})^2$
1	2	3	4	5	6	7	8
1	115	15	225	1	58	-27	729
2	130	30	900	2	66	-19	361
3	95	-5	25	3	67	-18	324
4	85	-15	225	4	75	-10	100
5	80	-20	400	5	80	-5	25
6	95	-5	25	6	86	1	1
7	100	0	0	7	88	3	9
8	105	5	25	8	85	0	0
9	95	-5	25	9	84	-1	1
10	90	-10	100	10	89	4	16
11	110	10	100	11	90	5	25
				12	95	10	100
				13	98	13	169
				14	104	19	361
				15	110	25	625
	$\sum = 1100$			$\sum = 1275$			
	$\bar{x}_{ap.(n_1)} = 100$	$\sum (x_t - \bar{x}_{n_1})^2 = 2050$		$\bar{x}_{ap.(n_2)} = 85$		$\sum (x_t - \bar{x}_{n_2})^2 = 2846$	

Таблица 2

Алгоритм расчета эмпирического значения t -критерия Стьюдента

Расчет t -критерия Стьюдента	Пример
I. Формула расчета: $t = \frac{\bar{x}_{ap.(n_1)}^I - \bar{x}_{ap.(n_2)}^II}{\sqrt{m_1^2 + m_2^2}}$	Представлен в табл. 1.
II. Находим среднее арифметическое значение для каждой выборки по формуле: $\bar{x}_{ap.} = M = \frac{\sum x_t}{n}$	Находим среднее арифметическое значение для каждой группы: 2.1. $\bar{x}_{ap.(n_1)} = \frac{115 + 130 + 95 + \dots + 110}{11} = \frac{1100}{11} = 100$ $\bar{x}_{ap.(n_1)} = 100$ 2.2. $\bar{x}_{ap.(n_2)} = \frac{58 + 66 + 67 + \dots + 110}{15} = \frac{1275}{15} = 85$ $\bar{x}_{ap.(n_2)} = 85$
III. Находим отклонение каждого количественного показателя от среднего арифметического и квадрат отклонения для каждой выборки.	3.1. $x_t - \bar{x}_{ap.(n_1)}$: (столбец 3) 3.2. $x_t - \bar{x}_{ap.(n_2)}$: (столбец 7) 3.3. $(x_t - \bar{x}_{n_1})^2$ (столбец 4) (столбец 8)

Продолжение табл. 2

<p>IV. Находим отдельно сумму квадратов отклонений для двух выборок по формуле:</p> $\sum (x_i - \bar{x}_{\text{ср.}})^2 =$	<p>Определяем сумму квадратов отклонений для:</p> <p>4.1. первой группы (n_1)</p> $\sum (x_i - \bar{x}_{\text{ср.}(n_1)})^2 = 225 + 900 + 25 + \dots + 100 = 2050$ <p>4.2. второй группы (n_2)</p> $\sum (x_i - \bar{x}_{\text{ср.}(n_2)})^2 = 729 + 361 + 324 + \dots + 625 = 2846$
<p>V. Находим σ – стандартное отклонение в каждой выборке по формуле:</p> $\sigma = \sqrt{\frac{\sum (x_i - \bar{x})^2}{n-1}}$	<p>5.1. Находим σ – стандартное отклонение в первой группе (n_1):</p> $\sigma = \sqrt{\frac{2050}{11-1}} = \sqrt{\frac{2050}{10}} = \sqrt{205} = 14,32$ <p>5.2. Находим σ – стандартное отклонение во второй группе (n_2):</p> $\sigma = \sqrt{\frac{2846}{15-1}} = \sqrt{\frac{2846}{14}} = \sqrt{203,29} = 14,26$
<p>VI. Находим ошибку средней в каждой группе по формуле:</p> $m = \frac{\sigma}{\sqrt{n}}$	<p>6.1. Находим ошибку средней для первой группы (n_1):</p> $m_{n_1} = \frac{14,32}{\sqrt{11}} = \frac{14,32}{3,31} = 4,31$ <p>6.2. Находим ошибку средней для второй группы (n_2):</p> $m_{n_2} = \frac{14,26}{\sqrt{15}} = \frac{14,26}{3,75} = 3,68$
<p>VII. Находим значения t-критерия Стьюдента по формуле:</p> $t = \frac{\bar{x}_{\text{ср.}}^I - \bar{x}_{\text{ср.}}^{II}}{\sqrt{m_I^2 + m_{II}^2}}$	$= \frac{15}{\sqrt{18,57 + 13,54}} = \frac{15}{\sqrt{32,11}} = \frac{15}{5,7} = 2,65$ <p>$t = 2,65$</p>
<p>VIII. Находим число степени свободы по формуле:</p> $V = (n_1 + n_2) - 2$ <p>где n – количество испытуемых в обеих выборках.</p>	<p>Число степени свободы:</p> $V = (11 + 15) - 2 = 26 - 2 = 24$ $V = 24$
<p>IX. По таблице «Критические значения t-критерия Стьюдента» по числу степени свободы V определить уровень статистической значимости (достоверности) ($p \leq 0,05$; $p \leq 0,01$).</p>	$t_{\text{кр.}} = \begin{cases} V_{24} = 2,06 \ (p \leq 0,05) \\ V_{24} = 2,80 \ (p \leq 0,01) \end{cases}$ <p>$t > t_{\text{кр.}}$</p> $2,65 > 2,06 \ (p < 0,05)$
<p>X. Вывод о статистической значимости (достоверности) различий двух средних арифметических значений изучаемого психологического признака, полученных в двух выборках.</p>	<p>Принимается гипотеза H_1, т.е., скорость чтения в первой группе испытуемых достоверно превышает скорость чтения во второй группе испытуемых ($p < 0,05$)</p>

Таким образом, можно сделать вывод, что принимается гипотеза H_1 , т.е., скорость чтения в первой группе испытуемых достоверно превышает скорость чтения во второй группе испытуемых ($p < 0,05$).

Автоматический расчет эмпирического значения t-критерия Стьюдента количественных показателей «скорость чтения» (методика Л.И. Вансовской) в двух группах испытуемых школьников.

Шаг 1. Чтобы произвести правильный расчет с помощью настоящего скрипта, необходимо:

1. Выбрать расчет для случая с несвязными (независимыми) или связными (зависимыми) выборками.

2. Ввести в первую колонку («Выборка 1») данные первой выборки, а во вторую колонку («Выборка 2») данные второй выборки. Данные вводятся по одному числу на строку; без пробелов, пропусков и т.д. Вводятся только цифры. Дробные числа вводятся со знаком «.» (точка).

3. После заполнения колонок нажать на кнопку «Шаг 2», чтобы произвести автоматический расчет эмпирического значения t-критерия Стьюдента.

Количественные показатели «скорость чтения» (методика Л.И. Вансовской) в двух группах испытуемых школьников представлены в таблице 3.

Таблица 3

Количественные показатели «скорость чтения» (методика Л.И. Вансовской)
в двух группах испытуемых школьников

Двухвыборочный критерий:	
для несвязных выборок ▼	
Выборка 1	Выборка 2
115 130 95 85 80 95 100 105 95 90 110	80 86 88 85 84 89 90 95 98 104 110
<input type="button" value="Шаг 2"/> <input type="button" value="Сбросить"/>	

Шаг 2. Автоматический расчет эмпирического значения t-критерия Стьюдента «скорость чтения» (методика Л.И. Вансовской) в двух группах испытуемых школьников представлены в таблице 4.

Таблица 4

Автоматический расчет эмпирического значения t-критерия Стьюдента «скорость чтения»
(методика Л.И. Вансовской) в двух группах испытуемых школьников

№	Выборки		Отклонения от среднего		Квадраты отклонений	
	B.1	B.2	B.1	B.2	B.1	B.2
1	115	58	15	-27	225	729
2	130	66	30	-19	900	361
3	95	67	-5	-18	25	324
4	85	75	-15	-10	225	100
5	80	80	-20	-5	400	25
6	95	86	-5	1	25	1

Продолжение табл. 4

7	100	88	0	3	0	9
8	105	85	5	0	25	0
9	95	84	-5	-1	25	1
10	90	89	-10	4	100	16
11	110	90	10	5	100	25
12		95		10		100
13		98		13		169
14		104		19		361
15		110		25		625
Суммы:	1100	1275	0	0	2050	2846
Среднее:	100	85				

Согласно автоматическому расчету эмпирическое значение t -критерия Стьюдента – $t_{эмп} = 2.6$.

Критические значения t -критерия Стьюдента по числу степеней свободы $[(\nu=(n_1+n_2)-2)] = 24$, представлены в таблице 5.

Таблица 5
Критические значения t -критерия Стьюдента
по числу степеней свободы = 24

t_{kp}	
$p \leq 0.05$	$p \leq 0.01$
2.06	2.8

Вывод о статистической достоверности различий: $t_{эмп} > t_{kp}$:
 $2.6 > 2.06$ ($p < 0.05$)

Графическое представление эмпирического значения t -критерия Стьюдента представлено на рис. 1

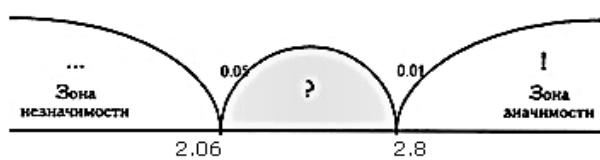

Рис. 1. Графическое представление эмпирического значения t -критерия Стьюдента

Полученное эмпирическое значение t (2.6) находится в зоне неопределенности.

Вывод: принимается статистическая гипотеза H_1 , т.е., скорость чтения в первой группе испытуемых достоверно превышает скорость чтения во второй группе испытуемых ($p < 0.05$).

Расчет эмпирического значения t -критерия Стьюдента для случая независимых выборок: обработка в SPSS.

1. Составляем таблицу из двух столбцов, где VAR 1 – это количественные показатели «скорость чтения» (методика Л.И. Вансовской) двух групп испытуемых школьников (значения нумеруются по порядку), VAR 2 – переменная, указывающая принадлежность каждого показателя к одной из двух групп (табл. 6).

2. В верхнем меню выбираем Analyze → Compare Means → Independent-Samples TTest.

3. В открывшемся меню выделяем переменную VAR 1 и при помощи кнопки «переноса» переносим ее в правое верхнее окно Test Variable (s).

Группирующую переменную VAR 2 при помощи кнопки переносим в правое нижнее окно Grouping Variable. Нажимаем кнопку Define Groups и задаем номера градации группирующей переменной.

Номера градации двух групп переменных представлены на рис. 2.

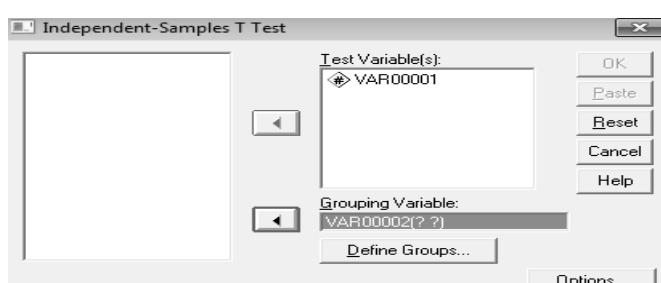

Рис. 2. Номера градации двух групп переменных

Таблица 6
Количественные показатели «скорость чтения» (методика Л.И. Вансовской) двух групп испытуемых школьников

	VAR00003	VAR00004
1	115,00	1,00
2	130,00	1,00
3	95,00	1,00
4	85,00	1,00
5	80,00	1,00
6	95,00	1,00
7	100,00	1,00
8	105,00	1,00
9	95,00	1,00
10	90,00	1,00
11	110,00	1,00
12	58,00	2,00
13	66,00	2,00
14	67,00	2,00
15	75,00	2,00
16	80,00	2,00
17	86,00	2,00
18	88,00	2,00
19	85,00	2,00
20	84,00	2,00
21	89,00	2,00
22	90,00	2,00
23	95,00	2,00
24	98,00	2,00
25	104,00	2,00
26	110,00	2,00

4. Нажимаем OK и получаем следующие результаты, которые содержат стандартные отклонения, средние значения и ошибки средних значений количественных показателей двух групп испытуемых школьников (табл. 7).

Таблица 7

Стандартные отклонения, средние значения и ошибки средних значений количественных показателей «скорость чтения» (методика Л.И. Вансовской) двух групп испытуемых школьников

Group Statistics

VAR00002	N	Mean	Std. Deviation	Std. Error Mean
VAR00001	1,00	100,0000	14,31782	4,31699
	2,00	85,0000	14,25783	3,68136

Эмпирические значения *t*-критерия Стьюдента и уровни статистической значимости (Sig. (2-tailed)) представлены в табл. 8.

Таблица 8

Эмпирические значения *t*-критерия Стьюдента и уровни статистической значимости

(Sig. (2-tailed))

Independent Samples Test

	Levene's Test for Equality of Variances		t-test for Equality of Means							
	F	Sig.	t	df	Sig. (2-tailed)	Mean Difference	Std. Error Difference	95% Confidence Interval of the Difference		
								Lower	Upper	
VAR00001	Equal variances assumed	,005	,946	2,646	24	,014	15,00000	5,66970	3,29832 26,70168	
	Equal variances not assumed			2,644	21,653	,015	15,00000	5,67351	3,22292 26,77708	

В таблице 8 представлено эмпирическое значение t -критерий Стьюдента, равное – 2,646 и значение p – уровень статистической значимости (Sig. (2-tailed)), равное 0,014. $0,01 < 0,014 < 0,05$ (95%); $p < 0,05$

Вывод: принимается гипотеза H_1 , т.е., скорость чтения в первой группе испытуемых достоверно превышает скорость чтения во второй группе испытуемых ($p < 0,05$).

Для определения уровней статистической значимости (достоверности) $p \leq 0,05$; $p \leq 0,01$; $p \leq 0,001$ по числу степеней свободы применяется таблица «Критические значения t -критерия Стьюдента» (табл. 9).

Таблица 9
Критические значения t -критерия Стьюдента для определения уровней статистической значимости (достоверности) $p \leq 0,05$; $p \leq 0,01$; $p \leq 0,001$ по числу степеней свободы

K	Доверительные уровни			K	Доверительные уровни		
	95 %	99 %	99,9 %		95 %	99 %	99,9 %
1	12,71	63,86	636,6	21	2,08	2,83	3,82
2	4,30	9,93	31,60	22	2,07	2,82	3,79
3	3,18	5,84	12,94	23	2,07	2,81	3,77
4	2,78	4,60	8,61	24	2,06	2,80	3,75
5	2,57	4,03	6,86	25	2,06	2,79	3,73
6	2,45	3,71	5,96	26	2,06	2,78	3,71
7	2,37	3,50	5,41	27	2,05	2,77	3,69
8	2,31	3,36	5,04	28	2,05	2,76	3,67
9	2,26	3,25	4,78	29	2,04	2,76	3,66
10	2,23	3,17	4,59	30	2,04	2,75	3,65
11	2,20	3,11	4,44	40	2,02	2,70	3,55
12	2,18	3,06	4,32	50	2,01	2,68	3,50
13	2,16	3,01	4,22	60	2,00	2,66	3,46
14	2,15	2,98	4,14	80	1,99	2,64	3,42
15	2,13	2,95	4,07	100	1,98	2,63	3,39
16	2,12	2,92	4,02	120	1,98	2,62	3,37
17	2,11	2,90	3,97	200	1,97	2,60	3,34
18	2,10	2,88	3,92	500	1,96	2,59	3,31
19	2,09	2,86	3,88	∞	1,96	2,58	3,29
20	2,09	2,85	3,85				
K	5 %	1 %	0,1 %	K	5 %	1 %	0,1 %

Способ применения таблицы. K – число степеней свободы. Его находят по формуле $n_1 + n_2 - 2$, где n_1 и n_2 – число наблюдений в сравниваемых выборках.

Заключение. Обобщая вышесказанное, можно сделать следующие выводы:

1. Используя различные варианты расчета эмпирических значений t -критерия Стьюдента, нами получены на конкретном психологическом примере обследования двух групп испытуемых школьников по методике Л.И. Вансовской «Техника и беглость чтения» следующие значения t -критерия Стьюдента и его уровни статистической значимости:

1. Расчет по алгоритму: $t_{эмп} = 2,650$ ($p < 0,05$)
2. Автоматический расчет: $t_{эмп} = 2,600$ ($p < 0,05$)
3. Обработка в SPSS: $t_{эмп} = 2,646$ ($p < 0,05$)

2. Для доказательства статистической значимости (достоверности) или незначимости (недостоверности) исследуемого психологического признака могут быть использованы различные варианты расчета t -критерия Стьюдента.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бурлачук Л.Ф. Словарь-справочник по психоdiagностике / Л.Ф. Бурлачук, С.М. Морозов. – СПб. : Издательство «Питер», 2000. – 528 с.
2. Заворотнев Ю.Д. Курс лекций по вероятностно-статистическим методам в психологии / Ю.Д. Заворотнев, А.С. Крахмаль, Е. Б. Лещинский. – Донецк : Изд-во «НОРД – ПРЕСС», 2005. – 275 с.
3. Сидоренко Е.В. Методы математической обработки в психологии / Е.В. Сидоренко. – СПб : «РЕЧЬ», 2001. – 349 с.
4. Сосновский Б.А. Критерий Стьюдента (t – критерий): лабораторный практикум по общей психологии / Б.А. Сосновский. – М. : Просвещение, 1979. – С. 126–127.

Поступила в редакцию 30.03.2020 г.

VARIOUS OPTIONS OF CALCULATING STUDENT'S T-TEST IN PSYCHOLOGY

Ye.N. Ryadinskaya, L.S. Bondar, K.B. Bogrova

The article analyzes the following options of calculating Student's t-test: the algorithm of calculating Student's t-test, the automatic calculation of Student's t-test, Student's test for independent samples: processing in SPSS. Using various options of calculating Student's t-test on a specific psychological example of examining two groups, the same statistical significance of differences in the psychological feature under study has been established. It has turned out to correspond to the level of statistical significance $p<0.05$.

Key words: mathematical methods in psychology, Student's t-criterion, automatic calculation, independent sampling, statistical validity.

Рядинская Евгения Николаевна.

Кандидат психологических наук, доцент.
ГОУ ВПО «Донбасская аграрная академия».
Заведующая кафедрой психологии.
E-mail: muchalola@mail.ru

Ryadinskaya Yevgenia Nikolayevna.

Candidate of Psychology, Docent.
Donbass Agricultural Academy.
Head of Department of Psychology.
E-mail: muchalola@mail.ru

Бондарь Леонида Сергеевна.

Доктор медицинских наук, профессор.
ГОУ ВПО «Донбасская аграрная академия».
Профессор кафедры психологии.

Bondar Leonida Sergeyevna.

Doctor of Medicine, Professor.
Donbass Agricultural Academy.
Professor of Department of Psychology

Богрова Кристина Борисовна.

Кандидат психологических наук.
ГОУ ВПО «Донбасская аграрная академия».
Доцент кафедры психологии.
E-mail: muchalola@mail.ru

Bogrova Kristina Borisovna.

Candidate of Psychology.
Donbass Agricultural Academy.
Associate Professor of Department of Psychology.
E-mail: muchalola@mail.ru

ПОДХОДЫ К РАССМОТРЕНИЮ ДУХОВНОСТИ В ПСИХОЛОГИИ

© 2020. И.П. Зенченков

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Сложность проблемы духовности в трудности определения того, как ее изучать. В статье дается анализ четырёх направлений исследования этой проблемы в отечественной психологии. Также выявлены и описаны две тенденции исследований проблемы духовности в зарубежной психологии.

Ключевые слова: духовность, человек, психика, направления, ценности, проявления, дух.

Введение. Современные преобразования в экономико-политической жизни общества ориентируют профессиональное образование на повышение требований к качеству выпускаемых специалистов. На будущих специалистов повышается нагрузка. К студентам формируется отношение как к системе, которая должна усваивать знания и выполнять задания. Внутренний мир студента в учебном процессе не принимается во внимание. У будущего специалиста также формируется подобное отношение и к другим людям. В то же время с изменениями в обществе появляются новые ориентиры, обновляется система ценностей, усиливается тенденция в направлении свободного развития человека в условиях интеграции множества культур, в открытом информационном пространстве. Человек находится в ситуации самостоятельного выбора системы ценностей, духовного развития, понимания смысла собственной жизни и её цели. Кроме этого человек для себя пытается внутренне найти решение задачи духовной сущности бытия. При этом важно учитывать, что в процессе становления личности какие-либо педагогические воздействия становятся безуспешными и бессмысленными, если они не имеют каких-либо подкреплений во внутреннем духовном мире человека. Формирующийся будущий специалист без развивающейся духовной сферы становится пассивным в своей деятельности, без активного творческого подхода. Он не способен к дальнейшему и духовному, и личностному росту.

Проблема формирования и развития духовности, духовных ценностей личности будущего специалиста становится всё более актуальной. Что представляет собой духовность? Духовность формируется путём воспитания или обучения? Духовность представляет внутреннюю сущность человека? Что влияет на формирование духовности и духовных ценностей? Как развивается духовность? Остается множество и других вопросов в исследовании этой проблемы. В психологии исследование духовности имеет множество подходов, но все они не дают окончательного решения.

Основная часть. Целью статьи является определение основных направлений и тенденций рассмотрения духовности в отечественной и зарубежной психологии.

Задачи:

1. Рассмотреть основные направления исследования проблемы духовности в отечественной психологии.
2. Определить общие тенденции в зарубежной психологии.

Происходящие в современном мире изменения требуют понимания окружающего мира, общества. Человек всё чаще обращается к духовности, к её корням и возможностям духовного совершенствования и развития.

По мнению И.М. Ильичёвой, проблема духовности в психологии стала более глубоко рассматриваться, начиная с 70-х годов XX столетия. Попытки решения этой

проблемы начались с описания проявлений духовности и её составляющих. Для исследования духовности оказалось необходимым дать точное определение духовности, создать методики для диагностирования духовности у человека, в соответствии с установленным определением. В свою очередь для определения понятия духовности требуется чёткие теоретические подходы и методологические установки. Кроме этого необходимо найти соотношения понятий сознания, духа, духовности, души, нравственности и т.д. К каждому из понятий требуется поиск своего подхода для определения и интерпретации [4].

При определении духовности возникает также необходимость определения соответствующего набора понятий для описания самой сути духовности и соответственно её механизмов. В тоже время, несмотря на все эти возникающие трудности, количество исследований духовности увеличивается. Это свидетельствует о том, что как предмет исследования в психологии духовность актуальна, но для изучения она достаточно сложна. Кроме этого, имеет значение приверженность различный исследователей к тем или иным направлениям в философии и религии, к соответствующим традициям и положениям.

И.М. Ильичёва их объединяет следующими положениями:

- Духовность относится к родовому пониманию человеческого способа жизни. В нём заключается смысл собственного существования человечества [7].
- Духовность относится к внутреннему миру человека.
- Духовность характерна для человека и для его субъективной реальности.
- Духовная жизнь человека рассматривается как способ более высокой жизни и возможности ухода от повседневной жизни, её соблазнов и пристрастий [4].

Во всём многообразии исследований общим остаётся то, что рассмотрение духовности идёт с позиции того, что это внутреннее в человеке. В тоже время она относится к деятельности, возникающей при проявлении нравственных и познавательных потребностей.

Согласно Д.Б. Эльконину, для ребёнка необходим образ взрослости. Он служит своеобразным способом последующего формирования личности, введение в духовную культуру. Учёный считает, что для этого есть посредник, связывающий личное с историческим [8]. Таким посредником выступает то, что называют «духовностью».

Иногда духовность представляется в виде решения проблемы смерти и отношения к ней. Так, С.Л. Рубинштейн считал, что отношение к смерти выражается как отношение к жизни и это является показателем духовности [6]. По мнению Б.С. Братуся сущность духовности проявляется как способность понимания сущности явления через внутреннее постижение. Так, учёный подчёркивает, что духовность имеет отношение к интуиции, с обращением к окружающему миру [2].

Согласно идеи А.Г. Асмолова, духовность – это продуктивная самореализация личности. Необходимо различать, по его мнению, инструментальные и продуктивные проявления человека. К продуктивным проявлениям относятся процессы, связанные с решением проблем и преобразованием ситуаций. К этим проявлениям А.Г. Асмолов относит и личные вложения в смысловую область культуры и окружающих людей, которые, в свою очередь, оказывают влияние на преобразование как самого себя, так и окружающих людей. В ходе этой деятельности происходит самореализация личности [1]. С.Л. Рубинштейн подчёркивал, что при самореализации происходит творческое развитие человека. Даже если человек выходит за собственные границы, то это не означает отрицание собственной индивидуальности, а является развитием и реализацией своей внутренней сущности [6].

В науке имеет место решение проблемы духовности посредством попыток объединения научных понятий с теологическими. Согласно В.В. Знакову понятие духовности в религии и психологии имеет различное содержание. Он выделяет четыре направления поиска пути решения проблемы духовности [3]. К первому направлению относится поиск истоков духовности в культуре и в результатах труда человека. В этом направлении духовность проявляет себя в виде результата приобщения человека к общекультурным ценностям или духовной культуре. В этом направлении духовность является культурологической или мировоззренческой категорией. Следовательно, дух здесь трактуется как материализованная активность человека [5]. Происходит материализация идей, образование значений, которые определяют семантическую область культуры, духовный и общекультурный опыт.

Активность человека находит свои истоки в этических нормах, относительно которых осуществляется его ориентация в какой-либо деятельности и в повседневной жизни. Нормы находятся в различных сферах человеческой деятельности, жизни и культуре: этические, юридические, педагогические и т.д. В процессе активности человека осуществляется соблюдение и далее приобщение к этим нормам, ценностям. Если же в процессе усвоения норм и ценностей человек переживает их в виде внутренних эталонов поведения и деятельности, то осуществляется процесс приобщения к высшим духовным ценностям человеческой жизни и деятельности человека. В этом процессе происходит рост духовного богатства человека, поскольку те нормы и ценности, которые закреплены в культуре и в обществе переходят во внутренний духовный мир человека. Так, сам человек создаёт свою духовность в процессе усвоения каких-либо значений или понятий, которые выражены объективно в общественном сознании, а также путём определения скрытых смыслов и значений. С точки зрения В.В. Знакова, духовный мир человека, познающего окружающий мир, формируется и развивается путём смыслообразования, т.е. им создаётся смысл определённых социальных явлений, событий, а также жизни в целом. Корни духовности находятся не в значении, а в сути совершаемых поступков, людей или происходящих исторических событий и т.д. Структура процесса образования смысла явлений, событий, которые способствуют формированию и последующему развитию духовности, во многом зависит от способностей человека или же от имеющегося, сформированного уровня духовности. [3].

Ко второму направлению исследований принадлежит исследование факторов, которые относятся к различным ситуациям и личностным проявлениям, в результате которых у человека проявляется духовное состояние. Оно представляет собой то состояние, когда человек сосредотачивается на осмыслиении, осознании и переживании усваиваемых или внутренних духовных ценностей. При этом он не уделяет внимание окружающему внешнему миру и своему телесному состоянию [3]. В этом состоянии происходит отделение духовности от материального мира. Переживание высоких духовных состояний у человека происходит в моменты озарений при разрешении конфликтов, связанных с интеллектуальными или этическо-нравственными проблемами. В эти моменты у человека, в его внутреннем мире формируется внутренний смысл или своего рода психологическая основа духовного состояния, духовности, которая является основой нравственного и духовного самонаблюдения человека, т.е. рефлексивности. Появление духовных состояний происходит при определённых условиях профессиональной деятельности, которые содержат вред или опасность для жизни человека [5].

В русле третьего направления исследования духовности изучается процесс самореализации и саморазвития человека, ориентация его на высшие ценностные

инстанции в его профессиональной деятельности и жизни. Духовное «Я» человека начинает своё развитие и последующую реализацию тогда, когда у него возникает осознание потребности в том, чтобы разобраться, что такое красота, добро и истина, а также и другие духовные ценности. Возникновение мыслей и чувств в отношении духовных ценностей свидетельствует о сформированной готовности и психологических возможностях к их принятию и усвоению. Фундаментом мотивации такой психологической готовности являются духовные потребности человека [3]. К. Ясперс считал, что духовные потребности представляют собой стремление человека понять состояние *бытия* и отдача себя этому состоянию, которое находит своё выражение в ценностях сфер деятельности человека: эстетических, религиозных, этических и т.д. Эти ценности человек воспринимает как истинные и абсолютные. Духовные потребности являются отражением внутренней психической реальности человека, свидетельствующие о его переживаниях. Истоком переживаний человеком является его полная приверженность к выбранным духовным ценностям. Он испытывает чувство тоски, когда не находит их или наслаждение в результате их удовлетворения [9]. В процессе формирования и последующего развития духовности происходит возникновение чувства и переживание личной свободы. В этом случае, переживание и чувство личной свободы имеет отношение к внутреннему духовному состоянию человека или как его самоощущение. Важным является то, что формирование и развитие духовности, как саморазвитие и самореализация, невозможно без переживания чувства свободы. В.В. Знаков в этой связи подчёркивает, что духовность представляет собой способность осуществлять преобразование и перевод внешнего мира во внутренний мир на этической основе. Духовность – это также способность формировать другой внутренний мир, на основе которого осуществляется проявление свободы от зависимости от внешнего мира при его изменяющихся ситуациях. Состояние внутренней свободы, т.е. духовное состояние, появляется у человека тогда, когда он понимает и осознаёт все те возможности выбора, принадлежащие внешнему миру, и имеющуюся внутреннюю готовность к осуществлению этого выбора [3]. Однако в реальности человек выполняет какую-либо деятельность не от множества возможностей решений проблемы или от недостаточного их числа, а от внутреннего осознания. Далее деятельность человек осуществляет с творческим подходом. В этом и заключается проявление духовности и личной свободы. Стоит отметить, что для человека с развитой духовностью возникает потребность в восприятии, понимании и переживании произведений искусства. Это выступает для него дополнительным средством для возвышения духа и ухода от повседневности жизни [3].

В четвёртом направлении духовность рассматривается с позиции религиозности, т.е. веры в бога и жизни в нём.

В зарубежной психологии духовность также представляет собой объект тщательного изучения для различных направлений: аналитического, гуманистического, индивидуального и трансперсонального.

В зарубежной психологии, как и в отечественной возможно определить общие тенденции, которые объединяют различные направления. К первой тенденции относится то, что духовность рассматривается в виде внутреннего диалога. Во время этого диалога человек анализирует и формирует себя, а далее осуществляет собственную реализацию. Эта реализация предстаёт результатом понимания себя и восприятия себя.

Ко второй тенденции относится то, что духовности придаётся значение способности к активности или самой активности, которая имеет направленность на совершенствование, изменение смысла собственной жизни или своего жизненного опыта.

Существует также тенденция относить духовность к бессознательному.

Заключение. В отечественной психологии исследование проблемы духовности реализовывалось по 4 направлениям. Согласно первому направлению духовность человека заключается в усвоении общекультурных ценностей. Общекультурные ценности могут быть и материализованным выражением идей, и результатом деятельности человека. Во втором направлении, духовность проявляется в особых психологических состояниях человека, которые могут быть в виде переживании чувств, когда он сосредотачивается на осмыслиении, осознании и переживании усваиваемых или внутренних духовных ценностей. К третьему направлению относится духовность в виде самореализации и самосовершенствовании. В четвёртом направлении духовность рассматривается с религиозной точки зрения.

В зарубежной психологии выделяются две общие тенденции в исследовании проблемы духовности. К первой тенденции духовность рассматривается в виде внутреннего диалога. Во время этого диалога человек анализирует, формирует себя, а также осуществляют себя. Во второй тенденции духовности придаётся значение способности к активности, направленной на совершенствование, изменение смысла собственной жизни или своего жизненного опыта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Асмолов А.Г. Культурно-историческая психология и конструирование миров / А.Г. Асмолов. – М.: МПСИ, 1996. – 768 с.
2. Братусь Б.С. Русская, советская, российская психология: Конспективное рассмотрение / Б.С. Братусь. – М.: Флинта. – 2000. – 88 с.
3. Знаков В.В. Духовность в зеркале психологического знания и веры / В.В. Знаков // Вопросы психологии. – 1998. – №3. – С. 104–114.
4. Ильичёва И.М. Психология духовности : Дис. ... д-ра психол. наук : 19.00.01 : / Ирина Михайловна Ильичёва – СПб., 2003. – 450 с.
5. Пономаренко В.А. Психология духовности / В.А. Пономаренко. – М. : Магистр, 1998. – 162 с.
6. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание: О месте психологического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира / С.Л. Рубинштейн. – М.: АН СССР, 1959. – 269 с.
7. Слободчиков В.И. Психология человека: Введение в психологию субъективности / В.И. Слободчиков, Е.И. Исаев. – М.: Школа-Пресс, 1995. – 385 с.
8. Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды / Д.Б. Эльконин. – Москва: Педагогика, 1989. – 560 с.
9. Ясперс К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс. – М.: Республика, 1994. – 527 с.

Поступила в редакцию 28.05.2020 г.

APPROACHES TO CONSIDERATION OF SPIRITUALITY IN PSYCHOLOGY

I.P. Zenchenkov

One of the principal challenges in the study of spirituality is the approach to its research. The article focuses on four approaches to this problem in Russian psychology. Two trends of spirituality research in foreign psychology are identified and described.

Key words: spirituality, person, psyche, approaches, values, manifestations, spirit.

Зенченков Илья Петрович.

Кандидат педагогических наук.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

Институт физической культуры и спорта.

Доцент кафедры адаптивной физической культуры.

E-mail: zenchilya@mail.ru

Zenchenkov Ilya Petrovich.

Candidate of Pedagogy.

Donetsk National University. Institute of Physical Culture and Sports.

Associate Professor of Adaptive Physical Culture Department.
E-mail: zenchilya@mail.ru

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. Для публикации в журнале «Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология» принимаются оригинальные научные работы, содержащие результаты исследований в области филологии и психологии. Статьи, опубликованные ранее в других журналах, к рассмотрению не принимаются. Решение о публикации выносится редакционной коллегией журнала после рецензирования. Рукописи, не соответствующие редакционным требованиям, и статьи, не соответствующие тематике журнала, к рассмотрению не принимаются. Если рецензия положительная, но содержит замечания и пожелания, редакция направляет статью авторам на доработку вместе с замечаниями рецензента. Автор должен ответить рецензенту по всем пунктам рецензии. После такой доработки редакция принимает решение о публикации статьи. В случае отклонения статьи редакция направляет авторам либо рецензии или выдержки из них, либо аргументированное письмо редактора. Редакция не вступает в дискуссию с авторами отклонённых статей, за исключением случаев явного недоразумения. Рукописи авторам не возвращаются. Статья, задержанная на срок более трёх месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая. Редакция оставляет за собой право проводить редакционную правку рукописей. Корректура статей авторам не высылается.

2. Рукопись подаётся в одном экземпляре, напечатанном с одной стороны листа бумаги формата А4 (экземпляр подписывается авторами). Объём рукописи, как правило, не должен превышать диапазона **4–8** страниц, включая рисунки, таблицы, список литературы. Страницы рукописи должны быть последовательно пронумерованы. Параллельно с предоставлением рукописи на адреса редакции (terkulov@rambler.ru, korobova.lat@gmail.com) высылается во вложении полный текст статьи (в формате WORD или RTF, Office 97-2010) (название файла «(Фамилия автора)_статья», например, «Петров_статья»). В случае невозможности передачи в редакцию рукописи на электронную почту редакции высылается во вложении полный текст статьи в формате pdf.

ВНИМАНИЕ! ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ:

1. **Основной текст статьи** — шрифт Times New Roman, размер 12 пт., с выравниванием по ширине;

2. **Резюме, список литературы, таблицы, подрисуночные подписи, информация об авторах** — шрифт Times New Roman, размер 10 пт.

3. Поля зеркальные: верхнее — 20 мм, нижнее — 25 мм, слева — 30 мм, справа — 20 мм. Межстрочный интервал — одинарный.

4. Абзацный отступ — 1 см.

5. Текст набирается **без** автоматической расстановки переносов (выравнивание по ширине);

6. В тексте допускаются выделения курсивом, жирным шрифтом, разрядкой (**но не подчёркиванием**). Для выделения примеров в тексте используется только курсив, например: Слово *прилагательное* — субстантивированное прилагательное. При необходимости выделения примеров в пределах набранного курсивом предложения, а также для акцентирования внимания на какие-то из примеров — полужирный курсив: *Я памятник себе воздвиг нерукотворный*; слова категории состояния: *хорошо, можно, пора*;

7. Для названий произведений используются «угловые» кавычки: «Война и мир»;

8. Цитирование, прямая речь и т.д. оформляются угловыми кавычками вида «...»; при необходимости использовать кавычки внутри цитаты, внешними должны быть «угловые» кавычки: «... "..." ...»;

9. Необходимо правильно употреблять тире (–) и дефис (-); различие заключается в размере и наличии пробелов перед и после тире: Жуковский – поэт-романтик; первый знак пунктуационный, второй орфографический;

10. Для обозначения страничных, временных и других интервалов используется не отделённое пробелами от смежных знаков тире: с. 24–26;

11. Если стихотворные тексты печатаются как включение в текст, то стихи разделяются наклонной чертой, а строфы – двумя наклонными чертами:

Ты этого хотел. – Так. – Аллелуйя. / Я руку, бьющую меня, целую. // В грудь, оттолкнувшую – к груди тяну, / Чтоб, удивясь, прослушал тишину. (М. Цветаева. Пригвождена...);

12. Если стихи воспроизводятся с соблюдением строфического оформления, то необходимо использовать следующие параметры: размер шрифта – 12, межстрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 4 см.:

*В нем пуща и войны кипит всегдашний жар,
На Марсовых полях он грозный был воитель.
Друзьям он верный друг, красавицам мучитель,
И всюду он гусар.*

(А. Пушкин. К портрету Каверина);

13. Неразрывный пробел (Ctrl+Shift+пробел) обязательно используется:

а. между инициалами и фамилией (между инициалами имени и отчества пробел не используется): В.И. Супрун, Супрун В.И., В. Супрун, Супрун В.

б. после знака «с.» (страница) перед номером страницы (страничным интервалом): в тексте статьи – с. 212, с. 212–218; в библиографическом описании – С. 212–218;

в. после указания на количество страниц в библиографическом описании: 418 с.;

г. в сочетаниях и т.д., и т.п.

3. Текст рукописи должен быть построен по следующей схеме:

– Индекс УДК в верхнем левом углу страницы (без абзацного отступа и без выделения).

– **НАЗВАНИЕ** статьи — полужирный, по центру (прописными буквами без переноса слов);

– Через строчку: копирайт ©, год (точка после года не ставится) (полужирный), (три пробела), инициалы и фамилия (фамилии) автора (авторов): выравнивание по левому краю без абзацного отступа (полужирный курсив).

– На следующей строке: официальное название организации (курсив).

– Через строчку: аннотация на русском языке (10 кегль) объёмом до 500 печатных знаков (с пробелами), которая должна кратко отражать цели и задачи проведённого исследования, а также его основные результаты. **Ключевые слова:** (это словосочетание – курсивом) (3–5 слов).

Образец оформления начала статьи

УДК 811.161.1'373.611

ГЛАГОЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С ПРЕДЛОГОМ ПОД СО ЗНАЧЕНИЕМ СРАВНИТЕЛЬНО-УПОДОБИТЕЛЬНЫМ

© 2016. *A. B. Петров*

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

В статье проанализированы глагольные конструкции с предлогом *под*, имеющим сравнительно-уподобительное значение. В глагольных конструкциях исследованы компоненты логической формулы сравнения, их состав и лексическая наполняемость: отнесённость к именам одушевлённым или неодушевлённым, именам нарицательным или собственным, конкретным или абстрактным, арте- или биофактам.

Ключевые слова: глаголы со значением подобия, глагольные конструкции с предлогом под, сравнительно-уподобительное значение предлога под, логическая формула сравнения.

Для создания отделяющих линий используется инструмент «Границы».

– Через строчку – текст статьи (12 кегль), который включает введение, основную часть и заключение.

Введение: постановка проблемы в общем виде и связь с важнейшими научными и практическими задачами, краткий анализ последних исследований и публикаций, в которых начато решение данной проблемы и на которые опирается автор, выделение нерешённых ранее частей общей проблемы, которым посвящена статья, формулировка цели и задач статьи.

Основная часть: основные материалы исследования с полным обоснованием полученных научных результатов; как правило, содержит такие структурные элементы: постановка задачи, метод решения, анализ результатов.

Заключение: констатация решения поставленных во введении задач, перспективы дальнейших изысканий в данном направлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ (10 кегль без абзацного отступа). Перечень литературных источников (СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ) приводится общим списком в конце рукописи по алфавиту на языке оригинала в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТ 7.05-2008 «Библиографическая ссылка». Ссылка на источник даётся в квадратных скобках. Ссылки допускаются только на опубликованные работы. Необходимо включение в список как можно больше свежих первоисточников по исследуемому вопросу (не более чем трёх–четырёхлетней давности). Не следует ограничиваться цитированием работ, принадлежащих только одному коллективу авторов или исследовательской группе. Желательны ссылки на современные зарубежные публикации.

В тексте работы **не допускаются** пристраничные и концевые сноски. Ссылка на источник в библиографии оформляется по модели [номер в списке литературы, запятая, с., страница]: [4, с. 23].

Словосочетание **СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ** (Полужирный) выравнивается по левому краю:

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры. – М.: Наука, 1990. – С. 5–33.
2. Белозерова Е.В. Текстовые реализации лингвокультурных концептов / Е.В. Белозерова // Профессиональная коммуникация: проблемы гуманитарных наук : [сб. науч. тр.]. – Волгоград : ВГСХА, 2005. – Вып. 1. Филология, лингвистика, лингводидактика. – С. 10–17.
3. Леонтьев А.А. Психолингвистические особенности языка СМИ [Электронный ресурс] / А.А. Леонтьев. – Режим доступа: http://www.genhis.philol.msu.ru/article_286.shtml (дата обращения: 25.10.2014).

4. Магера Т.С. Текст политического плаката: лингвогоритическое моделирование (на материале региональных предвыборных плакатов): автореф. дисс. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Т.С. Магера. – Барнаул, 2005. – 18 с.
5. Методология исследований политического дискурса : [сб. научн. тр. / под ред. Васюткина Е. С.] – М.: Мысль, 2000. – 347 с.

- Далее приводится аннотация на английском языке (10 кегль), включающая:
- название статьи (полужирный шрифт – выравнивание по центру),
 - через строку: инициалы и фамилия автора (авторов) (полужирный курсив – выравнивание по ширине),
 - через строку: аннотация, ключевые слова (словосочетание **Key words**: – полужирный курсив) – выравнивание по ширине.

VERBAL CONSTRUCTIONS WITH THE PREPOSITION 'UNDER' IN THE MEANING OF COMPARISON AND SIMILARITY

A.V. Petrov

The study deals with the constructions formed on the pattern «the verb with the meaning of similarity + preposition *under* with the meaning of comparison and similarity + the noun in the Accusative case». The components of the logical formula of comparison have been considered as well as their structure and lexical characteristics. The following lexical features have been revealed: their relatedness to animate or inanimate names, concrete or abstract names, generic names or proper names, artifacts or bio facts.

Key words: verbs with the meaning of similarity, verbal constructions with the preposition *under*, the preposition *under* in the meaning of comparison and similarity, a logical formula of comparison.

– После аннотации курсивом (10 кегль, выравнивание по левой стороне) делается запись: *Поступила в редакцию xx.xx.20xx г.*

– В конце статьи обязательно параллельно в таблице на русском и английском языках указываются (10 кегль, выравнивание по ширине, без абзацного отступа) следующие сведения об авторах (для каждого автора – отдельная строка):

- Фамилия, имя, отчество полностью (полужирный);
- Ученая степень и звание (без выделения).
- Полное название организации – места работы каждого автора, страна, город (без выделения).
- Должность (без выделения).
- Адрес электронной почты.

В конце каждой строки ставится точка.

Образец:

Петров Александр Владимирович. Доктор филологических наук, профессор. ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского». Заведующий кафедрой русского, славянского и общего языкознания факультета славянской филологии и журналистики. E-mail: liza_nada@mail.ru.	Petrov Alexander Vladimirovich. Doctor of Philology, Professor. Taurida Academy of Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Head of Russian, Slavic and General Linguistics Department. E-mail: liza_nada@mail.ru.
---	--

4. Отдельным файлом подаётся анкета автора для индексирования и для авторской картотеки «Вестника» (название файла «(Фамилия автора)_сведения», например, «Петров_сведения»):

Для индексирования

	На русском языке	На английском языке
Фамилия, имя, отчество (полностью)		
Учёные степень и звание		

(если имеются)		
Должность		
Организация, в которой работал автор на момент выхода в свет (или написания) статьи		
Подразделение организации		
Город		
Страна		
Адрес организации		
e-mail		
SPIN-код каждого автора, зарегистрированного в РИНЦ (написан в регистрационной анкете автора на сайте www.elibrary.ru)		
Разделы рубрикатора ГРНТИ, отражающие тематическое направление публикации (www.grnti.ru)		
Название статьи		
Аннотация (до 300 печатных знаков)		
Ключевые слова (3–5 слов/словосочетаний)		

Для авторской картотеки

ФИО	
Учёная степень	
Звание	
Место работы	
Должность	
Электронная почта	
Мобильный телефон	

5. В отдельном файле и на отдельном листе подаются **фамилия и инициалы автора**, а также **название статьи на русском и английском языках**. При этом **фамилия и инициалы автора** набираются через неразрывный пробел и с разреженным межбуквенным интервалом (3 пт) (название файла «(Фамилия автора)_для_оглавления», например, «Петров_для_оглавления»).

Образец

Petrov A. V. Глагольные конструкции с предлогом «под» со значением сравнительно-уподобительным.

Petrov A. V. Verbal constructions with the preposition 'under' in the meaning of comparison and similarity

6. Аспиранты и соискатели вместе со статьёй подают рецензию научного руководителя.

7. Авторы научных статей несут персональную ответственность за наличие элементов плагиата в текстах статей, а также за содержание и достоверность фактов, цитат, имён собственных и других сведений.

8. Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

9. Контактная информация:

283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24, 1 корпус, Филологический факультет (ауд. 451, 452).

Ответственный редактор: Теркулов Вячеслав Исаевич, д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Донецкого национального университета (E-mail: terkulov@rambler.ru).

Ответственный секретарь: Вильдгрубе Светлана Александровна, канд. психол. наук, доцент кафедры психологии ДонНУ (E-mail: s.vildgrube@mail.ru).

Технический секретарь: Коробова-Латынцева Виктория Сергеевна, преподаватель кафедры русского языка ДонНУ (korbova.lat@gmail.com).

Научное издание

Вестник Донецкого национального университета

Серия Д. Филология и психология

Научный журнал

2020. – № 2

На русском, украинском и английском языках

Технические редакторы: М.В. Фоменко, В.С. Коробова-Латынцева

Подписано в печать
Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Печать – цифровая. Условн. печ. л. 19,24
Тираж 100 экз. Заказ №

Издательство ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
83001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.
Тел.: (062) 302-92-27.
Свидетельство о внесении субъекта издательской деятельности
в Государственный реестр
серия ДК № 1854 от 24.06.2004 г.